

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

В.А. Космач

**О ВОЙНАХ
И РЕВОЛЮЦИЯХ
В ИСТОРИИ И НАШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2021*

УДК 94(47+57):316:42
ББК 63.3(2)6-08
К71

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 23.12.2020.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 8 от 26.11.2020.

Автор: профессор кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент *Т.Г. Хришкевич* (г. Псков, Российская Федерация); доцент кафедры истории Беларуси БГПУ имени Максима Танка, кандидат исторических наук *А.Ф. Великий* (г. Минск, Республика Беларусь)

Космач, В.А.

К71

О войнах и революциях в истории и нашей Великой Победе : монография / В.А. Космач. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 241 с.
ISBN 978-985-517-794-5.

Монография посвящена изучению места войн и революций в истории, в том числе Великой Российской революции 1917 года, в авторском изложении и оценках историков. Особое внимание уделено Великому Подвигу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Затрагиваются также оценки истории Второй мировой войны, в том числе в авторском видении.

Подготовлена к изданию в соответствии с планом работы Центра социально-психологических и исторических исследований кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

УДК 94(47+57):316:42
ББК 63.3(2)6-08

ISBN 978-985-517-794-5

© Космач В.А., 2021
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

ГЛАВА 1. ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

Войны и революции – извечные спутники в истории цивилизаций, народов и государств. Войны порождаются соперничеством государств, конфликтными ситуациями в геополитике и международных отношениях, великодержавным шовинизмом и агрессивной внешней политикой правительств и лидеров тех стран, которые делают ставку на **войну как основное средство** реализации интересов национальной безопасности собственных государств, разрешение конфликтных споров и взаимных претензий между странами или блоками государств¹ (рисунок 1).

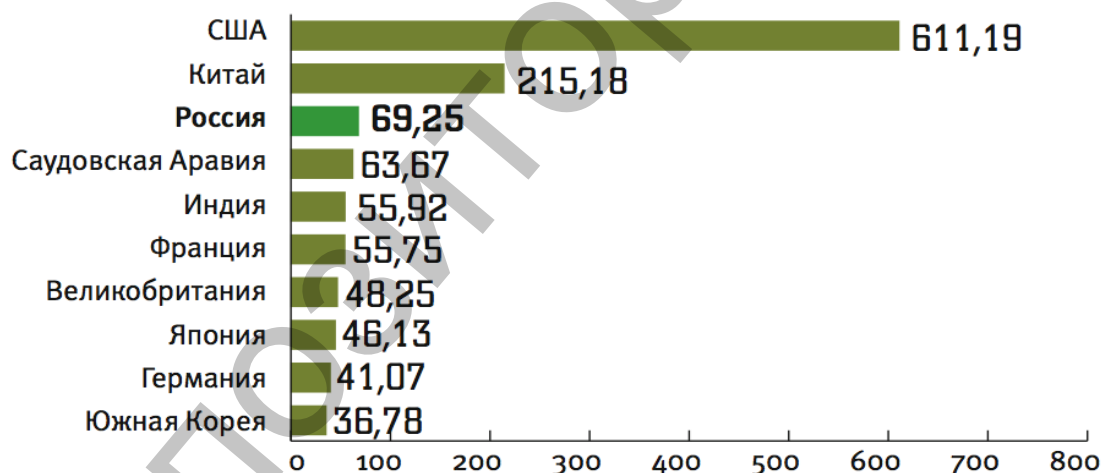

Рисунок 1 – Военные расходы топ-10 стран мира (\$ млрд) (данные за 2016 год)

История человечества, к сожалению, есть, прежде всего, **история войн**. Швейцарец **Жан Жак Бабель** подсчитал, что за всю историю с 3500 г. до н.э. и до наших дней человечество мирно прожило лишь 292 дня.

Если взять период исторического времени от заключения Амфиктионова трактата (первого мирного договора) в 1496 г. до н.э. по 1861 год,

¹ См.: Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1–4; Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.

т.е. временной отрезок в 3357 лет, то на 227 лет мира приходится 3110 лет войны, т.е. один год мира на 13 лет войны².

Профессор факультета компьютерных наук университета штата Колорадо (США) **Аарон Клаузет** подсчитал, что с 1823 (французская интервенция в Испанию) по 2003 год (вторжение США и их союзников в Ирак) в мире произошло в общей сложности 95 крупных вооруженных столкновений между государствами³.

Крупными столкновениями считались боевые действия, в ходе которых погибло более 26 625 военнослужащих. Но в выборку вошли не все конфликты. В частности, за бортом оказалась афганская война. Она, безусловно, относится к числу крупных конфликтов. Однако Клаузет учитывал только сражения между государствами, а боевые действия в Афганистане относятся к категории гражданской войны – СССР действовал в интересах одной из сторон внутреннего конфликта.

Самой чудовищной оказалась Вторая мировая – 16 миллионов убитых солдат. Всего же крупных войн было 34 (схема 1).

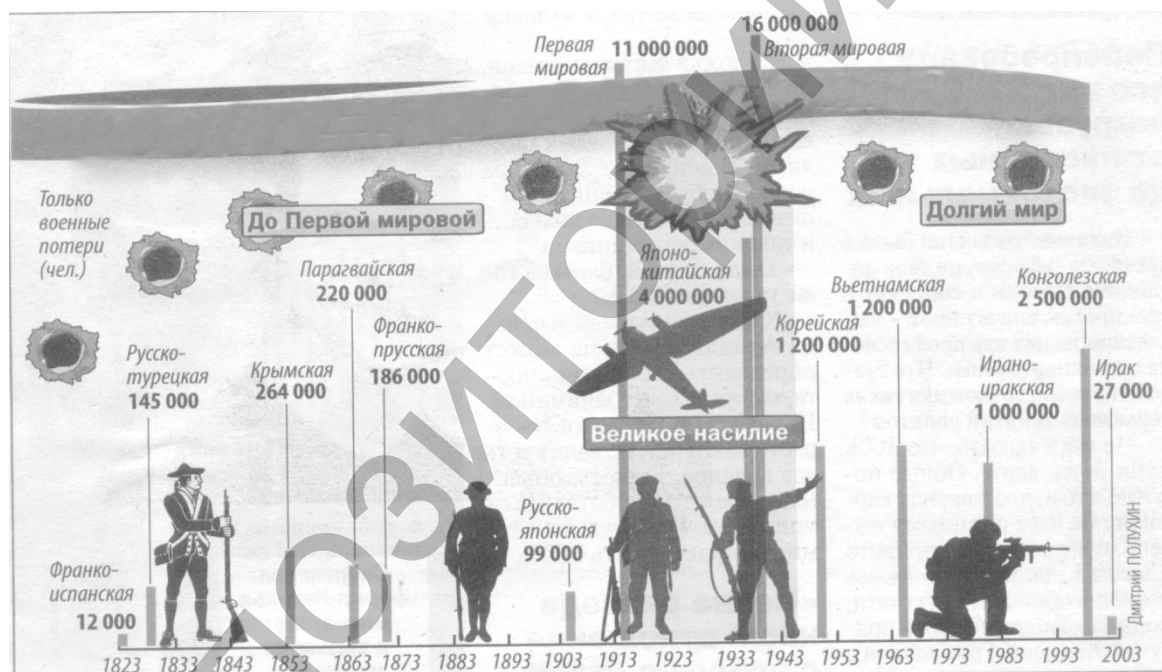

Схема 1 – Военные конфликты с 1823 по 2003 год

Анализируя частоту и интенсивность конфликтов, американский математик выделил 3 периода в истории:

1. За время с 1823 по 1939 год произошло 19 крупных войн с периодичностью раз в 6,2 года.

² См.: Война: энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г.А. Леера. СПб., 1881. Т. 2. С. 269; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 9.

³ См.: Коробатов Я. Математики вычислили, сколько лет осталось до третьей мировой войны // Комсомольская правда. 2018. 11–17 апреля. С. 15.

2. С 1914 по 1939 год начинается эпоха «Великого насилия», когда с интервалом в среднем в 2,7 года произошло 10 особо жестоких кровопролитий.

3. После окончания Второй мировой войны насчитали всего пять конфликтов, и периодичность составляла 12,8 года.

Однако, по мнению **Клаузета**, сухой язык математических формул говорит о том, что «долгий мир» – это только кажущаяся идиллия.

По выкладкам Клаузета, максимальный разрыв между Второй и третьей мировыми войнами может составить 205 лет. То есть война теоретически может начаться в 2150-м. Или раньше⁴.

Истории известны две, крайне разрушительные, мировые войны. **Первая мировая война 1914–1918 гг.** (участвовали 38 государств из 59-ти, $\frac{2}{3}$ населения земного шара) унесла жизни от 10 до 15 млн человек, а если добавить «испанку» (самую массовую пандемию гриппа), то 65 млн человек. Более 20 млн военнослужащих были ранены. В результате Первой мировой войны рухнули четыре империи: Российская, Германская, Османская и Австро-Венгерская⁵. Первая мировая война продолжалась 1568 дней. Она завершилась полным поражением и капитуляцией Германии и ее союзников. Война не только не смогла разрешить тех противоречий, которые привели к ее возникновению, но, наоборот, способствовала их углублению, усилила объективные предпосылки возникновения новых кризисных ситуаций в послевоенном мире. Сразу же после ее окончания развернулась борьба за новый передел мира, которая через два десятилетия привела ко **Второй мировой войне 1939–1945 гг.**, еще более разрушительной по своим последствиям.

В ряде стран **Первая мировая война** закончилась мощным революционным взрывом доведенных до отчаяния народных масс и свержением правительств, стоявших за продолжение войны. Победа Антанты в войне была закреплена в целом ряде договоров, которые державы-победительницы навязали побежденным странам. **На Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.** была учреждена **Лига Наций**. В результате послевоенного устройства значительно изменилась политическая карта мира, распались Османская империя и Австро-Венгрия, появился целый ряд новых государств (Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Югославия и др.).

Численность воюющих армий в Первой мировой войне превысила 37 млн чел., общее количество мобилизованных в вооруженной силы около 70 млн чел. Протяженность фронтов составляла до 2,5–4 тыс. км. Людские потери сторон – около 9,5 млн убитых и свыше 20 млн раненых⁶.

⁴ См.: Коробатов Я. Математики вычислили, сколько лет осталось до третьей мировой войны // Комсомольская правда. 2018. 11–17 апреля. С. 15.

⁵ См.: Первая мировая война 1914–1918 // Большая Российская Энциклопедия (БРЭ): в 35 т. Т. 25. С. 590.

⁶ Там же. С. 599.

Как отмечает **Н.В. Павлов**, в Первую мировую войну «было вовлечено 38 государств с населением в 1,5 млрд человек – 87% населения всей планеты. Ее итогом стали около 10 млн погибших и 20 млн раненых. Общие потери населения Германской империи составили 7 млн человек, в том числе было убито примерно 2 млн. Более 1 млн оказалось в плену»⁷.

«Вооруженная борьба России, – писал **М.К. Касвинов**, – с австро-германским блоком длилась три года и семь месяцев. За 1290 дней сражений, разыгравшихся в пространстве между Балтийским и Черным морями, русская армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести до семи миллионов человек.

Таковы статистические данные послевоенных лет. А отставной военный министр **Д.С. Шуваев** в 1918 г. приводил цифру потерь 8 млн. Ту же цифру в 1924 г. повторил в своих белоэмигрантских мемуарах **В.В. Шульгин**. У **С. Струмилина** 975 тыс. – это только число погибших. Общую же цифру потерь России он определял во много миллионов жизней, к тому же с оговоркой, что в 1920 г. достаточно полных сведений о потерях еще не было.

Более поздний официальный источник говорит, что только убитыми Россия потеряла 2,5 млн человек. Одним словом, велик и страшен был конечный счет смерти»⁸.

Вторая мировая война 1939–1945 гг. (участвовало 61 государство из 73-х) охватила 80% населения Земли. Историк **Эндрю Робертс** подсчитал, что Вторая мировая война длилась 2174 дня, обошлась в 1,5 трл долларов и унесла жизни более 50 млн человек. Это значит, что на протяжении шести лет погибали 23 тыс. человек, или шесть человек каждую минуту. Более половины из этого числа были гражданами Советского Союза (27 млн человек)⁹. Правда, Э. Робертс явно недооценил потери Китая (от 15 до 35 млн человек)¹⁰. По некоторым другим данным, Вторая мировая война унесла от 40 до 75 млн человеческих жизней¹¹. Как справедливо отмечено в 6-м томе «Большой Российской энциклопедии» (БРЭ), **Вторая мировая война** явилась крупнейшим военным столкновением в истории человечества. Она длилась 6 лет, численность населения участвовавших государств составила 1,7 млрд чел. в рядах военных сил находилось 110 млн чел. Военные действия велись на территории Европы, Азии, Африки, в Атлантическом, Тихом, Индийском и Северном океанах. Она была самой разрушительной и кровопролитной из войн. В ней погибло свыше 55 млн человек¹² (рисунок 2).

⁷ См.: Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2007. С. 64.

⁸ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 25.

⁹ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 14.

¹⁰ См.: Нарочницкая Н. А., Фомин В.М. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 14.

¹¹ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 310.

¹² См.: Вторая мировая война 1939–45 // БРЭ: в 35 т. Т. 6. С.76.

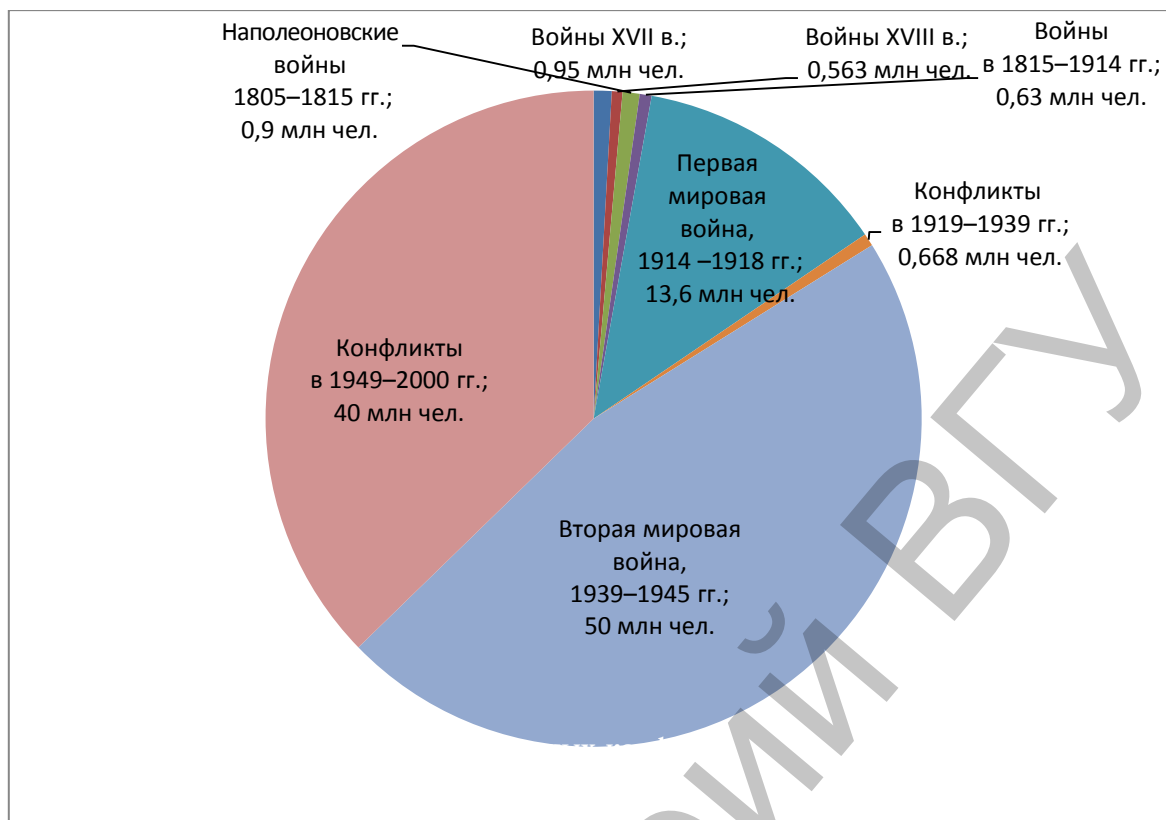

Рисунок 2 – Потери в различных конфликтах и войнах

По **Ф.Д. Волкову**, «пока еще нет точных цифр погибших в кровавых войнах, опустошавших страны Европы. Но по приблизительным данным только в годы Второй мировой войны потери составили: СССР – свыше 27 млн человек; Югославии – 1706 тыс.; Польши – более 6 млн; США – 408 тыс.; Великобритании – 357 тыс.; Китая – 10 млн. Фашистская Германия потеряла 13 500 тыс.; Япония – 3 млн человек.

Общие прямые потери человечества за годы Второй мировой войны составляют гигантскую цифру в 55–60 млн человек. Если приплюсовать к этим трагическим цифрам косвенные потери – от сокращения рождаемости, гибели от болезней и голода, то количество погибших приблизится к 90–100 млн человек. Таковы размеры человеческой трагедии Второй мировой войны по сравнению с Первой мировой войной 1914–1918 гг., унесшей свыше 10 млн человеческих жизней»¹³.

Как отмечает **В. Галин**, агония европейской либеральной демократии образца XIX в. привела к гибели почти 90 млн людей в первой половине XX в. 20 млн в Первой мировой, 8 млн во время интервенции в Россию, и почти 55 млн во Второй мировой. И это не считая почти 50 млн погибших от «испанки», вследствие Первой мировой, миллионов умерших от голода и болезней, ставших следствием разорения, вызванного обеими войнами.

¹³ См.: Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 7.

Цена же, которую заплатила Россия за будущее Европы и мира, выразилась в разорении русского народа и почти в 35 млн погибших во время интервенции Запада и Второй мировой войны. Скептик скажет, что Европа и мир не просили, чтобы их спасали. – Не только не просили, а наоборот, сначала организовали экономическую и политическую блокаду Советской России, а затем послали в нее миллионы своих солдат. И Россия сражалась за свое будущее, но одновременно это было и стало будущим и Европы, и всего мира¹⁴.

Затем пришла «холодная война». По американскому политологу **Параге Ханне**, по различным подсчетам в конфликтах времен «холодной войны» погибло не менее 20 млн человек. Достаточно вспомнить войну в Корее, две войны в Индокитае, пять войн на Ближнем Востоке, войну в Афганистане, Индо-Пакистанскую и Ирано-Иракскую войны и т.д.

Теперь преобладают внутрисоциальные конфликты. В 2009 г. в мире было зарегистрировано 17 крупных международных конфликтов. На протяжении шести лет (2004–2009) ни один из них не был межгосударственным, все были внутренними. За 10 лет (2000–2009) только 3 из 30 крупных вооруженных конфликтов были межгосударственными – между Индией и Пакистаном; Эфиопией и Эритреей и вооруженная интервенция США в Ираке в 2003 г.¹⁵

Как подчеркивал в год вступления на престол Николая II профессор Николаевской академии Генерального штаба и военный историк генерал-майор **Николай Сухотин**, «с XIV века, с которого можно считать начало возрождения русского государства, и до нынешних дней, в течение 525 лет (1368–1893) Россия провела в войнах 353 года, т.е. две трети всей жизни, в том числе во внешней войне 305 лет (считая войну на Кавказе – 329 лет...)». Только за четыре века, предшествовавшие революции, страна воевала 167 раз, чаще, чем кто бы то ни было. Причины были различные. Но чаще – давали отпор тем, кто привык или пытался разговаривать с ней с позиции силы¹⁶ (таблица 1).

Таблица 1 – Исторические войны России

Название войны	Определение
<i>Невская битва</i>	Сражение на реке Неве (23 июля 1240 г.), в ходе которого русским войском под руководством Александра Ярославича были разгромлены шведские войска
<i>Ледовое побоище</i>	Победа Александра Невского над немецкими рыцарями Ливонского ордена на Чудском озере (5 апреля 1242 г.)
<i>Куликовская битва</i>	Сражение (21 сентября 1380 г.), в результате которого русские войска во главе с великим князем Московским и Владимирским Дмитрием Донским разгромили монголо-татарское войско под командованием Мамаю

¹⁴ См.: Галин В.В. Политэкономия войны. Тупик либерализма. М., 2007. С. 329.

¹⁵ См.: Ханна П. Второй мир. М., 2010. С. 69, 73.

¹⁶ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 31.

Название войны	Определение
<i>Смута (Смутное время)</i>	Глубокий духовный, экономический, социальный и внешнеполитический кризис, постигший Россию в конце XVI – начале XVII в. Совпал с династическим кризисом и борьбой боярских группировок за власть, поставившей страну на грань катастрофы
<i>Русско-литовские войны</i>	Войны конца XV – первой половины XVI в. между Московским государством и Великим княжеством Литовским за обладание западнорусскими землями (бывшее Галицкое, Владимиро-Волынское, Киевское, Турово-Пинское, Полоцкое, Новгород-Северское, Черниговское и Смоленское княжества)
<i>Русско-польские войны</i>	Войны между Россией (Московским государством) и Речью Посполитой (Польско-Литовским государством) во второй половине XVI – третьей четверти XVII в. за обладание западнорусскими землями (Смоленщина, Черниговщина, Белоруссия, Черная Русь, Полесье, Украина (Малороссия), Подолия, Волынь, Червонная Русь); стали продолжением войн Московского княжества с Великим княжеством Литовским в первой четверти XVI в.
<i>Русско-турецкие войны</i>	Войны между Россией (Московским государством, затем Российской империей) и Османской империей (Турцией) во второй половине XVII – начале XX в.; до 1783 г. на стороне Османской империи неизменно выступало вассальное ей Крымское ханство
<i>Русско-шведские войны</i>	Войны Русского государства (Московского царства, Российской империи) и Швеции за контроль над Восточной Балтикой в конце XV – начале XIX в.
<i>Русско-персидские войны</i>	Войны Российской империи с Персией (Ираном) за господство в Восточном Закавказье в XVIII – первой трети XIX в.
<i>Северная война</i>	Война России и ее союзников против Швеции в 1700–1721 гг. за выход к Балтийскому морю
<i>Семилетняя война</i>	Война (1756–1763) коалиции Австрии, России, Франции, Саксонии, Швеции и Испании против Пруссии и Великобритании
<i>Аустерлицкое сражение</i>	Крупное генеральное битва в войне между французским императором Наполеоном Бонапартом и Третьей антинаполеоновской коалицией Австрии, России, Швеции, Королевства обеих Сицилий и Великобритании 20 ноября (2 декабря) 1805 г.
<i>Отечественная война 1812 года</i>	Война 1812 г. – война между Россией и наполеоновской Францией на территории России; вторжение, которое закончилось победой русской армии над «Великой армией» Наполеона
<i>Смоленское сражение</i>	Сражение – битва русских войск под командованием М.Б. Барклая-де-Толли против превосходящих главных сил армии Наполеона под Смоленском, после которого русские войска отошли за Днепр, сорвав замысел Наполеона уничтожить российскую армию в генеральном сражении

Название войны	Определение
<i>Бородинское сражение</i>	Важнейшая битва Отечественной войны 1812 г., генеральное сражение, данное М.И. Кутузовым Наполеону, в результате которого в войсках Наполеона невосполнимые потери понесла конница, что в дальнейшем во многом предопределило его поражение
<i>Русско-японская война</i>	Война России и Японии за господство в Северном Китае (Маньчжурии) и Корею, причиной которой стала русская экспансия в Маньчжурии (1904–1905 гг.)
<i>Первая мировая война</i>	Первый в истории военный конфликт мирового масштаба, в который были вовлечены 38 из существовавших в то время 59 независимых государств (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.)
<i>Гражданская война</i>	Вооруженная борьба (1917–1922) между различными политическими, этническими, социальными группами и государственными образованиями на территории бывшей Российской империи, последовавшая за Октябрьской революцией 1917 г.
<i>Великая Отечественная война</i>	Война СССР с Германией и ее союзниками в 1941–1945 гг. и с Японией в 1945 г.; составная часть Второй мировой войны, крупнейшее событие XX в.

Источник: *Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ros-mir.ru*

Если бы не войны и революции, то по мнению великого ученого-химика **Дмитрия Менделеева**, к 2050 году численность населения России могла составить 800 млн человек. По «среднему варианту» последних прогнозов ООН, население Российской Федерации к середине XXI века не превысит 100 млн человек (сейчас – 143 млн человек)¹⁷.

Крайне разрушительны и кровавы **гражданские войны**. После 1945 г. на Земле велось 150 крупных гражданских войн. В XXI в. продолжалось примерно десять, в которых гибло более 10 000 человек в год. Наибольшие жертвы – в Ливии, Сирии, Ираке и Украине. Страшной по человеческим жертвам и разрушениям была гражданская война 1917–1922 гг. в России¹⁸ (таблица 2):

Таблица 2 – Итоги гражданской войны 1917–1922 гг. в России

№	Категории потерь	Численность, млн чел.
1	Умерло от голода и эпидемий	6
2	Всего погибло	10,5
3	Эмигрировало	2

¹⁷ См.: Никонов. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁸ См.: История России XX – начала XXI века: в 2 т. Т. 1. 1900–1941: учебник для академического бакалавриата / под ред. Д.О. Чуракова. М., 2016. С. 229; История России. XX век: 1939–2007. М., 2009. С. 186; История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 763–764.

По **В. Галину**, совокупные прямые потери России от Первой мировой, гражданской войны и интервенции составили около 12 млн человек (с учетом эмигрантов)¹⁹. «В ходе гражданской войны, – отмечает **А.Г. Ушаков**, – от голода, болезней, террора и в боях погибнет от 8 до 13 миллионов человек. Страну покинет около 2 миллионов самых грамотных, а почти все оставшиеся с высшим образованием будут истреблены. За годы войны резко увеличится число беспризорных детей. По некоторым данным, в России в 1922 году будет около 7 миллионов беспризорников. Ущерб народному хозяйству составит около 50 миллиардов золотых рублей, а промышленное производство упадет до 4–20% от уровня 1913 года»²⁰.

Английский историк из Лондонского университета **Джонатан Смил** анализирует несколько гражданских войн в России на протяжении 1916–1926 гг. Только в одной гражданской войне 1918–1919 гг., по его мнению, погибло примерно 10,5 млн человек, из которых примерно 80% умерли от голода, холода и болезней²¹. «Современные историки, – пишет **В.А. Никонов**, – говоря о гражданской войне в Советской России, – оценивают общие демографические потери на фронтах и в тылу воевавших сторон (в боях, от голода, эпидемий и террора) в восемь миллионов человек»²².

Как отмечает **М.Е. Разиньков**, участники гражданского противостояния на территории бывшей Российской империи по-разному понимали, что такое «гражданская война»²³. Тон большевистским интерпретациям в рассматриваемый период задавал В.И. Ленин. Существуют два основных ленинских определения гражданской войны, относящиеся к марту 1915 и сентябрю 1917 года. **Гражданская война** предстает в них результатом классовой борьбы, возникшей на почве экономических противоречий капитализма. Учитывая основные конфликтные поля (социальное, политическое, экономическое), Ленин ограничивал главные противоборствующие силы революции буржуазией и пролетариатом, отбрасывая в определениях крестьянство и считая второстепенными национальные противоречия. В 1918–1921 гг. мы не встречаем новых ленинских трактовок феномена гражданской войны. Однако это не значит, что его взгляды не менялись. Известно, что к началу 1920-х гг., характеризуя процесс гражданской войны, он стал придавать большее значение национальному вопросу.

Публичные высказывания советских военных и политических деятелей о гражданской войне лежали, в общем, в русле ленинской концеп-

¹⁹ См.: Галин В.В. Политэкономия войны. Тупик либерализма. М., 2007. С. 302.

²⁰ См.: Ушаков А.Г. 1917 год и сюрреализм русской истории. Октябрь уже наступил. М., 2017. С. 358.

²¹ См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169.

²² См.: Никонов В.А. Молотов. М., 2017. С. 92.

²³ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3

ции. Например, начальник Политуправления РВСР и руководитель Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой и гражданской войн при РВСР **С.И. Гусев** давал определение, аналогичное ленинскому. Сходным образом рассуждал **М.Н. Тухачевский**, подчеркивая, однако, политическую составляющую гражданской войны, которая «по существу, является борьбой за государственную власть»²⁴.

Большевики пытались типологизировать гражданские войны, указывая при этом на принципиальные отличия их борьбы от внутренних войн, происходивших ранее. В сентябрьских работах 1917 г. Ленин разделял пролетарскую и буржуазную гражданские войны. Он всячески подчеркивая глубину, народность, открытость целей, силу пролетарской войны в отличие от буржуазной, которую, по его мнению, разжигали генералы типа Л.Г. Корнилова, кадеты, буржуазные круги, опираясь на «дикую дивизию» (в данном случае, «темные массы») и казачество. Придя к власти, В.И. Ульянов-Ленин пытался оперировать этой типологией, например, в антикадетском «Декрете об аресте вождей гражданской войны против революции», но скоро заменил ее более простой схемой «революция–контрреволюция».

Пытаясь объяснить катастрофу большевистского режима весны – лета 1918 г., Ленин ввел понятие «**международная гражданская война**», в основе которого было сопротивление пролетариата стремлению международной буржуазии задушить мировую рабочую революцию. По мысли Ленина, сформулированной в 1919 г., «истинная» гражданская война началась лишь после слияния ее в ходе чехословацкого мятежа с войной империалистической, изменившей, как он полагал, масштабы войны и превратившей Россию в знаменосца гражданских войн по всей Европе.

Н.И. Бухарин разделял гражданскую войну и классовую. Если гражданская война – это «война внутри стран», то классовая – это война «между государственно-организованной буржуазией (империалистическими государствами) и государственно-организованным пролетариатом (советскими республиками)». По сути, классовая война у Бухарина является аналогом внешней революционной войны²⁵.

Таким образом, для политических и военных руководителей большевиков **гражданская война** выступала наиболее острым социальным конфликтом на почве экономических (в первую очередь) и политических противоречий. Эти определения легли в основу «советского» понимания феномена гражданской войны как «организованной вооруженной борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны, наиболее острой формы классовой борьбы».

²⁴ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 4.

²⁵ Там же. С. 4–5.

Высказывания о сущности гражданской войны участников **Белого движения** отличаются большим многообразием, но их можно объединить в несколько групп:

1. Гражданская война – это тяжелая болезнь общества, отражающаяся на духовном здоровье каждого человека. Ненависть до озверения, ощущение внутриличностного раскола, развращение нравов, выливающееся в колоссальную коррупцию, гнетущая атмосфера опустошенных районов страны, постоянные убийства и втягивание в конфликт даже малолетних – все это выступало признаками духовной деградации социума.

2. Гражданская война – это борьба за сохранение русского государства, гибнущего под ударами «интернационала». Такая борьба воспринималась как фактор мирового значения, при этом Россия рассматривалась как часть мировой христианской культуры и европейской цивилизации. «Борьба неизбежна... пока в России не установится настоящая государственная власть любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам», – писал П.Н. Врангель²⁶.

3. Гражданская война – это раскол русского этноса, некогда единого социума, «братоубийство», под которым понимались и убийство родственника, и война против однокашников, жителей одного села, и вражда представителей единого русского народа.

Таким образом, **белые** определяли **гражданскую войну** как, в первую очередь, духовный, политический и национальный, а не социально-классовый конфликт.

Отсутствие идеологического контроля позволило участникам антибольшевистского движения выдвигать оригинальные трактовки сущности гражданской войны. Руководитель ярославского восстания и генерал колчаковской армии **А.П. Перхуров** записал: «Минувшая гражданская война являлась результатом не воли отдельных лиц, а следствием того стихийного начала, которое заложено в человеческую природу. У людей могут быть совершенно различные взгляды на способы достижения, одной и той же цели. И только результаты борьбы могут показать, на чью сторону склоняется большинство. Ликвидация белых армий показала, что активных сторонников, хотя бы и косвенных, было больше у советской власти»²⁷. Данное определение, на наш взгляд, выдвигает на первый план стихийное начало гражданской войны.

П.Н. Краснов предложил любопытную периодизацию гражданской войны на Дону, согласно которой война из народной превратилась в классовую: «Историю борьбы донцов с большевиками можно разделить на следующие три периода: период первый – народная война казачьей народной

²⁶ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 5.

²⁷ Там же. С. 6.

армии против разбойничьих шаек большевиков – Красной гвардии. Период второй – народная война казачьей народной армии против Красной рабоче-крестьянской народной армии за целостность своих станиц. Период третий – классовая война Добровольческой армии, в которую влились, как части, казачьи армии, против рабоче-крестьянской Красной Армии»²⁸. Таким образом, Краснов признавал переход конфликта с национального уровня на социальный, что и предопределило, по его мнению, падение белых режимов, ибо прежние элитарные классы не могли дать многое ни в плане людских ресурсов, ни в плане удовлетворения чаяний казаков, как народа.

Известно, что партия **кадетов** обеспечивала Белому движению идеологическое осмысление ситуации в стране. На партийных съездах 1917 г. кадеты рассуждали о нарастании противостояния как, прежде всего, национального раскола. Особенно остро этот вопрос был поставлен на X съезде (14–16 октября 1917 г.), где **П.И. Новгородцев** и **П.Н. Милюков** заявили о необходимости не общедемократического, а общенационального единства. На конференциях 1918–1919 гг. кадеты рассуждали о гибели России как государства, необходимости восстановления ее как русского национального организма, противопоставляли общенациональное единство классовой солидарности. Сходная линия проводилась на заседаниях Всероссийского национального центра, где кадеты играли ведущую роль. Основные положения ВНЦ обозначали цели организации следующим образом: «Раздору классов и Гражданской войны должна быть противопоставлена общая для всех патриотическая задача возрождения Единой и Великой России, восстановления в ней социального мира и государственного порядка, утверждающегося на примирении и сотрудничестве всех классов и всех групп населения».

Как и военные участники Белого движения, **кадеты** говорили о гражданской войне как о духовном кризисе, сравнивали, происходящее с болезнью, воспринимали большевизм как откровенно контркультурное явление, попирающее основы мировой цивилизации и принципы демократии. **Н.И. Астров**, выступая на конференции в Екатеринодаре (октябрь 1918 г.), заявлял: «Россия пала и разбилась на части. Образовался провал, ширится кровавое пятно, – гангрена, – дело шайки международных бандитов». **А.К. Клафтон** на майской конференции 1919 г. в Омске говорил, что разгоревшаяся борьба идет «во имя русской национальной культуры, во имя целостности нашего государства, во имя подлинных интересов демократии»²⁹.

Меньшевицкие организации и ПСР в конце 1917 г. выдвинули тезис о двух внутренних войнах, начавшихся в стране. Первая, которую они, собственно, и называли гражданской, – это вооруженное противостояние между силами революционной демократии; вторая – это классово-

²⁸ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 6.

²⁹ Там же С. 6.

вая война против контрреволюции, отождествлявшейся с элитарными слоями царской России. При этом теоретические установки обоих течений российского социализма претерпели в 1917–1920 гг. изменения.

В ноябре – декабре 1917 г. лидеры социал-демократии (**А.Н. Потресов, Ф.И. Дан**) попытались опровергнуть большевистский тезис о классовом характере октябрьской революции, оценив ее как бунт маргинализованных масс. В октябре 1917 – январе 1918 г. меньшевики говорили о необходимости сплочения сил демократии для преодоления гражданской междоусобицы. Под «демократией» они понимали, с одной стороны, социалистические партии, а, с другой – рабочих и крестьян. Контрреволюция, то есть силы, выступавшие за реставрацию дореволюционной власти или военную диктатуру, исключалась из процесса примирения.

К концу 1918 г. взгляды меньшевиков на сущность гражданской войны несколько изменились. В осенних резолюциях ЦК РСДРП 1918 г. говорится не о борьбе между социалистами, а о необходимости «прекращения гражданской войны между трудящимися классами города и деревни». Эта мысль проводилась меньшевиками и в 1919–1920 годах. Они подтверждали, что цель партии – не вооруженная борьба с большевиками, а «восстановление революционно-демократического союза пролетариата и крестьянства и сплочение вокруг этого союза всех демократических элементов страны... восстановить единение всех частей демократии и создать... последовательно-демократическую государственность»³⁰.

Рассуждения идеологов **партии социалистов-революционеров** первоначально напоминали теоретические построения социал-демократов. В конце 1917 г. они также разделяли гражданскую «братоубийственную» войну в рядах революционной демократии и войну против контрреволюции. Однако впоследствии эсеры пошли дальше меньшевиков в организации сопротивления большевиками. На VIII Совете партии (май 1918 г.) большевистская власть была объявлена главным препятствием для возрождения национальной государственности и восстановления независимости России, «поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии; эта ликвидация не только не усугубит гражданской войны в рядах трудовой демократии, но, наоборот, приведет к восстановлению единства демократии». Таким образом, в руководящих кругах ПСР считали возможным организацию гражданской войны как борьбы «сил демократии» против большевиков, при этом из лагеря сторонников не исключались и представители «контрреволюции». Последних предполагалось привлечь в качестве партнеров-союзников и, используя тактику «обволакивания» превратить в помощников демократических сил, подобно большевистским военспецам.

Свою трактовку «гражданской войны» попытались предложить **левые эсеры**. Выступая на I съезде партии в ноябре 1917 г. **Б.Д. Камков**, за-

³⁰ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 7.

являл о необходимости разделения понятий «гражданская война» и «классовая борьба». При этом трактовка «классовой борьбы» была сходна с трактовкой ортодоксальных эсеров и социал-демократов как войны против внутренней контрреволюции. Другой докладчик, А.А. Шрейдер, говорил о необходимости создания единого революционного фронта социалистов «для превращения гражданской войны в классовую». Однако очень скоро ПЛСР отказалась от идеи какого-либо сотрудничества с меньшевиками и ПСР, что напрямую сказалось на интерпретации происходившего в стране. Термин «гражданская война», и без того редко употреблявшийся в теоретических рассуждениях, стал вытесняться термином «социальная революция»! Единственное, что к лету 1918 г. они назвали «гражданской войной», – это нарастание напряженности внутри трудового крестьянства, инициированное созданием комбедов.

Анархисты, как и участники ПЛСР, старались не употреблять термин «гражданская война», называя все происходившее «защитой социальной революции». Иногда «социальная революция» заменялась понятием «социальная война», которую следует понимать как аналог «классовой» войны с контрреволюцией. Так, конференция анархистов в Харькове в июле 1917 г. призывала: «Дружным напором народов встав на дыбы революции, мы приглашаем всех угнетенных и скорбящих прекратить братоубийственную войну на просторах государств (первую мировую) и объявить и открыть войну социальную, после которой наступит мир и благоденствие, песни и радость»³¹.

Ленинские взгляды на хронологические границы гражданской войны претерпели значительную эволюцию. К осени 1917 г. он пришел к мысли, что победа над буржуазией будет достигнута достаточно быстро путем передачи собственности имущих слоев государству. Калединщина на Дону, красновское наступление на Петроград, бои в Москве воспринимались как акты заранее предсказанной и необходимой гражданской войны, а поражение антибольшевистских сил в этом противостоянии как ожидаемая победа над силами буржуазии. Восстание чехословацкого корпуса, мятеж донских казаков, Второй Кубанский поход подвели жирную черту под ленинскими иллюзиями. Ему понадобилось почти два месяца, чтобы адекватно оценить масштабы катастрофы (первые признания о ней произошли только в конце июля 1918 г.), и более полугода, чтобы внести дополнения в свою доктрину гражданской войны. В феврале 1919 г. **Ленин** выдвинул тезис о «**мировой гражданской войне**», начавшейся с конца 1918 года. Важнейшими предпосылками для такой идеи стали революции в странах германского блока, рост революционных настроений в Европе, поддержка Антантой Белого движения и национальных правительств на территории бывшей Российской империи. Интересно, что Ленин называл и сроки победы в «мировой гражданской войне», точнее,

³¹ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 8.

победы «советского движения». В апреле 1919 г., после установления советской республики в Венгрии, он заявил: «До полной нашей победы необходимо продержаться еще четыре или пять месяцев». Иначе говоря, победа мирового пролетариата ожидалась осенью 1919 года. Поскольку такая победа не наступила, Ленин в дальнейшем предпочитал лишь напоминать о мировом значении гражданской войны в России³².

С весны 1920 г. **Ленин** внес поправки и в общую периодизацию гражданской войны, по сути, попытавшись порвать со своими прежними взглядами. Очевидно, что события лета 1918 г. настолько изменили его теоретические установки, что он стал считать столкновения осени 1917 – весны 1918 г. не гражданской войной, а в лучшем случае ее прелюдией. В частности, в апреле 1920 г., рассуждая о задачах мирного строительства, он заявил: «Когда мы их только впервые ставили в 1918 году, у нас никакой гражданской войны не было». В августе 1921 г. в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» он выразился весьма четко, определяя границы гражданской войны: «от чехословаков и “учредилловцев” до Врангеля, 1918–1920 годов».

Социалисты увязывали начало гражданской войны с большевистским переворотом. Иногда, чаще всего «задним числом», к событиям гражданской войны пытались отнести июльские волнения в Петрограде или корниловский мятеж. Идея о том, что гражданская война началась в момент большевистского переворота, присутствует, например, в выступлениях меньшевистских депутатов на II съезде Советов, в обращении ЦК РСДРП (о) к рабочим Петрограда 27 и 28 октября 1917 года. На Учредительном собрании в декларации социал-демократической фракции, зачитанной **И.Г. Церетели**, четко сказано, что в стране на момент созыва собрания пылает «пожар гражданской войны». Что касается даты окончания гражданской войны, то к началу 1921 г. меньшевики перестали характеризовать текущую ситуацию как гражданскую войну, поскольку крестьянские выступления оценивались как контрреволюционные, то есть считались разновидностью классовой борьбы³³.

Эсеры активно оперировали понятием «гражданская война», по крайней мере, с апреля 1917 года. События лета 1917 г. воспринимались руководством ПСР как очень опасные, нагнетающие гражданскую войну. В ноябре 1917 г. **В.М. Чернов** называл гражданской войной июльские события в Петрограде. Таким образом, весной – летом 1917 г. эсеры фиксировали раскол внутри сил революционной демократии. Одновременно проявляла себя и «классовая борьба» в лице корниловского выступления, которое именовалось не иначе как «мятеж контрреволюционной буржуазии». Как и меньшевики, эсеры связывали начало гражданской войны с большевистской революцией. В постановлении ЦК ПСР от 2 ноября 1917 г.

³² См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 8.

³³ Там же. С. 11–12.

напрямую говорилось: «По всей стране вспыхнула гражданская война и одни части войск столкнулись с другими в братоубийственной бойне (имеются в виду события под Гатчиной и в Москве)». Что касается даты окончания гражданской войны, то после согласия руководителей ПСР на сотрудничество с советским режимом в 1919–1920 гг., перед эсерами встала следующая проблема: с одной стороны, «гражданская война» как война между силами демократии закончилась, с другой, вооруженное противостояние продолжалось. Сохраняя линию на временность союза с большевиками, эсеры безуспешно пытались перехватить у них власть во время падения белого режима в Сибири. В поисках альтернативы большевистской программе прошел 1920 г., и уже в сентябре 1920 г. зазвучали предложения возобновить гражданскую войну демократии против большевиков, при этом крестьянские выступления воспринимались, скорее, как формы классовой борьбы, а не войны внутри сил трудовой демократии³⁴.

Можно заключить, как подчеркивает **М.Е. Разиньков**, что для социалистических партий начало собственно гражданской войны произошло в октябре (иногда называется июль) 1917 года. Дата же окончания войны оказалась размыта, но очевидно, что в 1920–1921 гг. они перестают использовать в риторике термин «гражданская война» для определения сложившейся ситуации. Одновременно начало классовой войны увязывалось ими с корниловским выступлением и мятежами осени – зимы 1917–1918 гг., а ее окончание продлевалось до 1921–1922 годов³⁵.

Левые эсеры также называли большевистскую революцию датой начала гражданской войны как войны внутри демократии. В докладе **Ю.В. Саблина** на II съезде ПЛСР говорится даже о целой «эпохе гражданских войн» на юге страны, «которые приняли особенно широкие размеры в октябрьские дни [1917 г.]». Дальнейшая оценка происходившего не как гражданской войны, а как социальной революции, несколько осложняет анализ периодизации. Однако очевидно, что рассуждения эсеров о гражданской войне и классовой борьбе, попытки примирения с большевиками в 1919–1920 гг., вели их по логике теоретиков умеренных социалистических партий. В то же время социальная революция рассматривалась как явление более глобальное и ее окончание относилось к более позднему времени, нежели 1919–1920 годы³⁶.

Не совсем ясной, в силу большого разброса мнений и подмены понятия «гражданская война» «социальной революцией», представляется точка зрения **анархистов**. В любом случае, их мнение не было единым в силу разнообразных оттенков в анархическом движении. Это же разнообразие порождало локальный, субъективный взгляд на динамику происходившего. Так, Одесская федерация анархистов весной 1918 г. говорила только об угрозе «братоубийственной войны». Одновременно таким

³⁴ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 12.

³⁵ Там же. С. 12–13.

³⁶ Там же. С. 12–13.

же братоубийством назывался разгром махновцев красноармейцами в конце 1920 года. Параллельно с лета 1919 г., по мнению анархистов, началась «третья революция» против антинародного режима большевиков.

Для риторики съездов и конференций **кадетов** не характерно употребление термина «гражданская война» ни в 1917 г., ни в дальнейшем, поскольку представители партии предпочитали называть развернувшиеся события национальной катастрофой. На прошедших в 1917 г. VII–X съездах партии упоминания термина «гражданская война» были единичными и звучали в контексте критики социалистов. На IX съезде (июль 1917 г.) **П.Н. Милюков** заявляя, что «министры-социалисты входят в правительство не для восстановления внутреннего мира в стране, а для усиления классовой борьбы, и что эта классовая борьба принимается как средство победы и над войной, и над так называемой буржуазией по самым лучшим рецептам Циммервальда и Кинталя. Другими словами, здесь осуществлялся лозунг циммервальдизма – превращение внешней войны в войну гражданскую»³⁷. Таким образом, Милюков смешивал в одну кучу всех социалистов, считая их скрытыми большевиками, и одновременно не видел особой разницы между понятиями «классовая борьба» и «гражданская война». Июльские события Милюков называл не гражданской войной, а бунтом, а корниловское выступление многие кадеты вообще поддержали, считая его не войной, а нормальной мерой по наведению порядка. Представляется, что кадетское руководство связывало начало гражданской войны с большевистским переворотом и относило ее окончание к 1920–1922 годам.

Военные участники **Белого движения** указывают различные даты начала гражданской войны, что связано, прежде всего, с уровнем осмысления событий: аналитически-обобщающим как, например, у Деникина, и субъективным у большинства участников противостоящая. Для Деникина события февраля – октября 1917 г. вписывались в концепцию Смуты как национальной катастрофы, являясь ее неотъемлемой частью. Однако и для него большевизм стал тем «огромным и страшным явлением, которое раздавило Россию и потрясло мир», то есть октябрьский переворот был для него, по меньшей мере, этапным моментом катастрофы. Часть белых считали началом войны лето 1918 г., описывая настроения весны 1918 г. как предвоенные. Особенно это характерно для восставших только летом 1918 г. участников борьбы в Поволжье и Сибири. Большинство деятелей Белого движения отмечают длительный этап «вползания» в гражданскую войну, относя начало «настоящей» войны даже к осени – зиме 1918–1919 гг.: «Настоящая война началась, когда Москва, сформировав в центре России уже красные регулярные полки..., двинула их на Омск...». Перелом в войне связывался с событиями конца 1919 – начала 1920 г.: падение Омска, Новочеркаска, Ростова; при этом события 1920–1922 гг. воспринимались

³⁷ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 13.

белыми как продолжение гражданской войны, правда, в локальных масштабах.

Вообще, **локальность оценок динамики войны** оказалась характерной для участников Белого движения. Существует, например, ряд «казачьих» периодизаций гражданской войны, определяющих периоды подъемов и спадов борьбы именно в казачьих областях. Следует подчеркнуть, что и они относят начало казачьих выступлений к ноябрю 1917 года. С другой стороны, некоторые участники вооруженного сопротивления большевизму хотели видеть в российской гражданской войне нечто большее, стремясь, подобно своим противникам, описать ее как один из этапов глобального противостояния. Например, атаман Г.М. Семёнов называя 1917–1922 гг. только «первым периодом борьбы русских националистов с властью коминтерна»³⁸.

«Война интерпретаций», как заключает **М.Е. Разиньков**, с одной стороны, показывает стремление сторон создать свою объяснительную модель развернувшихся в России событий, а с другой – говорит о полностью разрушенном коммуникативном поле социума. Не только простому обывателю, но и политически активному гражданину было сложно разобраться в многочисленных объяснениях того, что же такое «гражданская война» (нами насчитано не менее 12 определений, дававшихся участниками событий этому явлению), «классовая борьба» (не менее 4 определений) и даже «братоубийство» (не менее 3 определений). Порой происходила не только подмена понятий, но и обыкновенная путаница в терминологии. Однако, как ни странно, общий посыл названных концептов вполне воспринимался участниками этой войны, маркируя «своих» и вызывая когнитивный диссонанс у «чужих»³⁹.

Британский социолог **Майкл Манн** отмечает, что войны, революции, гражданские войны сопровождаются еще этническими конфликтами и этническими чистками. По его мнению, «именно в Новое время они стали более частыми и разрушительными. В XX веке в этнических конфликтах погибло более 70 миллионов человек – цифра, на фоне которой человеческие потери предыдущих столетий кажутся ничтожными. Кроме того, войны, которые ведутся конвенциональным оружием, во все большей степени делают своей мишенью целые народы. Если в Первую мировую войну доля гражданских лиц среди погибших не достигала 10%, то во Вторую мировую войну она превысила половину, а в войнах 90-х гг. XX века составила более 80%. Войны между государствами больше не являются основной причиной насильственной смерти; на смену им приходят гражданские войны, которые в большинстве случаев носят этнический характер. В таких войнах погибло примерно 20 миллионов человек, хотя более точные цифры указать затруднительно.

³⁸ См.: Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № С. 13.

³⁹ Там же. С. 12.

Когда я пишу эти строки (2003 г.), этнические и религиозные конфликты продолжают тлеть в Северной Ирландии, Стране Басков, на Кипре, в Боснии, Косово, Македонии, Алжире, Турции, Израиле, Ираке, Чечне, Азербайджане, Афганистане, Пакистане, Индии, Шри-Ланке, Кашмире, Бирме, на Тибете, в китайском Синьцзяне, на островах Фиджи, на Южных Филиппинах, на ряде островов Индонезии, в Боливии, Перу, Мексике, Судане, Сомали, Сенегале, Уганде, Сьерра-Леоне, Либерии, Нигерии, Конго, Руанде и Бурунди. Более чем в половине случаев имеет место серьезное кровопролитие. Когда вы читаете эти строки, один из этнических кризисов, вероятно, взрывается насильем на вашем телеэкране или на газетной странице, тогда как другие взрывы не вызывают достаточно интереса у журналистов. В XX веке хватало ужасов. Видимо, XXI век будет еще хуже»⁴⁰.

В 2015 г. в Лондоне вышла в свет книга английского историка **Джонатана Смил** «Российские гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир». Подробную рецензию на это издание опубликовал **В.И. Голдин**⁴¹. Он отметил, что Дж. Смил попытался в своей монографии обосновать новую периодизацию эпохи российских гражданских войн, которая охватывала, по его мнению, период с 1916 по 1926 г. Что он связывает с событиями, происходившими в Средней Азии. Уже во введении Смил подчеркивает всемирное значение изучаемой темы. То, что традиционно именуется Российской гражданской войной, по утверждению автора, было неизмеримо шире. Она распространилась за границы находившейся в коллапсе и менявшей свои размеры империи, охватывавшей шестую часть земного шара. Она вовлекла в свой процесс не только 160 млн жителей этой обширной и многонациональной страны, но и миллионы граждан соседних государств, в которые распространялись конфликты, а также противоборствующие силы комбатантов Антанты и Центральных держав из Европы и из-за ее пределов (включая колониальные формирования Британской и французской империй и армий США, Японии и Китая). Прорастая из глубины глобального конфликта, как констатирует Смил, так называемая «Российская гражданская война» была конденсатом мировой войны. Она, по мнению автора, являлась сложным переплетением войн и конфликтов в распадавшейся империи, охватывая не только (а часто и не столько) русских, но также русское наследие бывшей Российской империи и жителей государств, соседствовавших с ней, – от Финляндии, Польши, Румынии через Турцию, Иран, Афганистан – до Китая, Монголии и Кореи.

Основная часть рецензируемой книги, отмечает **В.И. Голдин**, состоит из шести глав, и в основе ее лежит проблемно-хронологический принцип. Первая глава охватывает период с 1916 по 1918 г. (точнее его первые месяцы) и названа «Начала “российских” гражданских войн». Отсчет

⁴⁰ Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 41.

⁴¹ См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169.

их Смил ведет от крупного антирусского восстания в Средней Азии летом 1916 г., в котором видит прообраз басмачества. Характеризуются истоки и причины этого восстания в исторической ретроспективе, начиная со второй половины XIX в. до начала XX в., включая Первую мировую войну. Смил подчеркивает, что, несмотря на жестокое подавление восстания, оно вновь вспыхнуло летом 1917 г., а в сентябре исполком Ташкентского Совета провозгласил советскую власть на месяц с лишним ранее прихода большевиков к власти в Петрограде.

В последующих разделах первой главы кратко освещаются процессы и события с марта по август 1917 г. и с августа 1917 по январь 1918. Последний период Смил называет «необъявленной гражданской войной», а неудачное корниловское выступление именуется «прелюдией к гражданским войнам»⁴².

Отталкиваясь от событий 1916 г. в Средней Азии, автор в дальнейшем вновь задается вопросом, когда же начались «российские» гражданские войны? Он не связывает их с летом 1918 г. и Чехословацким восстанием, что было характерно, по его мнению, для советских историков, но, анализируя суждения других исследователей, идет по ступеням более ранних событий: приход большевиков к власти в Петрограде, декреты II съезда Советов и их последствия, создание Добровольческой армии, роспуск Учредительного собрания и др.

Указывая, что главное внимание в книге уделяется изучению «российских» гражданских войн, прокатившихся по территории бывшей Российской империи, Смил, вместе с тем, отмечает, что конфликты и сражения охватывали и территории, ей ранее не принадлежавшие, – Чехословакию, Румынию, Турцию, Персию, Китайский Туркестан, Монголию и Маньчжурию, а также Финляндию и Польшу.

Характеризуя содержание конфликтов и войн, Смил указывает на сражения русских, придерживавшихся различных политических взглядов (красные, белые, зеленые и др.) и нерусских – бывших подданных Российской империи – от украинцев, белорусов, прибалтов, поляков до грузин, армян, татар, казахов и башкир. Причем, самые жестокие войны происходили, по его мнению, между нерусскими меньшинствами бывшей империи: армяно-азербайджанская война, грузино-осетинский конфликт, польско-литовская и украинско-польская войны и др. Автор указывает и на раскол между казаками, а также евреями, на противостояние по религиозному принципу и между сторонниками религии, с одной стороны, и атеистами, с другой⁴³.

Значительное внимание уделяет **Дж. Смил** роли иностранных контингентов в «российских» гражданских войнах. Он указывает, что из 5 млн иностранцев, находившихся на российской земле к 1917 г., почти половину составляли военнопленные, которые были освобождены после

⁴² См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–166.

⁴³ Там же. С. 166.

Брестского мира и, оставаясь в России, делали свой выбор в разворачивавшемся противоборстве. Автор книги касается и роли интернационалистов в Красной Армии.

Смил подчеркивает, что разгоравшаяся борьба была многоплановой и многоликой и не сводилась только к противоборству красных и белых. Она состояла и из различных междоусобных конфликтов и войн внутри войн, за главными фронтами Гражданской войны, сформировавшимися в 1918–1919 гг., включая противоборства различного партийно-политического характера. Были войны, указывает автор книги, в которых русские воевали против русских и нерусских, республиканцы сражались с монархистами, христиане с мусульманами, города боролись с деревней, семья воевала с семьей, а брат с братом. Была и война человека с природой: из примерно 10,5 млн погибших, подавляющее большинство (возможно, 80%), по утверждению автора, умерли от голода, холода и болезней (особенно от эпидемий тифа и испанки), которые были спутниками социальной и экономической Гоморры гражданских войн⁴⁴.

Автор затрагивает и тему иностранной интервенции в России, которая, по его мнению, предшествовала Октябрю (имея в виду сильные позиции союзных миссий в стране в годы мировой войны) и окрашивала все послеоктябрьские события. Смил указывает, что интервенция (Антанты и Четверного союза) находила разные толкования у современников, противоборствующих в войне сторон и в последующей советской и западной литературе. Вопрос об «ориентации» (с Антантой или с Германским блоком) имел, по мнению Смил, принципиальное значение как для антисоветских и национальных сил, так и для советского лагеря, ибо вызвал раскол последнего, противоборство большевиков и левых эсеров, обвинявших своих противников в прогерманской ориентации. Белые также именовали действия большевиков прогерманскими, а свое поражение объясняли, уже находясь в эмиграции, предательством союзников (стран Антанты). Весь комплекс этих затрагиваемых автором вопросов, сложная диалектика гражданской войны и интервенции в России, является одной из существенных проблем для понимания феномена Гражданской войны в России.

Вторая глава рецензируемой книги именуется «Триумфальный марш реакции» и охватывает период с 1918 по 1919 год. В ней рассматривается сложный комплекс событий в центре и на местах, в национальных районах бывшей империи, военные кампании, интервенции Германского блока и Антанты, перегруппировки партийно-политических сил и др.

Третья глава «Удары белых, ответы красных» охватывает 1919–1920 годы. Она начинается с тезиса, что главные белые лидеры – адмирал Колчак и генерал Деникин – разрабатывали в 1919 г. свои политические программы, которые, несмотря на привычное восприятие белых как «реакционеров», можно в широком смысле назвать либеральными. В дальнейшем Смил пытается раскрыть противоречия Белого движения,

⁴⁴ См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 166–167.

выдвигая, в частности, тезис о необходимости маскировать свои замыслы в надежде привлечь на свою сторону крестьянство и национальные меньшинства. В последующих разделах этой главы дается обзор основных военных кампаний того периода и их результатов.

Четвертая глава, названная «Сражения в пограничных землях», охватывает период 1920–1921 годов. Она состоит из трех разделов, в которых раскрываются, соответственно, события в Закавказье; украинско-польская, советско-польская, советско-белорусская и польско-литовская войны, а также войны с евреями, и, наконец, борьба на юге страны и за Крым⁴⁵.

Описывая борьбу в Закавказье, **Дж. Смил** отмечает, что этот регион перешел в итоге под советский контроль. Но большевикам не удалось реализовать далеко идущие планы, связанные с распространением своих идей на Восток (Персия, Афганистан, Турция), и противоборство завершилось компромиссами, достигнутыми Советской Россией с Анкарой, Тегераном и Берлином ради обеспечения безопасности страны. Во втором разделе главы рассматриваются драматические перипетии указанных войн и международных событий, закончившихся в итоге миром с Польшей и крахом планов продвижения коммунизма в Европу. Военная кампания Врангеля, поражение и эвакуация его войск характеризуются в заключительном разделе этой главы.

Пятая глава называется «На внутренних фронтах» и охватывает период с 1917 по 1923 год. Она состоит из десяти небольших разделов, где обзорно характеризуются политика военного коммунизма и нэп, крестьянские восстания, красный террор, дискуссия о профсоюзах, выступление (1921) в Кронштадте, преследования меньшевиков и эсеров, борьба на антирелигиозном фронте и голод 1920–1921 годов.

Заключительная шестая глава книги названа «Окончания “российских” гражданских войн». Смил начинает ее с тезиса о том, что существуют разные даты их завершения: ноябрь 1920 г., март 1921 г., октябрь 1922 года. Но автор указывает, что борьба продолжалась и в дальнейшем. Белые партизаны вели борьбу в Якутии до, по крайней мере, июня 1923 года. С начала 1920-х гг. шла партизанская война в Грузии, достигшая пика весной 1924 года. Если же обратить взор на Каспий и Среднюю Азию, продолжает Смил, то датой окончания гражданских войн можно считать июнь 1926 года. Вместе с тем он оговаривается, что борьба продолжалась и в дальнейшем, а нэп стал своего рода «крестьянским Брестом», за которым наступил период нового наступления на крестьянство в 1928–1933 годах⁴⁶.

Автор подробно останавливается на характеристике тех или иных значимых событий и окончании гражданских войн в России. Завершающая часть главы посвящается событиям в Средней Азии, ибо с ними

⁴⁵ См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 167.

⁴⁶ Там же. 167.

Дж. Смил связывает не только финал «российских» гражданских войн, но и их начало. Восстание 1916 г. автор именует «открытием сцены “российских” гражданских войн», а сражения Красной Армии с басмачами – их завершением. Во время этих последних сражений (после 1921 или 1922 г.) погибло, по данным Смилла, 574 тыс. красноармейцев и 50 тыс. восставших, в то время, как голод и болезни унесли жизни еще нескольких сотен тысяч человек.

Автор выделяет и раскрывает три стадии противоборства и войн в Средней Азии. Финальная фаза повстанчества и «российских» гражданских войн началась, по его мнению, в 1923 г., когда лидеры басмачества, ранее бежавшие в Афганистан, начали совершать рейды через границу на советскую территорию и пытались придать борьбе международный характер, вовлекая в нее Афганистан и Персию. Этот период борьбы завершился 4 июня 1926 г. победой советской власти и ликвидацией Туркестанского фронта, что Дж. Смил считает **окончательной датой** завершения «российских» гражданских войн в этом регионе.

В заключении книги, названном «Красные победы, красные поражения», автор ставит под сомнение победу большевиков в гражданских войнах или, по крайней мере, ее окончательный характер. Он имеет в виду не только состоявшийся распад СССР, но и происходивший уже в ходе рассматриваемого противоборства успех войн за независимость прибалтийских государств, поражение большевиков под Варшавой и крах их польской кампании, а также замыслов захвата Германии, что обусловило бы иной путь развития европейского континента. Потерпели неудачу (за исключением Монголии) планы экспорта революции. Большевики вынуждены были пойти на уступки крестьянству и отказаться от политики военного коммунизма. Победа над крестьянством была достигнута, по мнению Смилла, лишь после 1928 г., посредством насильственной коллективизации⁴⁷.

Но, касаясь представленной в книге новой периодизации, подчеркивает **В.И. Голдин**, думается, что нет достаточных оснований считать 1916 г. началом гражданских войн в России, а 1926 – годом их окончания и, тем более, принимать это как новую периодизацию Гражданской войны в России. Летнее восстание 1916 г. в Средней Азии было ярким проявлением национального недовольства и свидетельством углублявшегося кризиса Российской империи, продемонстрировало ее слабость в одном из самых уязвимых мест – национальном вопросе. Но вряд ли это было началом эпохи гражданских войн в России, которую в разных ее измерениях и содержании следует отнести все-таки к 1917–1918 годам.

Финал Российской гражданской войны как особого этапа отечественной истории логичнее связывать с началом 1920-х гг., а не с предлагаемым Смиллом 1926 годом. Ликвидация Туркестанского фронта стала хотя и значимым, но все-таки периферийным событием российской истории⁴⁸.

⁴⁷ См.: Вопросы истории. 2016. № 12. С. 168.

⁴⁸ Там же. С. 169

Гражданские войны – составная часть революций. Революции всегда сопровождаются гражданскими войнами, являясь их составной частью. **Революция** (от позднелат. *revolution* – поворот) – это резкая смена политического или социального строя, как правило, насильственным способом⁴⁹. Есть мнение, что без революций мы жили бы при феодальном строе и работали по 14 и более часов в день 7 дней в неделю. Статистически мы вряд ли попали в 8,2% аристократов и феодалов. При всех своих жертвах и разрушениях революции в истории всегда прогрессивны.

«**Революция социальная** – коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии» – такое определение представлено в «**Советской исторической энциклопедии**»⁵⁰. Выражая доминирующее в гуманитарных науках представление о революции, немецкий экономист **Эмиль Ледерер** определил данное явление следующими словами: «**Революция** – это быстрое низвержение политической системы посредством массового действия, с использованием насильственных средств, на основе идей, которые, долго вызревая, приводят к преобразованию юридического и социального порядка»⁵¹.

Само понятие «**революция**» вошло в обиход с опубликованием труда **Н. Коперника** “*De revolutionibus orbium coelestium*” («О вращении небесных сфер», 1543); позднее распространилось на область социальных и политических отношений. В исторических трудах и публицистике понятие «**революция**» утвердилось с конца XVII века в связи с изложением в Англии династии Стюартов. Однако современный смысл оно обрело после событий во Франции конца XVIII века, названных тогда же их участниками и свидетелями революции. С этого времени все действия, направленные на свержение существующего строя с целью введения новых порядков, стали называться **революцией** не только применительно к современности, но и к историческому прошлому (так, события середины XVII века в Англии, именовавшиеся прежде гражданскими войнами, тоже стали называться революцией)⁵².

Просто великолепная и интересная статья была опубликована совсем недавно в первом номере за 2018 г. российского журнала «История государства и права». Ее автор – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **В.А. Томсинов**. Наш уважаемый коллега отмечает, что в «Словаре французского и английского языков», изданном в 1611 г., слову «*revolution*» давалось следующее толкование: «Полный кругообороту движение по кругу, возвращение на первоначальное место или в исходный пункт, осуществление кругового движения»

⁴⁹ См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 297.

⁵⁰ См.: Советская историческая энциклопедия. М, 1968. Т. 11. С. 926.

⁵¹ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

⁵² См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 297.

(“A full compassing, rounding, turning backe to it first place, or point; to accomplishment of a circular course”). В «Английском словаре, толкователе трудных английских слов», который был издан в 1647 г., утверждалось, что **революция** – это «поворот или обращение, прежде всего в течении времени (“Revolution, A winding or turning about, especially in the course of time”)». Данному термину придавался, таким образом, общекультурный смысл. Он становился знаковым символом, обозначающим одно из важнейших свойств как природных, так и общественных процессов, а именно цикличность развития природы и общества⁵³.

Осмысление европейскими интеллектуалами опыта английских революций XVII в. приводило их к выводу о том, что совершенных форм правления не существует, но все они – будь то монархия, республика или диктатура, а также государство в целом, и отдельные государственные органы – подвержены разложению и, следовательно, постоянной смене. Для обозначения этого процесса и стало применяться слово «revolution».

Именно в таком значении использовал данный термин английский парламентарий и дипломат **Энтони Эшэм** (Antony Ascham, 1614–1650). Свой трактат, написанный в 1648 г., он назвал «Рассуждение, в котором рассматривается, что является особенно законным в ходе смут и революций правлений» (“A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government”). Причиной постоянной смены форм правления Э. Эшэм считал несовершенство человеческой природы. «Монархическое государство, – отмечал он, – из всех остальных является самым лучшим, особенно когда оно представляет божественное господство, более в правосудии, чем в единой личности правителя, но поскольку не бывает монарха, наделенного благоразумием и добродетелью в любом случае столь же великими и высшими, как его власть, то он не может не совершать серьезных ошибок».

«Аристократия, – полагал Эшэм, – стоит как посредник между крайностями королевского и народного правления; но смешение часто порождает монстров». Демократия порицалась им за то, что «приводит всех к равенству и поощряет свободу людей во всем»⁵⁴. Но главный порок этой формы правления Энтони Эшэм усматривал в том, что она смешивает управляющих и управляемых. Между тем, по его мнению, для человека очень опасно быть одновременно пациентом и врачом для самого себя. Свои рассуждения о пороках всех форм правления английский мыслитель завершил печальным выводом: «Если эта верховная власть попадает в руки опрометчивой и непостоянной толпы, она превращается в огромного зверя, которого лучше всего держать в цепях. Вот круг, по которому мы так мучительно двигаемся, не удовлетворяя свои желания». Движение по этому кругу он и назвал словом «revolution».

⁵³ См.: Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия // История государства и права. 2018. № 1. С. 10.

⁵⁴ Там же.

Еще один и, пожалуй, наиболее интересный смысл придавал термину «революция» **Марчамонт Недхэм** (Marchamont Nedham, 1620–1678). В памфлете «Превосходство свободного государства», изданном в 1656 г., он представил революцию в качестве насильственной смены правления, которая является в руках народа единственный средством для предотвращения тирании и ограничения пороков властвующих. «Так как свобода в республике может быть сохранена не иначе как поддержанием ответственности должностных лиц и правителей; и поскольку оказывается, что никакие постоянные власти невозможно призвать к ответственности без многих затруднений или не втягивая народ в кровь и страдания. И так как революция правления в руках народа всегда являлась единственным средством сделать правителя ответственным и предотвратить неудобства тирании, безумия, нищеты, поэтому мы можем на основании этого и других вышеупомянутых доводов сделать вывод о том, что Свободное Государство или Правление Народа, установившее надлежащим и упорядоченным образом преемственность своих верховных ассамблей в любом отношении, является лучше, чем какая-либо форма вообще»⁵⁵.

К 1660 г., времени завершения первой английской революции, термин **«revolution»** стал уже довольно распространенный. Так, в одном из писем при описании отстранения Ричарда Кромвеля от власти в апреле 1659 г. данная перемена правительства была названа словами «эта последняя великая революция» (“this late greate revolution”). В письме генералу Монку, датированном 4/14 апреля 1660 г., король Англии Карл II, еще пребывавший в то время в нидерландском городе Бреда, писал: «Вы были свидетелем столь многих революций, и обладаете таким большим опытом, и знаете, насколько любая власть и полномочия, подверженные влиянию страсти и желания и не поддерживаемые правосудием, не обеспечивают народу счастья и мира». В декларации Карла II, направленной в тот же день из Бреды его подданным, говорилось о безумствах, длившихся много лет, и о «многих и великих революциях» (“many and greate revolution”). В подобном же значении, т.е. для обозначения политических катаклизмов 1640-х и 50-х гг., Карл II употреблял термин «revolution» и в письме в Палату общин, датированном 4/14 апреля 1660 г. В письме же, направленном в этот день должностным лицам Лондонского сити, было сказано о «великих революциях, которые в последнее время произошли в Нашем Королевстве, к удивлению и недоумению всего мира» (“In these greate revolutions, which of late have happened in that Our Kingdom, to the wonder and amazement of all the world...”)⁵⁶.

В 1668 г. появился составленный в форме диалога трактат **Томаса Гоббса** «Бегемот», посвященный событиям, происходившим в Англии с 1640 до 1660 г. Цепь самых главных из этих событий, состоявших в пе-

⁵⁵ См.: Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия // История государства и права. 2018. № 1. С. 10.

⁵⁶ Там же. С. 10–11.

реходе верховной государственной власти от одного политического субъекта к другому, философ назвал термином «revolution». Как бы подытоживая свои рассуждения о происходившем в Англии в указанное двадцатилетие, Томас Гоббс сообщал: «Я видел в этой революции круговое движение суверенной власти через двух узурпаторов, от покойного короля к его сыну. Ибо... она перешла от короля Карла I к Долгому парламенту; оттуда к парламентскому охвосту (Rump); от парламентского охвоста к Оливеру Кромвелю; и затем снова от Ричарда Кромвеля к парламентскому охвосту; оттуда к Долгому парламенту; а оттуда к Карлу II, где пусть и остается». Очевидно, что употребление термина «революция» в таком контексте сужало его значение, придавая ему характер чрезвычайного происшествия. В отличие от Энтони Эшэма, Томас Гоббс называл революцией не просто переход от одной формы правления к другой, но акты узурпации верховной государственной власти. Его понимание революции предполагало взгляд на это явление не как на стихийное движение или самопроизвольные, повторяющиеся перемены. Он использовал термин «революция» для обозначения сознательных усилий, направленных на насильственный захват верховной государственной власти.

Любопытно, что первый историк английской революции 1640–1660 гг. **Эдвард Гайд 1-й граф Кларендон** свой труд об этом явлении, написанный частично в 1646–1648 гг. и заверченный в 1668–1671 гг., назвал «Историей мятежа» (“The History of the Rebellion”). Это название отражало необычный характер указанной революции. Начавшаяся в конце 1640 г., она была в сущности реакцией на формирование в Англии нового, обновленного, модернизированного государства вместо прежнего, феодального. Неслучайно идеология этой так называемой «революции» была направлена не в будущее, а в прошлое. Консервативный характер идеологии английской революции ясно выражала «Петиция о праве» 1628 г. Современникам, наблюдавшим со стороны, как разворачивался внутри Англии политический конфликт, приведший к гражданской войне, казни короля Карла I, установлению диктатуры лорда-протектора, а потом ее падению и признанию парламентом законным английским королем Карла II, сына казненного монарха, такой ход событий казался довольно странным⁵⁷.

Но еще более странными выглядели события, происходившие в Англии осенью и зимой 1688–1689 гг., которые вошли в историю под названием «**славная революция**». В действительности это был **государственный переворот**, совершенный с помощью нидерландских войск и приведший к утверждению на английском троне вместо Якова II Стюарта штатхаудера Нидерландов **Вильгельма, принца Оранского**, который представлял интересы, пожалуй, самой влиятельной в то время в Западной Европе финансовой и политической группировки. Она базировалась до этих событий в Нидерландах, но после того как Вильгельм

⁵⁷ См.: Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия // История государства и права. 2018. № 1. С. 10–11

стал новым английским королем под именем Уильяма III, переместилась в Англию.

Но кто же первыми стали величать захват Англии иностранной финансовой и политической группировкой «славной революцией»? Оказываются, сами активные участники этой грандиозной операции. Прежде всего пособник Вильгельма принца Оранского английский аристократ **Роберт Спенсер, 2-й граф Сандерленд** (1641–1702). В письме к новому английскому королю Уильяму III, написанном 8/18 марта 1688/1689 гг., он назвал только что совершенный в Англии государственный переворот термином «glorious revolution». После него данное событие стал называть «славной революцией» **Джон Гэмпден** (1653–1696), активный участник Конвента, который идеологически оформил восшествие штатхаудера Нидерландов на английский престол. В XVIII в. это название подхватили историки, завершившие формирование мифологии «славной революции» на основе представлений и умонастроений ее участников⁵⁸.

Все это подтверждает вывод, сделанный из рассмотрения истории революций американским политологом **Джеймсом Фарром**: «Давайте начнем с замечания, что “революция” – это в такой же мере концепция политического деятеля, как и теоретика, и революционеры (как и все политические деятели) придерживаются теорий о самих себе и о политике в целом... Идентификация теоретиком взрывного набора событий в качестве “революции” (в отличие, скажем, от бунта, мятежа, восстания, реформы, протеста, или реставрации, то есть от всех других форм политического поведения, с которыми революция имеет естественное сходство, но в остальном от них отлична, как бывают различны между собой родственные явления) зависит, по крайней мере изначально, от намерений, убеждений и понятий собственно революционеров, и особенно от их понимания “революции”. Сама наша идентификация революции изначально и в значительной мере зависит от представлений собственно революционеров и их самоидентификации. Без них мы оказываемся перед существенной опасностью ошибочной идентификации того, что теоретик революции о ней натеоретизировал. Излишне говорить, что ничего подобного не бывает в естественных науках, однако правда заключается в том, что планеты также проходят через свои революции»⁵⁹.

⁵⁸ См.: Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия // История государства и права. 2018. № 1. С. 11–12.

⁵⁹ Там же. С. 12.

Слово «революция» использовали на поздней латыни в конце Средних веков – начале Нового времени для обозначения оборота небесных тел. В политическом значении «переворота» его употребил первым, насколько можно судить, Никколо Макиавелли в «Государе», однако ни у современников, ни у ближайших «потомков» Макиавелли это употребление не прижилось. Термином для обозначения социальных и политических переворотов слово «революция» стало не в латинском (поздне-латинском), а в английском языке, который сначала заимствовал слово «revolution» из латыни для перевода множества слов со сходным значением, а затем превратил в особое понятие, обозначающее определенные политические и социальные действия и последствия по примеру событий 1640 и 1688 гг. в Англии.

Впервые термин «революция» (именно в качестве термина) с точки зрения политической и социальной революции возникает в конце XVI – начале XVII в., и его автором можно считать английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). Термин «революция» («revolution», «revolutio») встречается и в латинских, и в английских текстах Бэкона и обозначает «политический переворот». Именно с Фрэнсиса Бэкона начинается эпоха размышлений о революциях.

Британские мыслители XVII и XVIII вв. вслед за Бэконом (Т. Гоббс, Д. Гаррингтон, Г. Болинброк, Э. Бёрк, Д. Юм) понимали под революцией восстание против действующей власти и переворот, которые приводят к новому строю, но при этом данное явление напоминает полный поворот колеса в событиях и движении верховной власти. Несмотря на то, что подобные явления могли происходить и в Древнем мире, главным примером революций британцы видели Английские революции 1640 и 1688 гг.

Во второй половине XVII – XVIII в. этот термин захватывает всю Западную Европу и даже перекачивается в Новый Свет: он встречается в издании «Исторический и критический словарь» (1696) Пьера Бейля, в трудах многих представителей французского Просвещения и, конечно, деятелей Американской революции.

Английский публицист Джеймс Гаррингтон (1614–1677) рассматривал два типа революций; природную-естественную (natural) и насильственную (violent): первая приходит естественным путем через развитие коммерции, постепенное разложение одних систем и состояний и переход к другим, вторая возникает извне или при помощи армии. Давид Юм использовал слово «революция» в значении политической революции, изменений в правительстве, в общественных делах. Шарль Монтескье (1689–1755) называл революциями смену власти или изменение политического строя правителем (это приход к власти Цезаря, раздел Римской империи, простая смена династии, которые происходили в Древней Греции и Риме, Древнем Китае), а также смену власти, связанную с народными возмущениями. Клод Адриан Гельвеций был уверен, что революции изменяют лик государства и являются неизбежным и необходимым явлением в физическом и духовном мире, которое производит большие изменения за короткие временные промежутки. Сходные идеи развивал и Поль Анри Гольбах, считавший революцию естественным процессом для общественного организма, сродни организму человека, которым присущи разный возраст, болезни и выздоровление.

В энциклопедии Дидро и Д’Аламбера (начала выходить в 1751 году) революция определяется следующим образом: «Революция на политическом языке означает значительное изменение в управлении государством. Слово это происходит от ла-

тинского *revolvere* – переворачивать». Восстание эта энциклопедия определяет как «выступление народа против государя».

Второе издание энциклопедии Британника, которое вышло непосредственно перед Американской революцией в 1771–1773 гг., представляло революцию в трех значениях. Это вращение фигур в геометрии, планет и комет вокруг солнца, но в качестве первого значения выдвигалось политическое, где революция определялась как грандиозное изменение или поворот в форме правления (в качестве примера революции приводятся события 1688 г. в Англии).

Весьма примечательно определение революции в издании «Словарь исторический и социально-политический», вышедшем в России в 1906 году – в разгар революционных событий 1905–1907 гг.: «Революция – переворот; в политической и социальной жизни резкий переворот, с целью коренного преобразования существующих порядков, совершающийся непосредственно народными массами или под их давлением».

«Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия», – подчеркивал В.И. Ленин. В схожем ключе рассуждал и другой деятель Русской революции – Л.Д. Троцкий, который особо указывал проблему, поднятую еще деятелями Просвещения, – принципиальную разницу между заговором, переворотом и массовым Восстанием, т.е. революцией.

В определениях революции в марксистских подходах выделяются такие характеристики, как 1) коренной качественный скачок, переворот во всей социально-экономической структуре общества; 2) качественные изменения, коренной переворот в социальной жизни, обеспечивающий поступательное, прогрессивное развитие. В любом случае революция является способом перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной.

Достаточно емкое описание оставил французский писатель и философ середины XX в. Альбер Камю: «Теоретически слово “революция” сохраняет тот же смысл, какой оно имеет в астрономии. Это круговое движение, которое, полностью завершив цикл, приводит к смене одного образа правления другим. Изменение в отношениях собственности без соответствующей смены образа правления – это не революция, а реформа. Не бывает такой экономической революции, будь ее средства мирными или кровавыми, которая не оказалась бы политической. Уже этим революция отличается от бунта. Знаменитые слова: “Нет, сир, это не бунт, это революция” – указывают на это существенное различие. Точный смысл этой фразы – “революция означает неизбежность установления нового образа правления”».

Карл Фридрих (1966) предложил определять политическую революцию «как внезапное и насильственное свержение установленного политического порядка». Мостафа Реджай (1973) определял как «внезапное незаконное массовое насилие, направленное на ниспровержение политического строя». Чалмерс Джонсон считал революцию особым типом социальных изменений, «который предполагает внесение насилия в систему гражданских общественных отношений». Джон Данн (1972) видел в революции массовые, насильственные и быстрые социальные изменения. Джеймс Дэвис определил революции «как сильные гражданские беспорядки, которые вызывают смещение одной правящей группы другой, обладающий большей популярностью и поддержкой населения». Энтони Гидденс считал, что «революция – свержение существующей политической власти путем массового движения с использованием насилия».

Самуэль Хантингтон за долгий творческий период дал несколько определений революций. Первое из них стало одним из самых популярных и цитируемых: Революция – это «быстрое, фундаментальное и насильственное изменение внутреннего положения страны, господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, деятельности власти и политики».

Второе определение появилось в поздних работах политолога: «Полномасштабная революция, таким образом, связана с быстрым и насильственным разрушением существующих политических институтов, мобилизацией новых групп в политику и созданием новых политических институтов».

Еще одно популярное среди исследователей революций определение принадлежит другому американскому политологу Теде Скочпол: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу».

Большинство авторов последней трети XX в. и начала XXI в. опираются и ссылаются на два определения – Хантингтона и Скочпол.

В качестве альтернативы появилось определение Джеффри Пейджа: «Революция – это быстрая и фундаментальная трансформация в категориях социальной жизни и сознания, метафизические предположения, на которых эти категории базируются, и властные отношения, в которых они выражаются, являются результатом широко распространенного в народе признания утопических альтернатив современному социальному порядку».

Израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт полагал, что революции влекут за собой: 1) насильственное изменение существующего политического режима, 2) замену политической элиты или правящего класса другими, 3) далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь, в экономике и классовых отношениях, 4) радикальный разрыв с прошлым, 5) изменения в нравственности и воспитании.

Польский социолог Петр Штомика тоже давал комплексно-составное определение революции. «Революции, – писал он, – представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально “перепахивают” людей... На волне революций общества как бы рождаются заново». Исследователь полагал, что «от других форм социальных изменений революции отличаются пятью особенностями: 1. Они затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную организацию, повседневную жизнь индивидов. 2. Во всех этих сферах революционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функционирования общества. 3. Изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса. 4. По всем этим причинам революции представляют собой наиболее характерные проявления изменений; время их свершений исключительно и, следовательно, особенно памятно. 5. Революции вызывают необычные реакции у тех, кто в них участвовал или был их свидетелем. Это взрыв массовой активности, это энтузиазм, возбуждение, подъем настроения, радость, оптимизм, надежда; ощущение силы и могущества, сбывшихся надежд; обретение смысла жизни и утопические видения ближайшего будущего».

Ральф Дарендорф пришел к выводу, что слово «революция» давно уже используется для обозначения двух совершенно различных форм крутых преобразований: «Первая – глубокие преобразования, изменения стержневых структур общества, которые, естественно, требуют времени; вторая – преобразования быстрые, в частности – смена носителей власти в течение дней или недель путем в высшей степени явных и зримых, зачастую насильственных действий».

Проблема дефиниций определяет подход, поэтому в список революций у многих исследователей попадают и революции, и политические перевороты, и восстания, и гражданские войны, и различные проявления радикальных массовых форм социального протеста, реформаторства, а также современные управляемые бунты.

Подобный недостаток характерен для подавляющего большинства современных дефиниций, в которых **революция** определяется как:

- социальная трансформация общества, осуществляемая стихийно, «в условиях слабой государственной власти, не способной контролировать происходящие события и процессы»;
- «вид политического процесса, характеризующийся радикальными политическими изменениями, сменой политической системы или же удалением из ее структуры тех или иных элементов, сменой правящей элиты»;
- «всякое неожиданное, обычно насильственное изменение в управлении обществом»;
- «насильственный захват государственной власти лидерами массового движения для последующего использования этой власти с целью крупных процессов социальной реформы».

Барбара Солерт в середине 70-х гг. XX в. писала, что из анализа литературы по революциям следует вывод, «что нет никакого согласия об объекте исследования; нет никакого единственного определения “революции”, которое придерживается всеми исследователями». Положение не изменилось и по сей день.

Взято из: Шульц Э.Э. Великая Русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М., 2019. С. 15–24.

Проблема революции и ее места в истории – одна из наиболее сложных и дискуссионных в науке. Хотя термин «революция» формально применим к событиям любых исторических эпох, историки обычно ограничивают его использование материалом Новой и Новейшей истории. Попытки говорить о революции в античности (начиная с трудов 1920–1930-х гг. А.И. Тюменева) не получили значительной поддержки в научном сообществе, поскольку ассоциировались с концепцией так называемой **революции рабов** – идеи, порожденной спорным толкованием теории смены общественно-экономической формаций. Как правило, массовые движения в традиционном аграрном обществе, направленные против власти, называют восстаниями, народными движениями, гражданскими или крестьянскими войнами⁶⁰.

⁶⁰ См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 297.

Г Л А В А 2. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ РЕВОЛЮЦИЙ

Сложную исследовательскую задачу представляет собой **проблема типологизации революций**. Принято различать социальные и политические революции. Социальные революции ведут к радикальному изменению общественно-экономического строя. Как правило, в них участвуют массы людей и они нацелены на устранение вековых препятствий на пути развития общества. Классические примеры такого рода революции – часто называемые **Великими**, Английская революция XVII века и Французская революция XVIII века. Традиционно в западной историографии они связывали с разрушением «старого порядка», и утверждением основ гражданского общества, в марксистской – с заменой феодального строя буржуазным. **Социальная революция** включает в себя **политическую революцию**, поскольку центральным вопросом любой революции остаётся **вопрос о власти**. Напротив, политическая революция может и не являться социальной в полном смысле слова, хотя социальный момент в ней почти всегда присутствует и играет немаловажную роль. Примером такой революции может служить революция 1868–1874 годов в Испании или революция 1870 г. во Франции, направленные на насильственное устранение правительства без разрушения социально-экономических основ страны. Такие революции либо переходят в русло социальных и политических реформ, либо вырастают до уровня социальных революций, как это произошло во Франции, где особые исторические обстоятельства, сложившиеся после революции 1870 г., вызвали к жизни социальную революцию, каковой оказалась Парижская коммуна 1871 г., которая хотя и имела локальный характер, но содержала в себе принципиально новое качество – власть, выступавшую от имени трудящихся. Идеология революций в раннее Новое время в Европе, а во второй половине XX – начале XXI в. и на Востоке часто имеет выраженную конфессиональную окраску, затемняющую их социальное содержание или скрытые политические цели (Английская революция XVII в. или Исламская революция в Иране 1979 г.).

Дополнительная сложность в изучении революции представляет **внешнеполитический фон**, который оказывает влияние как на возникновение, так и на ход и результаты революции – смысл **«цветных революций»** в странах Восточной Европы и республиках бывшей СССР в конце XX – начале XXI в. невозможно раскрыть без учета расстановки глобальных сил, действующих на мировой арене.

В отечественной историографии революцию обычно классифицируют по движущим силам, задачам и целям. В соответствии с этим выделяют **буржуазные, пролетарские, народные, буржуазно-демократические революции**. Особый тип революций представляют собой **национально-освободительные революции**, которые могут выступать и как социальные революции (например, Народно-освободительная война в Китае 1946–1949 гг.), и как революции по преимуществу политические, мало что меняющие в системе экономических отношений, хотя и создающие новые возможности для развития (к примеру, Война за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг.). Особую сложность представляют в этом смысле и **крестьянские войны**, имеющие признаки революции, но часто преследующие цели не модернизации, а консервации архаических структур и институтов¹.

Непростую теоритическую задачу представляет собой разграничение понятий **«политическая революция»** и **«государственный переворот»**. В западной политологической и исторической литературе обычно не делается строгих различий между ними. К примеру, в западной исторической латиноамериканистике революцией называется и приход к власти правительства Народного единства во главе с С. Альенде Госсенсом, и его свержение заговорщиками-генералами во главе с А. Пиночетом Угарте. Широко бытуют такие термины, как «нацистская революция» в Германии или «фашистская революция Муссолини» в Италии. В **отечественной историографии** сложилась традиция называть революциями революционные массовые выступления, сопровождающиеся открытым столкновением политических и социальных сил, а под переворотами разуметь переход власти от одной общественно-политической группы к другой без заметного участия масс. Грань здесь действительно зыбкая. Революция может начаться с переворота в столице, быстрого и почти безболезненного устранения прежней власти, но затем действие его углубляется и расширяется, втягивая в себя огромные массы людей и превращаясь собственно в революцию. Именно так развивалась Октябрьская революция 1917 г. в России. С другой стороны, нередко случается, что массовое протестное движение, принимающее формы революции, сводится к государственному перевороту (так, широкое движение против плутократии и коррупции на Украине обернулось государственным пере-

¹ См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 298.

воротом в феврале 2014г. и переходом верховной власти от одной олигархической группы к другой)².

Революция – это не просто крайняя форма волеизъявления радикальной оппозиции в отношении существующего строя. Она является результатом взаимодействия противоположностей – сил революции и контрреволюции: от того, насколько непримиримы стороны конфликта, насколько откликаются на их призывы массы, зависят ход, формы и итоги революции. Революция с участием огромных масс при крайнем ожесточении сторон принимают обличье гражданских войн (Гражданская война в США 1861–1865 годов, Испанская революция 1931–1939 годов, Гражданская война в Греции 1946–1949 годов и др.). Существуют различные версии определения **места революции** в историческом процессе, диктуемые мировоззрением историка, его философскими взглядами, особенностями аксиологических подходов. Одни историки видят в ней фактор исторического прогресса, другие подчеркивают разрушительный характер революции, требующей немалых жертв, третьи вообще рассматривают ее только как проявление девиантного поведения части общества. Историки-неокантианцы, опирающиеся на философию Г. Риккерт, анализируют каждую революцию как отдельный казус, не связанный с другими подобными явлениями. Не признают закономерностей в возникновении революции, рассматриваемой ими как продукт столкновения идей (часто эфемерных), историки-«ревизионисты» Франции во главе с Ф. Фюре.

Настаивают на признании революции закономерным и необходимым элементом исторического процесса **историки-марксисты**, внесшие значительный вклад в изучение истории и теории революций. Подходя к проблеме с позиций теории смены общественно-экономической формации, они разделяют все революции на межформационные, т.е. те, которые обозначают переход к новой формации, и внутриформационные, т.е. те, которые происходят в рамках формации, приводя надстроечные политические институты в соответствие с уже существующим экономическим базисом. Некоторое сходство с таким прочтением движения истории представляет собой широко распространенная **концепция «атлантической революции»** французского историка Ж. Годшо и американского историка Р. Палмера, которые, как и историки-марксисты, оперируют понятием «революционная эпоха», но вкладывают в него иное содержание: для них весь период с конца XVIII в. до второй половины XIX в. означает утверждение через череду революций либеральных и демократических принципов, провозглашенных во время Войны за независимость в Северной Америке и Французской революции XVIII в.

Особо сложными и дискуссионными **проблемами истории и теории революции** представляются: соотношение революции и реформы, фазы революции и ее движение «по восходящей» или «нисходящей» тра-

² См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 298.

ектории, завершение революции (в т.ч. проблема «термидора»), «революции сверху» и др.³. Нередко также встречаются термины и понятия, включающие в себя слово «**революция**» («промышленная революция», «революция цен», «неолитическая революция», «научно-техническая революция», «научная революция XVI–XVII веков» и т.д.), которые в строгом смысле революции не являются, но означают возникновение нового качества в развитии того или иного феномена.

Октябрьская революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество вопросов, среди которых вопрос о «пролетарском характере» этой революции, наверное, является до сих пор одним из самых дискутируемых. Какие социальные группы или классы действительно были «двигателями» революции? Почему «пролетарские революции» произошли не в развитых капиталистических странах, как указывал Маркс, а в слаборазвитых странах? Могла ли быть революция пролетарской, если пролетариат, в самом расширенном понимании «трудового народа»: ремесленники, отхожие рабочие, промысловики, люмпен-пролетариат, – составлял в России менее 10% населения?

Для того чтобы осмыслить этот комплекс вопросов и прийти к каким-то выводам, необходимо обратиться к общетеоретическим построениям и решить в принципе вопрос о классификации революций.

Карл Маркс впервые определил три типа революций: буржуазная, пролетарская (она же коммунистическая) и некий промежуточный вариант, который в дальнейшем получил наименование буржуазно-демократическая (революции 1848–1849 гг. в Европе). Классифицирующий признак для Маркса – это смена способа производства (в дальнейшем – формации). Еще один принцип типологизации для Маркса – определение класса, чьи интересы реализуются в ходе данной революции, поэтому все революции до 1848 г. – буржуазные. Парижская коммуна – пролетарская революция.

В.И. Ленин попытался модифицировать схему Маркса, вводя дополнительную приставку «народная» к буржуазной революции. От буржуазных революций «народные буржуазные» отличает классовый состав: союз беднейших крестьян с пролетариями. К такому типу революций Ленин относил Парижскую коммуны и Русскую революцию 1905–1907 гг.

В дальнейшем эти революции получили название буржуазно-демократических, которые стали основными для периода империализма там, где не произошли или не победили в итоге социалистические революции или где необходимо было найти связующую нить с социалистической революцией при отсутствии буржуазной. К основным признакам этого типа революций в эпоху империализма были отнесены: участие в революции основных масс народа – рабочих и крестьян, наличие революционного пролетариата, наличие мощного аграрно-крестьянского движения. Термин «**народно-демократическая революция**» стал так же результатом компромисса, как и буржуазно-демократические революции. Введение этого понятия было призвано преимущественно для определения революций, произошедших в странах

³ См.: Революция // БРЭ: в 35 т. М., 2015. Т. 28. С. 298.

Восточной Европы и странах третьего мира в XX в., которые никак не подпадали под существующую систему. Этот тип революций, в развитие марксистской концепции, мог иметь буржуазно-демократический и социалистический характер.

Марксистская классификация революций XX века признавала (и в основном продолжает признавать) буржуазную, буржуазно-демократическую, народно-демократическую, социалистическую (пролетарская, коммунистическая) революции и национально-освободительные революции.

В связи с тем, что национально-освободительные революции не имеют отношения к классифицирующему фактору – смена способа производства и формации, – революцию XVI в. в Нидерландах отнесли к буржуазным революциям, а национально-освободительную борьбу колониальных народов – к типу буржуазно-демократических движений.

Таким образом, наблюдается отсутствие единого классифицирующего признака, из-за чего система не только теряет стройность, но и лишается всякого смысла. Если революции призваны изменять способ производства (или формацию), то возникает вопрос об отсутствии революций, менявших первобытнообщинный строй на рабовладельческий и рабовладельческий на феодальный. Этот вопрос вся марксистская литература старается обходить, подменяя переход через революции иными понятиями. С точки зрения перехода между формациями «выпадают» буржуазно-демократические, народно-демократические и национально-освободительные революции.

Второй вопрос – это пролетарские революции, которых, если брать за определение позицию Маркса, не было в истории человечества. Пролетарские революции происходят, утверждал Маркс, когда пролетариат становится самым массовым классом: пролетарская революция «возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе». Социалистических и коммунистических революций, если исходить из построения социализма (или коммунизма), по Марксу, тоже не случилось, иначе необходимо пересмотреть определение социалистической (пролетарской, коммунистической) революции.

Невольно возникает и третий вопрос: если буржуазно-демократические революции являются достаточно частым явлением в Европе, то, возможно, в этом есть закономерность, и у них есть «цели и задачи» (например, они реализуют задачи, не решенные в стране предыдущей революцией), и некорректно считать их анахронизмом и революциями по нисходящей (как формулировал Маркс) только потому, что они «не доросли» до социалистической революции, или видеть в них исключительно ступеньку к перерастанию в социалистическую революцию. Но являются ли они при этом иным видом/типом революций?

Подход с позиции определения «революционного класса» носит еще более спорный характер, так как ни одна революция в чистом виде не была «буржуазной» и «пролетарской» с точки зрения количественного большинства определенного класса в революции.

Вторая половина XX в. ознаменовалась попытками модернизировать данную классификацию. Один из примеров – это предложение расширить ее, вводя понятия: «классические буржуазные революции», которые решали «мировые задачи» данного века, и «национальные революции», которые «представляют собой специфические проявления тех же потребностей, однако в деформированной локальными условиями форме», «великие революции» (которые определяют «развитие ка-

питализма вглубь, другие, одновременные с ними, – вширь»), «межформационные революции», «внутриформационные революции», которые, в свою очередь, делятся на: 1) межформационные и внутриформационные; 2) межформационные, межстадиальные и внутростадиальные; 3) межстадиальные и внутростадиальные. Весь этот набор межформационных, внутриформационных и межстадиальных революций с множеством подвидов и смешанных типов ведет к очень сложным конструкциям и, главное, не облегчает понимания ни феномена революций, ни их разновидностей. При этом многие вопросы, которые вызывает марксистская классификация, так и остаются без ответа.

Типологизация революций развивалась и вне марксизма.

Ойген Розеншток-Хюси подразделяет революции на городские, страновые, цивилизационные и мировые. К первому типу он относит, в частности, средневековые городские восстания, ко второму – Славную революцию 1688 г. в Англии, к третьему – Великую французскую революцию 1789 г., к четвертому – Русскую революцию 1917 г. Роберт Михельс поделил революции на «революционные» и «реакционные» (к последним относил фашистский и нацистский переворот). Баррингтон Мур выделял три типа революций: 1) буржуазная революция (которая ведет к «западным демократиям»), 2) консервативная революция сверху (ведет к фашистским режимам), 3) крестьянская революция (ведет к коммунистическим государствам). (В первом типе мы обнаруживаем «классическую революцию», во втором – идею Михельса о реакционных революциях, в третьем – концепцию о западных и восточных революциях.)

Джордж Петти предложил выделять пять типов революций: 1) «дворцовая революция» (переворот); 2) «публичная дворцовая революция» (вовлечение несколько большего количества людей, но все равно переворот); 3) восстание территории против правительства, установленного другим государством (Нидерландская революция, Польские революции); 4) великие национальные революции (классический пример – Французская и (Русская революции); 5) системная революция (адресует к Древнему миру и Реформации).

Перес Загорин для начала Нового времени выделял шесть типов революций: 1) заговор и переворот (ограниченный в основном действием благородных и аристократических элит); 2) городское восстание (выступление низших групп против городских элит и правительств или городских сообществ против внешнего королевского и государственного органа); 3) сельские восстания (выступления крестьян против лендлорда и/или государственного органа); 4) региональное и сепаратистское восстание (регионы против короля и столицы); 5) гражданская война; 6) милленаристское восстание.

Крэйв Бринтон различал три типа революций: классические (Великие революции в Англии, Франции и России), «неудавшиеся революции» (напр., 1848 г. в Европе и Парижская коммуна) и «территориально-националистические революции» (Американская революция).

Джон Форан в качестве обобщения различных подходов в статье о революциях для социологической энциклопедии указал, что для большинства исследователей, которые сфокусировали свое внимание на приблизительно двадцати примерах революций, они делятся на три типа: классическая, антиколониальная, обратная (реверсивная).

Шмуэль Эйзенштадт классифицировал революции на «современные» (Нидерландская, Английская, Американская и Французская) и «поздние современные»

XIX–XX веков, которыми сопровождается модернизация традиционных обществ иных типов.

Этот подход поддержал и Эрик Хобсбаум, подчеркивая, что «должна быть фундаментальная разница между революциями эры буржуазного либерализма (и более ранних) и революциями двадцатого столетия».

Классификация по принципу ранних и поздних революций (современные и поздние современные и т.п.), революции XVII–XIX вв. и революции XX в., фактически нашла отражение и в типологизации на революции в развитых и отсталых странах, революции «Запада» и «Востока», революции третьего мира и все остальные.

К. Фридрих предлагал различать революции XVII–XIX вв. как революции, направленные на установление конституционных режимов, а революции XX века – большей частью на смену политической системы. Кроме того, считает Фридрих, конституционные революции – это «ограниченные революции», и «таковы революции после Второй мировой войны и революции в колониальном мире».

Большая группа американских политологов и социологов во главе с признанными авторитетами в области теории революции Джеком Голдстоуном и Тэдом Гарром призывают видеть в революциях «позднего XX века» иные формы конфликта, поясняя, что эти революции не «классические» по модели (шаблону) французской, Русской и Китайской революций, а представляют альтернативную модель.

Джек Голдстоун выделяет 4 типа революций: «великие революции», «политические революции», «социальные революции» и «элитарные революции». Проблема дефиниций и подходов определяет результат, в котором Голдстоун (как и многие коллеги по цеху) рассматривает не только революции, но и широкий спектр близких явлений, но не имеющих отношения к феномену революций (крестьянские войны, гражданские войны, политические перевороты и т.д.).

Самуэль Хантингтон полемизировал с классификацией по принципу деления на «великие революции» и политические потрясения более ограниченного масштаба. Сам исследователь проводит типологизацию на основании последовательности и соотношения трех составляющих (этапов) любой революции: 1) насильственное разрушение существующих политических институтов, 2) мобилизация новых групп в политику и 3) создание новых политических институтов – и предлагает классификацию на «западные» и «восточные» революции.

По большому счету, здесь снова речь идет о революциях до начала XX века – т.н. «классических» – и революциях XX века в странах третьего мира, за тем исключением, что термин «восточная революция» – некорректное название, так как по этому сценарию развивались революции и в Западном полушарии – в Латинской Америке.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день нет единой системы классификации революций, более того, существующие системы имеют одни и те же недостатки: они не выдерживают единого классифицирующего признака, не охватывают все революции, но при этом в разряд революций часто попадают явления, не имеющие отношения к данному феномену. По существу, подход о принципиальном отличии «ранних» и «поздних» революций, революций в т.н. развитых странах и третьем мире (западных и восточных и т.д.), расширение списка революций за счет похожих проявлений радикальных массовых форм социального протеста ставят вопрос вообще о существовании такого рода, как революция, как единого феномена. В связи с этим, несмотря на почти двухвековой период анализа и клас-

сификации революций, до сих пор наиболее системным представляется марксистский подход: при том, что концепция очевидно страдает многими недочетами, конкурирующие концепции выглядят еще более уязвимыми.

На сегодняшний день **проблема классификации революций** – распределение по видам и типам – является одной из ключевых в теории революции. На фоне того, что нет единого мнения по вопросу определения этого социально-политического феномена и причин его возникновения, проблемы типологизации (классификации) отражают общий кризис подходов. Общая черта всех подходов – это распределение революций в зависимости от выдвигаемой теории предназначения и особенностей каждой из них: формационная теория, модернизационная, цивилизационная (западная, восточная, революции в странах третьего мира), в зависимости от предполагаемых движущих сил («революция сверху», «дворцовая революция», «народная революция», «крестьянская революция», «пролетарская революция» и др.), в зависимости от идеологической направленности (пассивная, консервативная) и др. Во всех этих подходах теоретическое построение, отстаиваемое исследователем, превалирует над соответствием реальным историческим примерам, и не соответствующие концепции случаи, как правило, просто игнорируются. При этом ничего принципиально нового за последние десятилетия не предложено.

Попробуем изменить методы исследования. Сделаем попытку подойти к классификации революций не с точки зрения теорий о предназначении революций, которые изначально определяют подтаскивание фактуры под необходимую конструкцию, а с точки зрения самих революций, как явления и объекта исследования: алгоритма (хода, этапов) и временной последовательности стадий. Плюс к этому – с точки зрения решаемых очевидных задач. Например, если революционные события происходят в ходе национально-освободительной борьбы, то вполне резонно будет считать такую революцию национально-освободительной. Если революция проявляется первый раз в стране и нацелена на решение максимальных задач, что отражается в накале общественного противостояния, длительности этого противостояния и смене различных этапов в одной революции, то будет логичным назвать такую революцию основной, или базовой. Если революция происходит в стране, где уже была революция, и выглядит так, словно предназначена для корректировки некоторых положений, – корректирующей и т.д.

Определимся в общих системных понятиях. Род в научных классификациях означает группу, которая объединяет несколько близких видов, обладающих общими признаками. Это «общая философская характеристика для группы предметов с общими существенными свойствами, несущественные свойства которых отличаются друг от друга». Все, что включается в род «революция», обладает общими существенными свойствами, но при этом есть свойства, которые отличаются, но они не являются определяющими. «Вид» входит в состав другого, высшего понятия – рода. «Вид» «в логическом смысле представляет собой понятие, которое образуется посредством выделения общих признаков в индивидуальных понятиях и само имеет общие признаки с другими видовыми понятиями...». «Тип» – это образец, модель, которым соответствует группа предметов или явлений.

Анализ всех революций приводит нас к выводу, что **революции делятся на два вида: базовые и корректирующие. Базовые революции** производят основные изменения, дают толчок к изменениям. **Корректирующие революции** проходят там и тогда, где и когда революций не довели дело до необходимого результата, когда в

силу различных обстоятельств происходил возврат к дореволюционным состояниям или когда сами революции «заходили не туда» (далеко влево или вправо). Так, к корректирующим революциям относятся: 1) «Славная революция» 1688 г. в Англии; 2) революции во Франции 1836 и 1848 гг. (обеим пришлось снова ограничивать и низлагать монархию и проводить демократизацию); 3) революция 1952 г. в Боливии; 4) Апрельская революция 1960 г. в Корее; 5) «революция гвоздик» в Португалии – корректировка «правого перегиба»; 6) Исламская революция 1978 г. в Иране (ликвидация шахского режима); 7) в Восточной Европе 1989–1991 гг. – «бархатные революции», которые вернули эти страны на путь развития до установления «социалистического строя»; 8) в России 1991 г. – корректировка ушедших далеко влево революционных изменений и др. В Германии, например, такой революции не произошло, так как в результате II мировой войны правительство пало и правые перегибы были упразднены. Схожее воздействие оккупационных сил (которые упразднили необходимость корректирующей революции) произошло и в ряде других стран, например, в Японии, Германии, Италии и др.

Базовые революции делятся на три типа: национально-освободительные, классические и смешанного типа.

Несмотря на то, что существует вопрос, относить ли национально-освободительные революции к революциям или просто к национально-освободительным движениям и войнам за независимость, мы считаем, что они полноправно являются революциями, так как наличествуют все три компонента: социальный протест, госпереворот (сбрасывается власть иностранного государства), радикальные изменения в обществе (меняется политическая система и социальная структура общества). Безусловно, не все национально-освободительные движения являлись национально-освободительными революциями. (Так, например, Гуситское движение в Чехии – Великая крестьянская война в Чехии – имело ярко выраженные национально-освободительные черты.) К таким можно относить лишь те, которым, во-первых, удалось победить, а во-вторых, провести кардинальные реформы в обществе.

Итак, **национально-освободительные революции** – это национально-освободительное движение, которое сопровождалось революционными изменениями общества, и это самый массовый тип революций. Таковыми в чистом виде были две из первых четырех революций: Нидерландская и Американская.

В национально-освободительных революциях решение проблемы социально-политического развития сочетается с изгнанием оккупационного режима или правительства, зависимого от иностранного государства. К национально-освободительным революциям относились Нидерландская и Американская революции, 1808–1814 гг. в Испании и Португалии, 1821–1829 гг. в Греции, революции 1810–1826 гг. в Мексике, Венесуэле, Перу, Чили, Боливии, Аргентине (война за независимость испанских колоний в Америке), Филиппинская революция 1896–1898 гг.

Ирландская революция 1919–1923 гг. (в части до 1922 г., затем в 1922–1923 гг. своя гражданская война), революции в Марокко 1953–1956 гг., Тунисе 1952–1957 гг., Алжире 1954–1962 гг. Вьетнамская революция (1945–1975) и некоторые другие.

Американская революция имела большое количество особенностей. Она не могла быть классической буржуазной революцией, потому что в стране никогда не было феодальных отношений. Однако страна делилась на две части: север и рабовладельческий юг. В ходе революции не был решен вопрос не соответствующих

уровню развития страны социальных отношений на юге – этот вопрос стал предметом гражданской войны через столетие. По существу, это две части Американской революции: первая связана с национально-освободительным движением, вторая часть – с решением проблемы ликвидации рабства и модернизации социальной структуры. Нидерландская революция вместе со свержением испанского владычества меняла и весь уклад в стране (строй), так что вполне является такой же буржуазной революцией, как и Английская, и Французская. Эти особенности Нидерландской и Американской революций вполне проецируются на все национально-освободительные революции XX в., направленные против колониальных режимов.

Многие революции могли принадлежать к другим типам, но нести черты национально-освободительных, что накладывало отпечаток на их идеологию, движущие силы, характер. Так, например, большинство революций в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии XX в. несли черты национально-освободительных, так как наличествовала политическая зависимость от другого государства – эти государства являлись колониями (например, Испании и Португалии) или находились в сильной экономической зависимости, сказывавшейся на политической свободе, – например, на Кубе. Китайская революция 1911–1949 гг. во всех своих этапах была в том числе направлена против иностранного засилья западных стран, а затем против японской оккупации. Революции 1989–1991 гг. в странах Восточной Европы вне СССР тоже носили черты национально-освободительных, так как наличествовала внешняя сила, ограничивавшая независимость этих государств (СССР).

К классическому типу принадлежат Английская, Французская, Русская (1905–1922). Китайская революция 1911–1949 гг. Турецкая революция 1908–1923 гг. Иранская революция 1905–1911 гг. Германская (1918–1923) и некоторые другие. К классическим революциям должна относиться и Мэйдзи исин (1868–1869).

В литературе давно устоялось мнение, что все т.н. **«классические революции»** похожи друг на друга, что они развиваются по одним и тем же законам и почти по одному и тому же сценарию. Правда, существует и противоположная точка зрения, что «поздние» или «восточные» революции отличаются от классических. Наше исследование демонстрирует, что все революции имеют сходные черты и аналогии, но всегда следует учитывать, к какому типу они относятся, так как внутри типа они демонстрируют наибольшую схожесть.

В том типе, который мы называем «классическими революциями», многие исследователи выделяют т.н. **«великие революции»**. Название «великие революции» закрепилось за тремя революциями: Французской, Английской и Русской. Иногда в этот ряд добавляют Китайскую революцию. Понятие «великие» объясняется воздействием этих революций на мировую историю, и надо понимать, что этот термин достаточно условен. В этом ряду должна быть и Нидерландская революция, ставшая первой в ряду революций, и Американская революция, послужившая вдохновительницей Великой французской, и Японская, заложившая пример модернизации для огромного количества стран, и Турецкая, которая изменила представления всего мусульманского мира о политическом и социальном развитии исламского государства. Китайская революция имела большое значение для региона Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, так же как и Мексиканская, и впоследствии Кубинская для обеих Америк. Национально-освободительные революции стран Латинской Америки против испанского колониального правления кардинально изменили карту мира и привели в течение столетия с небольшим к полному демонтажу колони-

альной системы. В общем, этот список можно существенно расширить ввиду достаточной субъективности определяющего показателя и того факта, что для каждой страны и народа их революция была одним из самых значимых и переломных явлений в истории.

К **смешанному типу** следует отнести разнообразные революции, которые имели черты национально-освободительных или произошли под сильным влиянием соседних государств или революционных войн. Речь идет о большинстве латиноамериканских революций и революций в Юго-Восточной Азии, революциях 1830 г. в Бельгии и 1847–1848 гг. в Швейцарии (обе имели характер национально-освободительный и проходили под сильным влиянием революций во Франции 1830 г. и 1848 г. соответственно), революции 1809 г. в Швеции и 1814 г. в Норвегии (под сильным влиянием ВФР и Наполеоновских войн), о Финской революции 1918 г. (национально-освободительная и в связи с революцией в России, так как исчезла монархия в государстве, в состав которого входила Финляндия) и некоторых других.

В любой системе и любой классификации существуют пограничные случаи. Например, революции в Египте 1952 г., Ираке 1958 г. и Ливии 1969 г. по всем характеристикам схожи с корректирующими революциями, однако реально они были первыми революциями в этих государствах ввиду «смазанности» национально-освободительных революций (эти революции были предотвращены политическим путем, но акты, давшие независимость, не решили другие социальные проблемы), что позволяет отнести эти революции и к смешанному типу базовых революций.

После национально-освободительных революций, которые были направлены против иноземного правления и на изменения в стране, в ряде государств прошли **гражданские войны**, временами разнесенные по времени с революцией. Главный пример представляют, конечно же, США, где национально-освободительная революция и гражданская война были разнесены почти на столетие. В этом же ряду стоят Уругвай, Колумбия, Гондурас, Коста-Рика, Сальвадор, Филиппины и Алжир. В ряде государств после национально-освободительных революций снова прошли революции: например, Боливия (1952) и Никарагуа (1979). (Сандинистская революция 1979 г. ушла сильно влево, что вызвало продолжительную гражданскую войну в государстве, которая завершилась только в 1988 г., при этом Ортега – глава революционного правительства – и его партия снова пришли к власти, но уже в результате выборов 2006–2011 гг.) Мексике после национально-освободительной революции 1810–1821 гг. потребовались революция 1854–1867 гг. и революция 1910–1920 гг.

В Португалии национально-освободительная война 1808–1814 гг. переросла в революцию 1820–1834 гг. (в 1820 г. восстания в Лиссабоне и Порту, приведшие к власти временную хунту и к созданию кортесов, принятию в 1822 г. португальской конституции по примеру испанской 1812 г. и к гражданской войне 1823–1834 гг.). В Португалии установилась конституционная монархия, которая постепенно сползла снова к абсолютистскому режиму. В 1910 г. в Португалии снова произошла революция, которая упразднила монархию и привела к коренным изменениям в политической и социальной структуре общества. Военный переворот 1926 г. в Португалии выглядел как классическая реакция на Директорию в ВФР (коррупция стала бичом Первой республики в Португалии), а режим 1926–1974 гг. близко подходит к определению бонапартистского. Когда этот режим себя исчерпал, в Португалии в 1974 г. произошел почти мирный переход власти: «революция гвоздик» 25 апреля 1974 г. – военный переворот, приведший к передаче власти политическим партиям и демократизации.

Сходные события происходили и в Испании. В 1808–1813 гг. в Испании проходила национально-освободительная революция против Наполеона. В 1812 г. была принята конституция Испании, но в 1813 г. восстановлена испанская монархия в абсолютистской форме. После этого весь XIX в. Испанию сотрясали вспышки гражданских войн, военных мятежей и госпереворотов. Революция 1820–1823 гг. была подавлена французскими войсками, монархия снова была восстановлена. Третья попытка привела к длительной гражданской войне 1834–1843 гг.: была возвращена конституция 1812 г., но затем снова пересмотрена, а негодное правительство смещено монархом. Провалилась и революционная попытка 1854–1856 гг. Революция 1868–1874 гг. привела к бегству монарха, однако в конце концов монархия была восстановлена, а кортесы распущены. Такая насыщенная революционная история в XIX в. вынуждает рассматривать цикл революции 1808–1874 гг. Тогда получается удлинённый классический цикл, усложнённый большим количеством откатов революции и победы контрреволюции. Ее продолжение случилось в 1931 г., когда к власти в результате выборов пришли левые силы, а затем разразилась новая гражданская война, произошёл термидорианский переворот в результате поражения в этой войне революционных сил, и проявился бонапартистский режим в правление Франко.

Кубе, для того чтобы получить независимость от Испании, потребовалось три войны: «десятилетняя война» (1868–1878), «малая война» (1879–1880), «война за независимость» (1895–1898). Первые две войны были проиграны, в третьей удалось победить в связи с вмешательством США и Испано-американской войной 1898 г. После этого Куба попала в большую зависимость от США, но колониальный режим был упразднен. Более того, эта длительная борьба вела к изменению условий, и в результате освобождения Куба избавилась от монархического строя и рабства. Однако незавершенность социальных изменений и полуколониальная зависимость от США привели к Кубинской революции 1953–1959 гг.

Упомянутые Испанские, Португальские и Мексиканские революции вызывают сложности в типологизации. В связи с тем, что ни одна революция в XIX в. в Испании и Португалии не прошла по классическому сценарию, при нескольких попытках, плюс к этому в обеих странах случились национально-освободительные революции, то революции 1931–1939 гг. в Испании и 1910 г. в Португалии должны были быть корректирующими, но (с некоторой растяжкой во времени) прошли по классическому сценарию: с периодами умеренных, якобинцев. Термидором и Директорией, а также Бонапартизмом. Мексиканская революция 1854–1867 гг., которая случилась после национально-освободительной, могла бы пойти по классическому образцу, но вмешалась иностранная интервенция.

Корректирующие революции во многом сходны, имея больший или меньший накал противостояния общества и власти. В корректирующих революциях выделяются также три типа: по типу «баррикад» (Франция 1830 и 1848 гг.), «демонстраций» («бархатные»), «военного переворота» («Славная революция», «революция гвоздик»).

Итак, несмотря на то, что из исследования в исследование встречается постулат, что Великая французская революция стала шаблоном для других революций, здесь требуются важные уточнения. Кроме Великой французской революции, по всему миру не раз повторялись и Французские революции 1830 и 1848 гг. Однако ВФР настолько несла в себе сам дух революции – представления об этом явлении, – что ее стали использовать как мерилу, проверяя на эталонность все остальные революции.

У всех **революций** существуют общие черты, которые позволяют объединить их в единый род явлений. Видов революций мы полагаем два: базовые и корректирующие. Базовые революции, как правило, являются основными, первыми революциями в государствах, показывающими возможность изменений и их вектор. Корректирующие революции проходят там, где определенные изменения не были проведены в результате базовых революций и последующих реформ. В базовых революциях выделяются 3 типа революций: национально-освободительные, классические и смешанные. В корректирующих революциях – также 3 типа: по типу «баррикад» (Франция 1830 и 1848 гг.), «демонстраций» («бархатные»), «военного переворота» («Славная революция», «революция гвоздик», Египет, Ливия, Ирак и др.).

Базовая революция могла быть единственной революцией в стране, могла сопровождаться корректирующей или даже несколькими, могла идти после национально-освободительной. Национально-освободительные революции могли сразу переходить в базовые (в т.ч. классического типа). Корректирующие революции могли происходить как после базовых, так и после национально-освободительных. В случае незавершенности революций или если революцию «занесло не туда» (крайние состояния «влево» или «вправо»), происходят новые «толчки» – до тех пор, пока не завершатся необходимые социальные и политические процессы. Так, в Англии после революции 1640–1653 гг. потребовалась «Славная революция» 1688 г., во Франции, чтобы исправить все последствия революции 1789–1799 гг., – весь XIX в. и еще две революции: 1830 и 1848 гг. В России после длительной революции 1905–1922 гг. и почти 70 лет модернизации и консервации – революция 1991 г. История насыщена такими примерами.

Подобный подход к классификации революций, во-первых, дает возможность ввести единый классифицирующий признак – алгоритм революций – и охватить все прошедшие революции, во-вторых – объяснить различия в проявлении революций (этапы, временные рамки, напряженность социального противостояния). А в-третьих, используя индуктивный метод, позволяет перейти к общей теории революции и поставить вопрос о теоретическом обосновании происхождения революций.

Что важно здесь – это принять, что **Русская революция** была такой же классической революцией, как и Английская 1640–1653 гг. Французская 1789–1799 гг. и ряд других. Определение ее как принципиально иной, более прогрессивной в сравнении с революциями в других странах, пролетарской и т.д. – это вопросы идеологии революционеров, а не научной классификации.

Взято из: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 41–59.

В.А. Никонов отмечает, что никто точно не знает, отчего происходят революции, хотя их анализ начался очень давно. Фукидид в «Пелопоннесской войне», Платон в «Республике», Аристотель в «Политике» использовали термин «stasis», который близко походил к понятию «революция», обозначая общественный беспорядок. Аристотель вкладывал в него три основных значения: незаконное и насильственное низвержение правителя, значительное изменение институтов общества или конститу-

ционного строя, основательное изменение форм правления. Ставка в революции, полагал Аристотель, – обладание политической властью и теми благами, которые она дает, а именно богатства, престиж и побочные доходы. Субъектами революции выступают экономические страты – недовольное большинство решает ситуацию насильственным изменением строя, что собственно и составляет существо революции.

Уже в античной метафизике содержалась и идея революции как ускорителя медленно протекающих жизненных и социальных процессов. Хотя, строго говоря, в латыни слово «**революция**» имеет прямо противоположное значение – «поворот назад», «возвращение», «вращение», что, вероятно, отражает понимание древними возможности, революционной борьбы не только за светлое будущее, но и за возврат к нарушенным старым порядкам. Примечательно, что вплоть до Великой Французской революции конца XVIII века слово «революция» в современном значении не использовалось ни в одном языке мира.

Первые аналитики, занявшиеся в начале XIX века осмыслением современных революций – Сен-Симон, а затем французские историки Тьерри, Гизо, Минье – склонялись, скорее, к теории ее классового происхождения. В наиболее законченном виде эту теорию сформулирует **Карл Маркс**, который стал, безусловно, наиболее влиятельным в новое время теоретиком революций. Не исключено, что благодаря его интересу в молодые годы к античной философии мысль об ускоряющей роли революций вошла в его идейный арсенал и обрела хрестоматийную форму «локомотивов истории», адекватную индустриальной эпохе⁴. Примечательно, что за год до своей смерти Маркс вместе с **Фридрихом Энгельсом** пришел к выводу: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»⁵. Чтобы точно убедиться в этом, К. Маркс даже выучил русский язык.

В **марксизме** революции рассматривались как позитивный качественный скачок в развитии общества, которые одновременно являются кульминацией активности и самодеятельности народных масс. **Владимир Ленин** видел главное отличие марксизма от других социалистических учений в самом решительном признании «значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, – также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»⁶. Революции происходят, когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому, и происходит ухудшение выше обычного нужд и бедствий трудящихся масс. Марксисты сознавали, что революции сопровождаются кровавыми эксцессами, но считали их неизбежными издержками

⁴ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 5.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 305.

⁶ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее: ПСС). Т. 16. С. 23.

неизбежного и крайне желательного процесса, подготовка которого, собственно, и составляла смысл их жизни.

Однако еще до появления Карла Маркса на свет возникли течения мысли, которые крайне негативно оценивали революции, основываясь на опыте, прежде всего, Великой Французской. Наиболее ярким их представителем выступал основоположник консерватизма **Эдмунд Берк**, который так характеризовал деятельность французских революционеров: «Я постоянно убеждаюсь в том, что любая попытка – какую бы форму она не принимала – подавлять, лишать титулов, разорять, реквизировать имущества и разорять родовую знать, а также уничтожать земельную собственность целой нации, не может быть оправдана... Я непоколебимо убежден в том, что схема передачи высшей власти государства в руки церковных старост, констеблей или других подобных чиновников, руководствующихся благоразумием сутяг-адвокатов и еврейских биржевых спекулянтов, подстрекаемых бесстыжими и до крайности низко падшими женщинами, владельцами гостиниц, таверн, публичных домов, наглыми подмастерьями, клерками, посыльными, парикмахерами, уличными скрипачами и театральными танцовщицами... – неизбежно должна воплотиться в нечто постыдное и разрушительное»⁷. Причины революций консерваторы усматривали не в действии неодолимых сил истории, а в несовершенстве человеческой природы.

Либеральные трактовки революций, рассматривающие их как естественное стремление людей к свободе и демократии, которому препятствует старый режим, восходят, скорее, к **Алексису де Токвилю**. «Мы живем в эпоху великой демократической революции, – писал он. – ...Одни считают ее модным новшеством и, рассматривая как случайность, еще надеются ее остановить, тогда как другие полагают, что она неодолима, поскольку представляется им в виде непрерывного, самого древнего и постоянного из всех известных в истории процессов... Повсеместно самые различные события, случающиеся в жизни народов, оказываются на руку демократии... Постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию»⁸.

Тонкий знаток творчества Токвиля **Алексей Салмин** – безвременно ушедший из жизни умнейший российский политолог – подчеркивал: «Демократический процесс не просто необратим для Токвиля: он несет в себе отпечаток высшего предназначения и потому заслуживает если не восхищения, то, по крайней мере, безропотного смирения. Задача состоит, таким образом, не в том, чтобы остановить эгалитарный процесс, а в

⁷ См.: Берк Э. Правление, политика и общество. М., 1992. С. 35.

⁸ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 27, 29.

том, чтобы его упорядочить»⁹. Следует заметить, что сам французский мыслитель был сторонником, скорее, ограниченной монархии, и своим предтечей его чтили не только либералы, но и многие консерваторы. Токвиль предложил в качестве объяснения непосредственной причины революций завышенные ожидания, утверждая, что ее вероятность наиболее высока в те моменты, когда длительный период политической и экономической стагнации сменяется фазой резкого увеличения шансов и возможностей для каждого человека, особенно социальных низов¹⁰.

В начале XX века распространение получили элитарные и социально-психологические интерпретации революций. Первые связаны, прежде всего, с именем **Вильфредо Парето**, который представлял революции как процесс циркуляции элит. Революция выполняет у Парето позитивную функцию, расширяя сосуды для поступления новой крови, питающей власть, приводя наверх новую аристократию¹¹.

Психологию масс поставили на пьедестал **Густав Лебон** и **Питирим Сорокин**. Знаменитый русский социолог полагал, что «общая, основная и вечная причина революций... всегда состоит в росте “ущемления” главных инстинктов у значительной части общества», к коим он относил рефлекс к групповому самосохранению и половые, потребность в жилище и еде, инстинкты собственности и самовыражения. Революции случаются, когда это ущемление приобретает массовый характер, а группы порядка проявляют бессилие «уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов»¹². Лебон объяснял революции спецификой психологии революционеров, увлекающих за собой послушную толпу: «По-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить»¹³. Сорокину и Лебону революции сильно не нравились, поскольку вели к немедленной общественной деградации и крови.

Канонической для описания более современных немарксистских школ изучения революций на Западе стала классификация американца **Джима Голдстоуна**, который выделил три поколения теорий революций¹⁴, а затем провозгласил и возглавил четвертое. **Первое поколение**, к которому он отнес Эдвардса, Петти, Бринтона, Арендт, творило в 1920–60-е годы, концентрировалось на «великих революциях» как великих нарративах, предлагало «естественную теорию» их происхождений и оставалось в рамках, скорее, токвильевской, либеральной интерпретации. Ханна Арендт понимала революции как «поиск свободы», трактуемой и как

⁹ Салмин А.М. Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада // Салмин А.М. Шесть портретов. СПб., 2008. С. 106; Никонов В.А. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.

¹¹ Парето В. Компедиум по общей социологии. М., 2007.

¹² Сорокин П. Социальная революция. М., 2005. С. 321, 323.

¹³ Лебон Г. Психология социализма. М., СПб., 1996. С. 126–127.

¹⁴ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 8–12.

обретение возможности делать, что заблагорассудится, и как создание условий для самовыражения и моральной автономии индивида¹⁵. Труды представителей первого поколения подверглись атаке за описательность, за то, что не могли объяснить, почему и как возникают революции, что определяет их успех или неудачу. И почему «поиск свободы» чаще всего сопровождается коллективным насилием и гражданскими войнами?

Ответы на эти вопросы постарались дать представители **второго поколения**, вновь заинтересовавшиеся идеями Лебона и Сорокина в рамках бихевиористской модели, которая выдвинула на первый план в объяснении революции депривацию и агрессивную фрустрацию. Были предложены и новые подходы: структурно-функциональный, сделавший основной упор на факторы системных напряжений, дисфункциональности и десэквилибриума в государственных и экономических институтах; теория развития (девелопментализм), объяснявшая революции провалами политического класса, не поспевающего за процессами социально-экономической модернизации. Если вкратце, в рамках этих концепций революции становились специфической реакцией на процесс модернизации и порождались разрывом между потребностями ушедшего вперед модернизированного общества с новым образованным средним слоем, рыночной экономикой и отстающей политической системой, не создающей каналы для политического участия этого слоя.

Один из знаковых представителей второго поколения **Джеймс Дэвис** сформулировал **теорию «J-кривой»**. Он утверждал, что «вероятность революций высока в том случае, если период постоянного роста, порождающий рост ожиданий населения, резко сменяется периодом стагнации: в этом случае люди склонны к опережению событий, выражению иллюзорных мечтаний, что имеет следствием крушение надежд и резкий протест»¹⁶. Синтез идей всего этого поколения был предложен в книге «Политический порядок в изменяющихся обществах», выпущенной в 1968 году **Самуэлем Хантингтоном** (он, как видим, отметил не только в качестве автора идеи конфликта цивилизаций). Там доказывалось, что революции – это эпизоды в глобальном процессе модернизации и возникают там, где экономические и социальные реформы обгоняют политические. Революции тем вероятнее, чем больше пропасть между уровнем политической модернизации и уровнем политической активности граждан. Любая социальная группа, не включенная в политическую систему, потенциально революционна¹⁷. Для Хантингтона революция это – «быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства»¹⁸.

¹⁵ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 10.

Теории второго поколения тоже были раскритикованы за абстрактность, невозможность применения к конкретным ситуациям, тавтологию (кто и почему испытывает депривацию, кто и почему вызывает дисэквилибриум?) и, главное, неспособность ответить, почему одни общества и типы систем оказываются уязвимыми или бессильными перед лицом различных вызовов, с которыми сталкивается каждая из них, а другие, напротив, лишь укрепляются. Появилось **третье поколение**, господствовавшее на Западе в 1970–1980-е годы, которое вернуло в центр революционной теории государство и классы, а также обратило внимание на противоречия между государством и независимыми элитами, на факторы международного экономического и военного соперничества. Доминирующим стал структурный подход, основанный во многом на марксистском взгляде на историю: воздействие капиталистической конкуренции на государство и общество порождало классовые конфликты.

Классическим было признано определение великих революций, предложенное англичанкой **Тедой Скочпол**: «Стремительное, коренное преобразование государственных и классовых структур общества... сопровождаемое и отчасти осуществляемое посредством восстаний масс, имеющих классовую основу»¹⁹. Она уделила повышенное внимание внешнему фактору, доказывая, что в условиях сильного давления извне, а, тем более, войны, когда власть мобилизует и централизует средства для нужд обороны, возникает ее конфликт с другими элитными группами, чья ресурсная база неизбежно сокращается.

Другой ведущий теоретик третьего поколения **Чарльз Тили** определял революцию как «силовую передачу государственной власти, в ходе которой как минимум два отдельных блока претендентов выдвигают несовместимые претензии на контроль над государством, и значительная часть населения, находящаяся под юрисдикцией данного государства, разделяет требования каждого из блоков»²⁰. Модернизация, хоть и усиливает социальную напряженность, сама по себе не приводит к революции, противостоящий власти блок должен непременно установить контроль за частью административных, военно-силовых, социальных, региональных элементов системы. По Ч. Тилли, в Европе за полтысячелетия (1492–1991) было 707 революционных ситуаций, но при этом революции произошли всего несколько раз²¹. Теории третьего поколения до настоящего времени весьма популярны.

Четвертое поколение, заявившее о себе с 1990-х, включило в набор исследуемых тем действия революционных акторов с точки зрения теории рационального выбора, микрооснования конфликтов, проблемы политического лидерства, этническую и региональную мобилизацию, сетевые институты, международные организации, «мягкую силу»,

¹⁹ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С.10.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ См.: Миронов Б.М. Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII – начала XX в. М., 2012. С. 634.

идеологию, культуру, наконец, роль случая. Подобное дополнение явно помогло приблизить теорию к более адекватному и полному пониманию природы революций, которые конечно же не имеют и не могут иметь одного или двух объяснений.

Каноническое определение революции теоретиков четвертого поколения принадлежит **Голдстоуну**: «Это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституциональными действиями, которые подрывают существующую власть»²².

Как отмечают **И.В. Стародубровская** и **В.А. Мау**, к началу XX века, анализ революции все более начинает носить утилитарный характер, когда революционную теорию активно стремятся превратить в революционную практику. На место общих рассуждений и детального исторического анализа приходят проблемы захвата почты, телефона, телеграфа, организации индивидуального террора и массовой крестьянской герильи, поиска союзников и уничтожения врагов. Ленин точно подметил настроение своей эпохи, когда заметил: «Приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать». Имена Ленина, Грамши, Мао Цзедун стали ассоциироваться с теорией революции гораздо больше, чем Гизо и Токвиля.

После революции 1917 года в России, по масштабу вполне сопоставимой с Великой французской, после Мексиканской и Китайской революций, а также ряда других переворотов, претендовавших на то, чтобы считаться революциями, появляется значительный материал для теоретического изучения этого феномена, отличного от работ историков и революционеров. Сперва революции привлекают внимание психологов, которые пытаются объяснить этот феномен через «психологию толпы». Но уже с конца 20-х годов XX века они становятся предметом анализа специалистов по общественному развитию: политологов, социологов, политэкономов²³.

Первые теоретические работы в этой области принадлежат так называемым «естественным историкам». Эти специалисты не ставили перед собой задачу абстрактных теоретических обобщений. Зато они с блеском описали и детально проанализировали явления и события, характерные для периода революционных потрясений. Наиболее известная и часто цитируемая (в том числе и в данной книге) работа этого периода – «Анатомия революции» Крейна Бринтона. На примере четырех великих революций – Английской, Американской, Французской и Российской – Бринтон тщательно прослеживает весь ход революционного процесса: от кризиса «старого режима» к первым шагам революции; к установлению власти «умеренных» и их падению; к победе радикалов,

²² См.: Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 61.

²³ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 18.

создающих «царство террора и добродетели» и их поражению; затем к термидору, и, наконец, завершает свое исследование описанием постреволюционной диктатуры. Этот анализ до сих пор считается классическим.

В 60-е годы революции снова привлекли внимание ученых, но лишь как одна из разновидностей массовых беспорядков – наряду с бунтами, крестьянскими войнами, восстаниями и другими проявлениями насилия. Великие революции как бы растворились в малых, революции вообще – в формах массового насилия. И это неудивительно. Если в 20–30-е годы наибольший интерес вызывали масштабные революционные события в России и Мексике, приход к власти фашистов в Германии, то в послевоенный период внимание переключается на потрясения в странах Третьего мира.

Одна из наиболее известных работ этого периода – книга Теда Роберта Гурра «Почему люди восстают». По его мнению, корни революций (как и других массовых беспорядков) нужно искать в психологии масс. Если люди чувствуют себя разочарованными в существующем политическом режиме, они начинают бунтовать. Гурр пользуется понятием «относительные лишения», противопоставляя их абсолютным. Не так важно, что реально происходит в обществе, как соотношение происходящего с ожиданиями людей. По мнению Джеймса Дэвиса, разделяющего те же подходы, условия для революции возникают, если период длительного экономического подъема, формирующего завышенные ожидания, сменяется резким спадом, и ожидания оказываются обманутыми²⁴.

К этому же периоду относится и известная работа **Самуэля Хантингтона** «Политический порядок в меняющихся обществах». Хантингтон вводит понятия «западной» и «восточной» революций. Западная – та, которая развивается «по Бринтону»: начинается с кризиса государства, проходит через власть умеренных, радикализацию и термидор и заканчивается постреволюционной диктатурой. Образцом для «восточных» революций послужили герильи в странах Третьего мира: для них характерен длительный период двоевластия, и лишь в конце происходит окончательное поражение «старого режима» и победа революционных сил. Хантингтону же принадлежит одно из самых широко используемых определений революции: «Быстрое, фундаментальное и насильственное изменение внутреннего положения страны, основных ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства и деятельности власти».

В 70-е годы появляются исследования революций, построенные на совершенно иных принципах. Если раньше революции «растворялись» в других формах массовых беспорядков, то теперь, напротив, каждая из них становится предметом тщательного и скрупулезного анализа. Детально исследуются взаимоотношения и потенциальные конфликты

²⁴ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 19.

между властью и элитами, внутри элит, между элитами и различными группами населения, а также внутренняя организация каждой группы. Особое внимание обращается на анализ государства, кризис и распад которого знаменует начало революционного процесса, а восстановление и укрепление – его завершение. Государство рассматривается как структура, относительно автономная от господствующего класса, государственная бюрократия – как особая социальная сила. Многие представители этого направления вообще считают невозможным формирование общей теории революции, предлагая ограничиться сопоставлением различных частных случаев, поиском в них общего и особенного. К наиболее ярким работам этого периода можно отнести книги **Теды Скочпол** «Государства и социальные революции» и **Джека Голдстоуна** «Революции и восстания начала Нового времени»²⁵.

В своей работе Скочпол анализирует три революции: Французскую, Российскую и Китайскую, сравнивая их с событиями английской гражданской войны XVII века, революцией Мейдзи в Японии 1868, года прусскими реформами 1807–1814 годов, Германской революцией 1848 года, которые, по ее мнению, не являются социальными революциями. Особое внимание Скочпол обращает на предпосылки революционности крестьянства, не считая особо важными для анализа революций городские восстания. Подробному анализу подвергаются структура государственной власти, взаимоотношения между государством, элитой и крестьянством в аграрно-бюрократических обществах; демонстрируются истоки конфликтов между ними, обостряющихся в условиях усиления внешних угроз. Именно во внешнем военном давлении и неспособности государства дать на него адекватный ответ Скочпол видит основные предпосылки революции.

Несколько особняком стоит чрезвычайно интересная работа **Джека Голдстоуна** «Революции и восстания начала Нового времени». Голдстоун детально анализирует Английскую и Французскую революции, сравнивая их с периодами ослабления государственной власти в Азии: кризисами в Османской империи, сменами династии в Китае, реставрацией Мейдзи в Японии. В целом он видит истоки ранних революций в демографических процессах и их воздействии на экономические, политические и социальные институты. Рост населения, по его мнению, вызывает усиление конкуренции во всех слоях общества: крестьян – за землю, наемных работников – за рабочие места, элиты – за государственные должности. Те же причины приводят к усилению спроса на товары, росту цен и снижению эффективности налоговой системы. Сталкиваясь с увеличением расходов и исчерпанием традиционных источников доходов, государство испытывает все более острые финансовые трудности. Таким образом, под давлением растущего населения в обществе обостряется целый комплекс противоречий, что в конечном

²⁵ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 20.

счете приводит к глубокому кризису государства и (в ряде случаев) к революции. В отличие от марксистов, рассматривающих революционные потрясения как катализаторы общественного прогресса, Голдстоун связывает революции с циклическими процессами: волны роста населения вызывали ослабление государственной власти и создавали предпосылки революций; демографическая ситуация стабилизировалась – восстанавливалось и прежнее равновесие²⁶.

Обзор современных подходов к анализу революций будет неполон, если не упомянуть достаточно влиятельное **течение** так называемых **ревизионистов**, зародившееся во Франции и затем распространившееся и на другие страны. Основной лозунг ревизионистов – разделить миф и реальность в анализе революций (в первую очередь Великой французской), причем ответственность за мифотворчество возлагается, прежде всего на марксистскую школу. На основе детального исторического анализа ревизионисты поставили под сомнение все основные принципы марксистского подхода к этой проблеме, в том числе о революции как механизме общественного прогресса, о закономерности и неизбежности революции, о роли классовой борьбы в революции и т.п. К наиболее видным представителям этого направления относят А. Коббана, Б. Рассела, Ф. Фюре.

В качестве примера типичного подхода ревизионистов к анализу революции можно привести работу Ф. Фюре и Д. Рише (Furet, Ricbet 1970). Для этих авторов не существует единого процесса, который может быть назван Великой французской революцией. Этот процесс распадается на три различные революции: депутатов – в Версале; средних и низших слоев – в городах; крестьянства – в деревне. Ведущей среди них является «буржуазная революция» – процесс конституционной перестройки государственного механизма. Причем этап якобинской диктатуры оценивается как период, когда буржуазная революция сбилась с пути. Что касается городской и крестьянской революций, то их относят скорее к категории традиционных бунтов. При этом авторы не считают возможным связывать революцию с классовой борьбой – не нарождающийся класс капиталистов сражался с отжившим феодальным строем, а просвещенные либеральные элиты из всех трех сословий боролись против защитников старого порядка и их жесткого консерватизма в отношении реформы государственной власти. Поэтому столкновение носило не социальный, а политический характер. По мнению авторов, буржуазная революция окончательно достигла своих целей только после июльской революции 1830 года и установления конституционной монархии²⁷.

Изначальной дате **Российской революции 1917 г.** в 2017 году исполнилось ровно 100 лет. Подходит время более скрупулезного, беспристрастного, профессионального изучения этого действительно великого

²⁶ См.: Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 21

²⁷ Там же. С. 21–22.

исторического события в истории России, революции европейского масштаба и мирового звучания. Как отмечал в свое время известный советолог, один из видных западных историков и специалистов по истории России XX в. **Ричард Пайпс**, «во Франции тоже долгое время революции служили в основном пищей для политической полемики: научная кафедра по изучению ее истории была учреждена в Сорбонне лишь в 80-х годах прошлого века (XIX в. – В.К.), то есть по прошествии целого столетия, во время Третьей республики, когда на события 1789 года уже стало возможным взирать несколько отвлеченно. Но споры так и не утихли»²⁸. Заслуживают внимания также в связи с нашей темой слова классика политологии **Карла Поппера** о том, что «каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, но не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности»²⁹. Наконец, как справедливо заметил **В. Никонов**, «понимание того, куда надо идти, вытекают из знания того, откуда мы пришли»³⁰.

²⁸ См.: Пайс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. С. 13.

²⁹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 310.

³⁰ См.: Никонов В.А. Российская матрица. М., 2014. С. 11.

ГЛАВА 3. ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИИ И ОТ ЧЕГО ОНИ ПРОИСХОДЯТ?

Как заметил **В. Никонов**, определений революций очень много. По его мнению, **революция** – «это организованный активной частью контрэлиты с использованием мобилизации масс антиконституционный переворот, который кардинально меняет характер государственного строя»¹. С нашей точки зрения, **революция** – это антигосударственный переворот, организованный контрэлитой, находящейся в оппозиции, при активном участии народных масс и части правящей элиты (фронды), направленный против правящего режима, оказавшегося в кризисе и конфликтной ситуации с обществом. Революции, если они успешны, коренным образом меняют государственный строй, весь уклад хозяйственно-экономической, социальной и духовно-культурной жизни той страны, в которой она произошла и победила². Революции, как правило, сопровождаются **гражданской войной**. Это извечный и кровавый спутник революций, который уносит десятки, сотни и даже миллионы человеческих жизней.

Сегодня мы знаем, **отчего происходят революции**. На эту тему написано весьма много, и не только историками. Достаточно определенно высказался в свое время на сей счет лидер российских большевиков **В.И. Ульянов-Ленин**. Современный американский политолог **Джим Голдстоун** предложил пять основных условий, соединение которых приводит к революции³:

¹ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. С. 14.

² См.: Космач В.А. Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году (субъективный взгляд на советскую историю 1920–1950-х гг.) // Материалы XVI научной сессии преподавателей и студентов: сборник докладов. Витебск: Витебский филиал Международного университета «МИТСО», 2013. С. 232–236; Космач В.А. Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году. Германский фактор в русской и советской истории первой половины XX века // Белорусско-германско-российская международная научная конференция «Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики в XX веке и «круглый стол» «Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности», 6–7 июня 2013 г. Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2013. С. 3–13.

³ См.: Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 61; Никонов В.А. Крушение России. 1917. С. 12.

1. Кризис власти, при котором государство воспринимается элитой и массами как неэффективное и несправедливое.

2. Кризис во взаимоотношениях между элитами, приводящий сначала к их отчуждению, потом разделению и, наконец, к резкой поляризации на отдельные фракции, каждая из которых имеет противоположное представление о путях дальнейших преобразований.

3. Кризис народного благосостояния, при котором городские и/или сельские слои населения с трудом поддерживают свои стандарты жизненного существования с помощью привычных средств.

4. Возникновение коалиции части элит и народных масс в их атаке на государственную власть.

5. Существование той или иной оппозиционной идеологии, которая соединяет элиты и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативное введение будущего порядка.

Т. Скочпол называла три условия возникновения революции.

Первое: возникновение международного давления со стороны более передовых государств. **Второе:** наличие экономических и политических элит, способных сопротивляться давлению государства и вызвать политический кризис. **Наконец**, наличие организаций, способных мобилизовать массы на восстание. **Джеффри Гудвин**, в 2006 году читавший соответствующую лекцию в Москве в рамках «Русских чтений», называл идеи Скочпол наиболее влиятельными и выделял пять факторов, ведущих к революции: проведение государством непопулярной экономической и социальной политики, исключение социально мобильных групп из политического процесса, авторитарность и репрессии в отношении инакомыслящих, слабость инфраструктуры власти, коррупция и патримониальные настроения. По его мнению, «питательную среду для революций создают коррумпированные авторитарные правления, осуществляющие репрессии и закрывающие путь ненасильственных политических изменений»⁴. По **В. Никонову**, еще Джозеф Пристли пошутил, что каждый успешный переворот называют революцией, а каждый неудачный – мятежом. В каждой шутке есть доля шутки. Ведь о том, произошла революция или нет, можно судить по ее результату – произошла ли коренная трансформация государственной власти. А если нет трансформации, то не было и революции. Поэтому все революции, в своем смысле, успешны. Они состоялись⁵.

Революции, как констатируют **И.В. Стародубровская** и **В.А. Мау**, происходят в тех странах, которые сталкиваются с принципиально новыми, нетипичными для них проблемами, порожденными как процессами внутреннего развития, так и общемировыми, глобальными тенденциями. При этом институциональная структура и психологические стереотипы населения этих государств не позволяют гибко приспособливаться к но-

⁴ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. С. 10–11; Гудвин Дж. Что мы сегодня знаем о механизмах возникновения революции // Русские чтения. Вып. 3. М., 2006 С. 174–176.

⁵ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 14.

вым требованиям; и эти встроенные ограничители, препятствующие адаптации, не удастся устранить в процессе эволюционного развития⁶.

Среди ранних исследований революций **Тед Роберт Гурр**, например, выделяет так называемые теории «социальных изменений» (social change), выводящие политическое насилие из неспособности социальных и политических институтов, обычаев, норм гибко реагировать на объективные перемены. С позиций этих теорий конец адаптации – это начало революции.

Из современных исследователей наиболее последовательно использует этот подход **Дж. Голдстоун**: в конечном счете он связывает революционные потрясения с циклическими волнами роста населения. На протяжении веков эти волны периодически повторялись, однако интервал между ними был столь велик, что в каждом случае перед властью и обществом возникали совершенно новые проблемы, подрывающие основы традиционного порядка. Рост населения вызывал увеличение спроса на товары, а значит, и неизбежный в условиях неэластичности предложения рост цен. Рост цен приводил к расстройству государственных финансов и снижал покупательную способность населения. В результате усиливающейся конкуренции между работниками падали заработки, увеличение крестьянского населения приводило к нерациональному дроблению земельных участков. Среди элиты усиливалось соперничество за государственные должности. В быстрорастущих городах возникали новые очаги недовольства, особенно этому способствовали демографические сдвиги, увеличивающие долю молодежи в структуре населения. В результате типичным для предреволюционной ситуации оказывался кризис государственных финансов, усиление конфликтов в элите и резкий рост потенциала массового неповиновения. Однако, по мнению Голдстоуна, рост населения далеко не всегда должен вести к катастрофическим последствиям. «Важно то, достаточно ли гибки существующие социальные и политические институты, чтобы легко реагировать на это давление. Там, где институты гибки, как в современных демократических государствах, переборы и изменения в проводимой политике обычно могут ослабить давление. Там, где институты относительно негибкие – в наследственных монархиях или империях с традиционной системой налогообложения, рекрутирования элит и экономической организации – с большей вероятностью возможны революция или восстание»⁷.

В других подходах среди причин революции также фигурируют и новые проблемы, и неспособность общества к ним приспособиться, хотя и не в столь систематизированном виде, как у Дж. Голдстоуна. В марксистских исследованиях акцент, как правило, делается на невозможности обеспечить простор для новых экономических процессов в рамках сложившейся структуры старого общества, когда существующие производственные отношения становятся оковами для развития производительных

⁶ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 26.

⁷ Там же. С. 27–28.

сил. Для нас здесь интересно, прежде всего, внимание к экономическим процессам, которые часто игнорируют исследователи других, немарксистских направлений.

Среди экономических проблем, обострившихся в предреволюционное время, особо выделяется рост городов и его воздействие на развитие рыночных отношений. Как отмечал **Баррингтон Мур** применительно и к предреволюционной Англии, и к предреволюционной Франции, «центральная проблема сельского хозяйства состояла в том, как обеспечить зерном те классы, которые ели хлеб, но не выращивали пшеницу». В росте городских товарных рынков он усматривал один из ключевых индикаторов «буржуазного коммерческого импульса». Необходимость снабжать города продуктами питания и другими предметами потребления породила проблемы, требовавшие выхода за пределы сложившихся местных рынков и использования рыночных отношений в более широких масштабах. Существовавшая в то время структура общества не могла безболезненно приспособиться к новой ситуации. Еще один фактор, действующий в том же направлении, – усиливающаяся интеграция в международную торговлю, в результате чего экономические отношения и социальные структуры отдельных стран становились все более зависимыми не от местных, легко контролируемых условий, а от колебаний мирового рынка⁸.

Полемизируя с марксистской точкой зрения, **Теда Скочпол и Элен Тринбергер** утверждают, что решающую роль в возникновении кризисных революционных явлений играют не внутренние, а внешние факторы, к которым они относят «военно-политическое давление со стороны экономически более развитых зарубежных стран». Объективные противоречия в рамках старого режима для них – в первую очередь «политические противоречия в структуре и положении государств, находящихся под перекрестным давлением военных конкурентов на международной арене, с одной стороны, и ограничений существующей экономической системы и (в некоторых случаях) сопротивления политически значимых классовых сил внутри страны попыткам государства мобилизовать ресурсы для того, чтобы справиться с международной конкуренцией, с другой стороны».

Наконец, многие исследователи обращают внимание на роль социальных барьеров в вызревании революционной ситуации. Традиционные механизмы вертикальной мобильности, препятствующие «открытию карьер талантам», не удовлетворяли новые элитные группы, появляющиеся в динамично развивающемся обществе. Так, одну из общих черт Российской, Иранской, Мексиканской и Китайской революций, протекавших (или, по меньшей мере, начавшихся) в 1905–1911 годах, усматривают в том, что «экономический рост породил новые социальные группы, важ-

⁸ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 28.

ные с экономической и технологической точек зрения, но не имеющие доступа к власти»⁹.

Итак, исследования революций дают богатый материал, позволяющий проиллюстрировать формирование революционных ситуаций: появление в обществе принципиально новых проблем, оказывающих давление на сложившуюся систему отношений в целом и структуру государства в частности; ограниченные возможности общества и государства адаптироваться к изменившейся ситуации из-за негибкости существующих институтов. Однако мозаика не складывается в цельную картину, поскольку эти проблемы рассматриваются в несистематизированной форме, с акцентом на один из типов проблем либо ограничений, а также применительно к ограниченному историческому периоду.

В свою очередь **И.В. Старобудровская** и **В.А. Мау** предприняли попытку посмотреть на проблему с более общих позиций.

Во-первых, для возникновения в обществе напряжения, которое может привести к революционному взрыву, важно не только появление новых проблем, но и существование барьеров, препятствующих институциональной и психологической адаптации к этим проблемам. Что касается конкретного содержания и новых проблем, и имеющихся барьеров, то со временем оно может существенно изменяться. Совершенно необязательно, что тенденции, вызывавшие кризисные явления в XVII–XVIII веках, будут столь же значимы сегодня.

Характер ограничителей, препятствующих переменам, также может меняться. В современных условиях принципиально важна неспособность к гибкой адаптации систем, основанных на централизованном управлении. Поскольку этот момент существен для дальнейшего анализа, мы позволим себе привести достаточно подробное рассуждение, иллюстрирующее данный тезис. Специалисты по кибернетическим системам отмечают, что «система с централизованным управлением отличается большой жесткостью структуры, отсутствием пластичности вследствие того, что приспособление ее к изменениям, как случайным (флуктуации), так и выражающим эволюцию самой системы и окружающей среды, происходит не в отдельных частях системы, а лишь в центральном пункте управления. Централизованное управление позволяет долгое время осуществлять стабилизацию системы, подавляя как флуктуации, так и эволюционные изменения в отдельных частях системы, не перестраивая ее. Но в конечном счете это может оказаться роковым для системы, так как противоречия между неизменной структурой системы и изменениями, связанными с эволюцией, вырастают до глобальных размеров и требуют такой радикальной и резкой перестройки, какая уже невозможна в рамках данной структуры и приводит к ее разрушению (т.е. переходу к качественно новой структуре)».

⁹См.: Старобудровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 28.

Во-вторых, особенность кризисной ситуации в предреволюционном обществе заключается в том, что перед этим обществом встает не одна, а целый комплекс непреодолимых проблем – внутренних и внешних. Внутренние трудности могут быть результатом новых демографических, технологических, экономических, социальных процессов, воздействующих на механизмы функционирования общества и сферу государственного управления. Внешних факторов давления тоже немало, они могут быть связаны не только с непосредственной военной угрозой извне, но и с межгосударственной конкуренцией, а также с необходимостью противостоять внешним «шокам» – внезапным колебаниям спроса на внешних рынках, региональным и мировым экономическим кризисам, глобальным военным конфликтам и т.п. В каждом конкретном случае соотношение внутренних и внешних факторов может быть разным. Поэтому бесперспективно искать один универсальный фактор, объясняющий предреволюционный кризис. Напротив, требует объяснения тот факт, что в определенные моменты общество сталкивается с целым комплексом проблем, требующих кардинальных изменений в механизмах его функционирования.

В-третьих, столь же многообразны и варианты встроенных ограничителей. Их также возможно классифицировать, разделив на внутренние и внешние. К **внутренним ограничителям** относятся экономические, социальные, политические и психологические.

Экономические ограничители – это такие экономические формы и отношения, которые либо совсем не способны реагировать на изменение экономических условий, либо реагируют на них совершенно неадекватно. Наиболее очевидные примеры – средневековая цеховая система в городах и общинные отношения в деревне. Высокомонополизированная экономика, характерная для развитых стран конца XIX – начала XX века, также представляет собой структуру с ограниченным адаптационным потенциалом. Низкую приспособляемость централизованной плановой системы мы уже рассматривали выше.

Социальные ограничители включают в себя различные формальные и неформальные механизмы, которые затрудняют горизонтальную и вертикальную мобильность, препятствуют приведению в соответствие реального экономического и общественного положения и формального статуса индивидов и социальных групп, а также изменению их социального статуса в соответствии с новыми экономическими возможностями и потребностями. Очевидные примеры социальных ограничителей – сословная система, различные формы крепостного права, а также номенклатурная система и прописка, характерные для стран «социалистического лагеря» в недалеком прошлом.

Политические ограничители проявляются в основном в двух формах. С одной стороны, это невозможность в рамках легальных политических механизмов сменить господствующий режим и его политический курс, когда он не способен адекватно реагировать на изменение внутренних и внешних условий. С другой стороны, это невозможность обеспечить по-

литическое представительство новых экономически влиятельных кругов, дать им институциональные возможности защиты собственных интересов. В той или иной степени эти ограничители существуют в любом недемократическом обществе.

Социокультурные ограничители не только существенно влияют на способность общества приспособляться к изменениям, но и могут играть негативную роль в устранении институциональных ограничителей. Так, например, широко распространенные в массах представления о божественном происхождении монархии могут препятствовать снятию политических ограничителей, демократизации общества.

Внешние ограничители характерны, в первую очередь, для колониальных и полуколониальных стран, а также для формально независимых государств, находящихся под контролем извне. Такие страны в экономике и политике вынуждены ориентироваться не на собственные интересы, а на навязанные им другими государствами цели. Это, естественно, никак не способствует приспособлению общества к решению новых задач и резко обостряет связанные с этим проблемы. Подобные факторы сыграли существенную роль при вызревании причин Американской войны за независимость, мексиканской революции, а также других революций в странах Третьего мира¹⁰.

Однако и предреволюционные режимы, как отмечают далее **И.В. Стародубровская** и **В.А. Мау**, нередко стремились проводить достаточно радикальные преобразования. Современные исторические исследования подрывают сложившиеся представления об их консерватизме и реакционности. Карл I, например, инициировал совершенствование методов ведения сельского хозяйства на королевских землях (осушение земель в Восточной Англии), а «корабельные деньги» при всей ненависти к ним современников, были первой попыткой установления новой системы налогообложения. Французские власти в предреволюционный период стремились активно поддерживать развитие промышленности и сельского хозяйства, в том числе по английскому образцу. Хорошо известны также попытки Людовика XVI провести реформу налогообложения и усовершенствовать систему государственного управления в целом. Реформы Тюрго, во многом так и не осуществленные на практике, включали в себя наряду с преобразованием налоговой системы свободную торговлю зерном, отмену монополий и цеховой системы в городах. Широко известны и усилия царского режима в России модернизировать страну. Но все эти действия не только не увенчались успехом, но даже, по мнению некоторых исследователей, способствовали приближению революции.

Тот же необъяснимый, на первый взгляд, парадокс характерен и для так называемых **революций «сверху»**, некоторые исследователи выделяют их в особый класс революций. Для них характерна смена режима в

¹⁰ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 30–32.

рамках прежнего господствующего слоя, приводящая к изменению политической формы правления и приходу к власти наиболее радикальных представителей существующей элиты. В дальнейшем новая власть выходит за рамки политических преобразований и проводит политику реформ, направленных на более или менее радикальное устранение существующих экономических и социальных ограничителей развития общества. Революции «сверху» отличаются от реформ или переворотов тем, что глубокие преобразования, проводимые в их рамках, приводят к «разрушению доминирующей социальной группы»¹¹.

Но на самом деле практически **любая революция** начинается как революция политическая, и смена власти ограничивается рамками существующей элиты. Однако в некоторых случаях господствующей элите удается удержать власть, в других же события выходят из-под ее контроля, и революция превращается в движение снизу. Так, лидеры революции Мэйдзи в Японии (1868) сумели сохранить власть и закрепить успех достигнутых преобразований. В ходе же Великой французской революции, например, достичь этого не удалось. Как отмечает А. Коббан, французская революция началась сверху, а продолжалась под нажимом снизу, в первую очередь, со стороны беднейших слоев городского населения.

Причины успеха революции «сверху» Элен Тримбергер, одна из основных исследователей этого феномена, видит прежде всего в существовании сильного бюрократического аппарата, не связанного непосредственно с интересами господствующего класса и потому способного в кризисной ситуации пожертвовать его интересами, чтобы осуществить глубокие социальные преобразования. Но не менее решительно, чем в революциях «сверху», действовали власти и на первых этапах Великой французской революции. Известный исследователь **Франсуа Фюре** утверждал, что во Франции буржуазная революция была осуществлена без всякого компромисса со старым режимом уже в 1789–1791 годах. Действительно, наряду с преобразованием политического строя, а именно формированием представительной власти и переходом от абсолютной к конституционной монархии, была разрушена сословная система, осуществлено «открытие карьер талантам», установлено всеобщее равенство перед законом, сняты ограничения на свободное движение рабочей силы, устранены препятствия для торговли и предпринимательства. Контрреволюционно настроенная часть знати эмигрировала. Фактически был решен вопрос о преобразовании отношений собственности: выкуп крестьянами феодальных прав остался лишь на бумаге. Крестьяне-собственники в массовом порядке отказывались от выкупа прав, предусмотренного декретами 4–11 августа 1789 года, и более поздние решения об освобождении их от уплаты стали лишь юридическим оформлением свершившегося факта¹².

¹¹ См.: Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 33.

¹² Там же. С. 33–34.

Лидеры **революции Мэйдзи** реализовали очень схожую программу: уничтожили феодальные барьеры на пути развития торговли и производства в городе и деревне, ограничения на передвижение рабочей силы и свободный выбор рода занятий. Были сняты статусные перегородки и осуществлено «открытие карьеры талантам», установлено всеобщее равенство перед законом. Крестьянам предоставили право частной собственности на землю. Большая радикальность преобразований в рамках революции Мэйдзи обычно аргументируется тем, что в ее ходе удалось разрушить экономическую и социальную базу традиционной аристократии, самураев. Однако нельзя забывать, что самураи были достаточно своеобразным господствующим классом. Они не имели собственной экономической базы, а жили на получаемые от государства рисовые стипендии. Отмена этих стипендий в чем-то схожа с резким ограничением расточительных и непроизводительных трат двора, которые были поставлены под контроль на первых этапах как Английской, так и Французской революций. Что касается социального слоя, который реально господствовал в деревне и контролировал крестьянство, то его позиции в условиях революции Мэйдзи существенно упрочились.

Достаточно давно исследователи революции заметили, что предреволюционное общество чрезвычайно фрагментировано и расколото на многие противостоящие друг другу слои и группы. Еще де Токвиль отмечал бесконечную раздробленность французского общества, в котором «однородная толпа разделена огромным количеством мелких преград на множество частей, каждая из которых выглядит особым сообществом, занимающимся устройством своих собственных интересов и не принимающим участия в общей жизни». Он объяснял это жесткими сословными перегородками, разделившими общество на небольшие группы, чуждые и различные друг другу. Дж. Голдстоун в своем исследовании также останавливается на этом феномене, связывая его с ростом населения и усилением в связи с этим конкуренции за землю, рабочие места, государственные должности. Некоторые исследователи выводят предреволюционную фрагментацию общества непосредственно из разрушения единой системы ценностей, норм, правил, мифов, верований, символов, нравственных установок и т.п., полагая, что «согласие в вопросе о социальных ценностях и нормах – главное для консолидации общества», тогда как «любое общество, где существуют противоположные мифы, в определенной степени подвержено дезинтеграции и расколу».

Нам представляется, как отмечают **И.В. Стародубовская** и **В.А. Мау**, что центральный фактор, вызывающий столь высокую раздробленность общественных сил и интересов, – это длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие в предреволюционный период, сопровождающееся началом экономического роста и значительными структурными сдвигами. Подобные процессы характерны практически для всех стран, переживших полномасштабные революции. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со

второй половины XVIII века, а период с 1760 по 1790 год характеризуется успешным промышленным развитием на основе заимствования английского опыта, что обычно рассматривается как первая фаза промышленной революции. Хорошо известны периоды активного роста и индустриального развития в конце 30-х – первой половине 40-х годов XIX века в Германии, а также на рубеже XIX и XX веков и в период между революцией 1905 года и началом Первой мировой войны в России. Сложнее обстоит дело с Английской революцией, где информационная база для комплексного анализа предреволюционного периода достаточно ограничена. Но и здесь некоторые исследователи, в первую очередь Джон Неф, относят раннюю стадию промышленной революции к предреволюционному времени. По его мнению, с середины XVI века и до начала гражданской войны в Англии наблюдался быстрый промышленный рост в ряде отраслей, в том числе резкое увеличение добычи угля.

Если обратиться к **неевропейским революциям**, то эти тенденции просматриваются еще более явно. Предреволюционные режимы проводили здесь сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь, прежде, на широкое привлечение иностранного капитала. Так, темпы роста ВВП в Мексике между 1884 и 1900 годами составляли 8% годовых, при этом активно развивались железнодорожное строительство, добыча полезных ископаемых, легкая промышленность, производство сельскохозяйственной продукции на экспорт. В Иране, где предреволюционный период совпал с нефтяным бумом, происходили еще более серьезные сдвиги. ВВП, особенно в период сверхдоходов от экспорта нефти, рос чрезвычайно высокими темпами: 1962–1970 гг. – 8%; 1972–1973 гг. – 14%; 1973–1974 гг. – 30% в год. Доля городского населения увеличилась примерно с 28% в 1950 году до 47% в 1976-м. За 20 лет доля крестьян и сельскохозяйственных рабочих в общей численности занятых уменьшилась с 60% почти до 30%¹³.

Эти процессы приводили к многообразным напряжениям и конфликтам в рамках элиты. С одной стороны, нарастало давление со стороны тех социальных слоев, реальная роль которых в обществе не соответствовала их формальному статусу. С другой стороны, углублялся кризис внутри господствующего социального слоя, разделенного на множество групп и кланов и неспособного объединиться вокруг общих интересов. Причем эта фрагментация часто происходила не по традиционным линиям раздела, отражавшим структуру старой элиты: аристократия – джентри, дворянство шпаги – дворянство мантии. Экономическое развитие по-разному воздействовало на представителей одного и того же слоя социальной иерархии, делая их интересы различными, а иногда и противоположными. Многие исследователи отмечают, что для предреволюционных обществ характерна парадоксальная ситуация, когда противоречия внутри отдельных классов и социальных слоев по степени остроты могут су-

¹³ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 36.

щественно превосходить противоречия между различными классами и слоями.

Известная дискуссия о том, как отмечают **И.В. Стародубровская** и **В.А. Мау**, было ли возвышение джентри и разорение старой аристократии в предреволюционной Англии, так и не дала окончательного ответа на этот вопрос, однако со всей очевидностью показала, что в среде и тех и других проходило активное имущественное расслоение и дифференциация подходов к методам ведения хозяйства. «Инфляционное столетие перед 1640 годом было гигантским водоразделом, – отмечал Кристофер Хилл, – когда во всех слоях общества происходило экономическое размежевание. Некоторые йомены возвысились до положения джентри, другие, напротив, опустились. Одни пары накопили огромные состояния, другие оказались на грани банкротства»¹⁴. При этом часть высшей аристократии принимала непосредственное участие в предпринимательской деятельности. В предреволюционной Франции знать также активно втягивалась в коммерцию, тогда как провинциальное дворянство в большинстве своем оставалось консервативной силой, заинтересованной в сохранении традиционных отношений. Во многом аналогичные явления характерны и для России начала XX века. В целом класс землевладельцев с трудом приспособивался к процессам модернизации, его упадок все более усиливался, особенно после революции 1905 года. Однако были и исключения: в Западной Украине, например, помещики вполне успешно осуществляли коммерциализацию сельского хозяйства. Единство интересов земельной аристократии размывалось и тем, что ее представители все более активно втягивались в промышленную деятельность. На рубеже веков 82 из 102 крупнейших землевладельцев были полными или частичными собственниками 500 промышленных предприятий. Из 1 482 акционерных обществ, обследованных в 1901–1902 годах, не менее чем в 800 руководящие посты занимали потомственные дворяне¹⁵.

Таким образом, накануне революции в **элите** наблюдаются сильные дезинтеграционные процессы, и верхние слои общества превращаются в сложную мозаику социальных групп с разнообразными и противоречивыми интересами: экономически сильные социальные группы, не имеющие доступа в элиту; «новички», не до конца признанные традиционной элитой (которая также изначально внутренне неоднородна), но, в свою очередь, стремящиеся не допустить ее дальнейшего расширения; преуспевающая часть традиционной элиты; разоряющаяся часть традиционной элиты и т.п. При этом часть старой аристократии, активно втягивающаяся в коммерческую деятельность, может иметь много общих экономических интересов с предпринимателями из непривилегированной части общества, однако их объединению препятствуют традиционные сословные перегородки.

¹⁴ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 40–41.

Перераспределение богатства – лишь один из факторов, обостряющих отношения в рамках элиты. Существенное влияние оказывают постепенная трансформация механизмов государственного управления, а также усиливающаяся в результате роста населения конкуренция за привилегии и государственные должности, рассмотренная нами выше. Однако важно подчеркнуть, что эти конфликты носят не просто межличностный или межклановый характер. В рамках элиты формируется сложная система противоречивых экономических, политических и социальных интересов, причем применительно к различным проблемам внутриэлитные группировки могут иметь разную конфигурацию.

Не менее важно и то, что в предреволюционные десятилетия активизируется фрагментация населения в целом, связанная с усиливающимся **социальным расслоением**, привязкой источника жизнеобеспечения к традиционным либо новым экономическим структурам. В основе дифференциации здесь также лежит различие экономических интересов. Идет расслоение крестьянства, означающее выделение, с одной стороны, более зажиточной верхушки, а с другой – безземельных слоев. У традиционной цеховой системы появляется конкурент в лице мануфактуры или фабрики, вызывая противоречия между новыми предпринимателями и городскими ремесленниками. Позиции купцов, предпринимателей и финансистов дифференцируются в зависимости от того, насколько тесно их коммерческая деятельность связана с интересами существующего режима. В результате создается почва для многочисленных противоречий.

Анализируя указы различных сословий, адресуемые Генеральным Штатам во Франции в 1789 году, **Ф. Фюре** отмечал многообразные внутри и межсословные конфликты: «между богатыми и бедными крестьянами – на почве дележа общинных выгонов; среди владельцев мастерских и мастеров гильдий – из-за разногласий в вопросе о свободе труда, между епископами и приходскими священниками – о демократизации церкви, между дворянством и церковью – по проблеме свободы прессы». Общий вывод – «общество “статусов” и “рангов” было в высокой степени раздробленным (партикуляристским)».

Несомненно, фрагментация всех слоев общества существенно влияла на ход революционного процесса. По словам Дж. Голдстоуна, «революции... обычно выявляют множество конфликтов, уходящих корнями в социальные структуры нижнего уровня и в большей мере затрагивающих народные массы, чем конфликты вокруг национального правительства»¹⁶.

По **Л.С. Васильеву**, революция – это мощный, сопровождающийся террором взрыв, направленный на насильственный слом существующего порядка с заменой его принципиально новым. Цель взрыва – предоставление полного господства в обществе рыночно-частнособственническим отношениям антично-буржуазного типа со всеми их либерально-демократическими правами, институтами, гарантиями и привилегиями.

¹⁶ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 41–42.

Смысл такой замены в обеспечении ускоренной эволюции с нарастающими темпами развития. Итог взрыва – полная победа над старым во имя успешного и всегда оправдывающего себя, несмотря на попытки контрреволюции, нового. И цель, и смысл, и итог здесь необычайно важны, ибо отсутствие каждого из этих пунктов лишает революцию ее основы и, обрекая ее на неудачу, не дает права считаться революцией в полном смысле этого слова.

А далее рассуждения **Л.С. Васильева**, мягко говоря, странные. «Как легко понять, – пишет он, – революция бывает лишь одна, от структуры власти-собственности с обществом восточного типа к идущей ей на смену антично-буржуазной структуре с обществом западного типа, других в принципе не бывает и быть не может, причем и здесь революция не обязательна. В исторической реальности она была лишь раз, во Франции, а в других случаях, на Западе и на Востоке, эквивалентом ее была эволюция. Впрочем, окончательный ответ на этот вопрос может быть убедительным лишь после детального анализа всего того, что нам известно о революции во Франции. Но почему только и именно во Франции? Потому прежде всего, что остальные буржуазные революции таковыми на самом деле не были. Тем более это относится к так называемым пролетарским или социалистическим революциям XX столетия. И это легко доказать, обратив особое внимание на то, как и почему возникают революции и почему многие из так называемых революций таковыми не были и просто не могли быть»¹⁷.

«Стоит с самого начала оставить в стороне рассуждения о так называемой революционной ситуации, – рассуждает далее **Л.С. Васильев**, – ибо будто бы создающие ее факторы («низы не хотят, а верхи не могут») слишком неопределенны. Их можно трактовать произвольно и использовать при любом серьезном кризисе, каких в истории многих стран, например в Китае, насчитывается много. Там практически каждая династия сменяла свою предшественницу именно в подобного рода критической обстановке. Причина же революции в реальной истории человечества в историко-философской теории только одна, причем это не раз давалось понять при изложении и трактовке исторических событий в рамках данного издания. Эта причина – выход на авансцену истории рыночно-частнособственнических отношений в их наиболее развитой буржуазной форме и, что наиболее важно, отсутствие при этом условий для полного стопроцентного действия буржуазного фактора эволюции, даже более того, решительное долговременное и вполне успешное препятствие со стороны власти имущих для создания этих условий»¹⁸.

Революция, как делает замечание **Л.С. Васильев**, – в отличие от того, к чему привыкли воспитанные марксистским историческим материализмом отечественные обществоведы, – это не нечто обыденное и встре-

¹⁷ См.: Васильев Л.С. Всеобщая история: учебное пособие. М., 2013. Т. 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.). С. 580–581.

¹⁸ Там же. С. 581.

чающееся сплошь и рядом в соответствии с теорией сменяющих друг друга формаций и пропитанных антагонизмом классовых баррикад. Со всем напротив, она уникальна, единственна в своем роде. Для того, чтобы она началась, нужны из ряда вон выходящие обстоятельства. О стечении обстоятельств как важнейшем факторе эволюции – равно как и о случайности, другом таком факторе, – немало было сказано. Так вот, в истории Франции конца XVIII в. сплелись в тугий шнур оба этих фактора. Но они оказались противоречивыми. На долю случайности выпал рост буржуазии в стране, что с мощной силой толкало большинство населения вперед, по пути необходимой для Франции эволюции. А фактор стечения обстоятельств оказался противоречивым. С одной стороны, в нем были силы, способствовавшие эволюции. Это были импульсы, исходившие как от овладевавших массами идей французского Просвещения, так и от очень притягательного примера успешных сторонников (США) и соперников, прежде всего теснившей Францию и в Европе, и в ее колониях Англии. Но вместе с двумя благоприятствующими импульсами составной частью фактора стечения обстоятельств стала мощная неблагоприятствующая сила, т.е. откровенное противостояние власть имущих. В итоге непреодолимый неблагоприятный импульс оказался сильнее двух благоприятных, и стечение обстоятельств не было в пользу спокойной эволюции. А точнее, путь к эволюции был жестко перекрыт. В сложившейся таким образом уникальной ситуации место эволюции заняла революция¹⁹.

Рассуждения профессора **Л.С. Васильева**, несомненно, оригинальные. Но ставить под сомнение наработанное целыми поколениями историков в области теории к истории революций (здесь сложились целые школы, и не только историков!) вряд ли оправдано и слишком «смело».

Один из авторов монографии «Великие социальные революции XVII–XVIII вв. в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму» **Е.Б. Черняк** указал на тот факт, что «ни разу революция не возникала как прямой результат экономического конфликта между феодальным и капиталистическим укладами. Всегда речь шла о столкновении капиталистического сектора экономики (как правило, не его одного, а совместно с другими, включая и феодальный сектор) с правительством, нередко по относительно второстепенным экономическим вопросам, а чаще по кардинальным, но политическим – например, по вопросу о переходе от абсолютистской монархии к монархии конституционной или к республике, т.е. к разным формам парламентской демократии. Непосредственным же импульсом к началу революции служило повышение активности народа, которое порождалось резким усилением нужды, связанным с различными обстоятельствами: от неурожаев до экономических кризисов, вызванных развитием нового формационного уклада и никак не являющихся в осно-

¹⁹ См.: Васильев Л.С. Всеобщая история: учебное пособие. М., 2013. Т. 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.). С. 602–603.

ве противоречиями между новыми производительными силами и феодальными производственными отношениями.

Но осознание того, что революция имеет межукладные корни, равнозначно признанию, что ее основная причина лежит вне внутриукладных отношений и, следовательно, основные социальные отношения переходной эпохи (феодалы – крестьянство, буржуазия – рабочий класс) могут играть лишь второстепенную роль»²⁰. На наш взгляд, следует обратить внимание на выводы **Е.Б. Черняка**, в том числе в связи с Русской революцией 1917 года.

Свои нюансы в трактовку революций внес **Б.Н. Миронов**. В своей солидной монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века» он отметил, что «изучение русской, как и любой другой, революции происходит на трех уровнях. Макроуровень – анализ условий или предпосылок революции – их иногда называют также глубинными причинами. Мезоуровень – анализ факторов и причин, непосредственно порождающих революцию. Наконец, микроуровень (его иногда называют событийным) – конкретно-исторический анализ всей массы фактов и обстоятельств, касающихся революции. Предмет исследования на третьем уровне велик, и невозможно даже перечислить все, что в него входит, так как он включает революционный процесс во всем многообразии явлений и событий: взаимодействие и борьбу партий, общественных организаций, социальных групп, а также партийную жизнь, деятельность средств массовой информации, в частности агитацию и пропаганду (сегодня это называется политическим пиаром), настроения, страхи, слухи и многое другое. В микроанализе все важно – и какая стояла погода 25 февраля 1917 г., и имелся ли на шинели великого князя Кирилла Владимировича, приведшего к Таврическому дворцу Гвардейский экипаж 2 марта 1917 г., красный бант, и как заgrimировался В.И. Ленин, когда он направлялся из конспиративной квартиры в Смольный, и т.п. Событийный анализ ведется обычно в жанре нарратива – рассказать, как все было, или в жанре повседневности.

Три уровня анализа революции примерно соответствуют изучению долговременных, среднесрочных и краткосрочных факторов революции. Каждый важен и интересен по-своему. Полная картина получается, когда анализ идет на всех уровнях. Как удачно выразился **Б.В. Никитин** (служивший при Временном правительстве в марте – июле 1917 г. начальником контрразведки Петроградского военного округа, а затем начальником разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба): «Только в спокойном состоянии, только далекий историк увидит и приведет в систему причины происшедшего (революции 1917 г.). Их не найти в одном только прошлом, сознательно закрывая глаза на 1917 год, так же как

²⁰ Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 58.

нельзя в злой воле и ошибках отдельных групп и лиц этого года искать полного объяснения истории России»²¹.

Однако революция, как подчеркивает **Б.Н. Миронов**, столь сложное и многогранное явление, источники о ней – столь обильны и разнообразны, а литература, можно сказать, необозрима, что одному исследователю не удастся проанализировать революционное движение на всех трех уровнях и создать полную и всеобъемлющую картину произошедшего. Причем, чем ближе к «почве», тем сведений и акторов больше, а шансов охватить все происходящее – меньше. Свой анализ я вынужден ограничить преимущественно первым и отчасти вторым уровнем. При этом и здесь мой предмет ограничен – меня, прежде всего, интересует воздействие модернизации на девиантность, социальную напряженность и развитие революционного процесса, а также влияние благосостояния, социальной и имущественной дифференциации, социальной и культурной фрагментации общества, демографических и социально-экономических процессов, политических и экономических реформ, развития гражданского общества и дискурса по перечисленным вопросам на возникновение революционной ситуации и ее трансформацию в революцию.

Предпосылки создают возможность для свершения **революции**, готовят революционную ситуацию, а непосредственные причины превращают возможность в реальность. Одни исследователи дифференцируют предпосылки и причины и анализируют их в единой теоретической парадигме; другие – различают и изучают в различных парадигмах, третьи – акцентируют внимание на объяснении непосредственных причин, не интересуясь предпосылками. Анализ на макро- и мезоуровне обычно опирается на политологические и социологические концепции и является междисциплинарным, потому что обстоятельства, факторы и причины, обуславливающие революционный процесс, имеют политический, социальный, экономический, психологический, демографический, экологический, военный характер.

В современной академической литературе о **социально-политических революциях** при объяснении их предпосылок и причин используются марксистский, мальтузианский, модернизационный и институциональный подходы, а также психосоциальная, структурная, политическая и экономическая концепции, в зависимости от того, какой фактор считается относительно более важным. Предлагаются и другие объяснения революции 1917 г.: циклическое (А.С. Ахиезер, А. Л. Янов, В.В. Ильин, А.С. Панарин), психологические в разных вариантах – психиатрическое, психоаналитическое и социально-фрейдистское (П.А. Сорокин, В.П. Булдаков), пассионарное (в духе теории этногенеза Л.В. Гумилева) и синергетическое – Хаос против Космоса, гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи (В. Д. Соловей). Популярны также, условно говоря, культурологические объяснения – извращение российского мессианизма и колли-

²¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 563.

зии византийского, монгольского и европейского начал русской истории (В.К. Кантор), «манихейский тип русской цивилизации» и эволюция ментальности (И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко), социокультурный раскол общества, порождающий маятниковые колебания между полярностями (А.С. Ахиезер), саморазрушение имперской системы по причине разложения идеи «симфонии» священства и царства (В.П. Булдаков), оскудение и превращение в формальность православной веры (В.М. Лавров), разрушение православного мировоззрения и мировосприятия, забвение национальных корней, отказ от всемирной миссии православной Российской империи нести веру *in orbem et orbis* (А.Н. Боханов). Некоторые авторы используют в своем анализе сразу нескольких концепций²².

Б.Н. Миронов

Русская революция 1917 года в контексте теорий революции

Революция как патология. П. Сорокин сформулировал одно из психосоциальных объяснений Русской революции: суть революции – в патологических и варварских действиях человека, свидетельствующих о полном разрыве с цивилизацией, дисциплиной, порядком и нравственностью.

Патологическое поведение оказывается реакцией на невыносимо тяжелые условия жизни и перерождается в революцию, когда ослабевшая власть утрачивает способность поддерживать порядок силой.

Теория относительной депривации. Среди психосоциальных теорий наиболее популярна теория относительной депривации, делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями социальных групп и индивидов. Между прочим, и теория конфликта указывает на относительную депривацию как на важнейшую причину социального конфликта. Именно относительная депривация наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре и невысокой производительности труда. «Повышенные ожидания» замечены в крестьянской и рабочей среде, у духовенства и в наибольшей степени у «белых воротничков». Благосостояние росло медленно, а ощущение неустроенности – быстро, оставляя все меньше возможностей для мирного урегулирования отношений работодателей и работников, общества и государства. С 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных – на 75% (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг. и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение

²² Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 564.

учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2 100 руб., то есть было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей.

Институциональная концепция революции. В. Мау и И. Стародубровская предложили и обосновали институциональную концепцию революции. Выдвигая на первое место экономические процессы, она учитывает также политические, социальные и культурно-психологические факторы.

Революционная ситуация складывается постепенно. Как ни парадоксально, ей, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. **Мау и Стародубровская** также подчеркивают, что «революции не характерны для стабильного общества, в котором отсутствуют динамичные изменения. Они неразрывно связаны с феноменом экономического роста. Причем предпосылки революций могут сформироваться не в любой момент, а лишь на особых переломных этапах», названных ими «кризисами экономического роста». Интересно отметить, что согласно концепции Н. Кондратьева, наибольшее число социальных потрясений приходится именно на периоды повышательной волны каждого большого цикла.

Таким образом, именно быстрый экономический рост является важнейшей предпосылкой революции, и подобная зависимость «характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции в период ранней модернизации». Зависимость между экономическим ростом и социальной нестабильностью в обществе обуславливается двумя причинами.

Во-первых, динамичное экономическое развитие подрывает основы традиционной социальной структуры, ведет к масштабному перераспределению богатства и возникновению новых экономически значимых социальных сил. Во-вторых, экономический прогресс и вызываемая им фрагментация общества приводят к резкому ослаблению государственной власти в стране. Но социальная фрагментация общества и ослабление государства делают революцию возможной, но не обязательной. Например, Ч. Тилли только в Европе насчитал 707 революционных ситуаций за 500 лет (1492–1991), при этом настоящие социально-политические революции произошли лишь несколько раз, хотя имелось немало примеров, когда правительство было свергнуто или временно лишено власти. Требуются дополнительные (факторы, превращающие революции в реальность. Это могут быть: (1) крупное военное поражение или неудачная кровопролитная война; (2) суровый экономический кризис (ибо экономический рост имеет циклическую природу и никогда не проходит гладко); (3) сочетание того и другого.

По мнению **Мау и Стародубровской**, Русская революция 1917 г. по своим основным характеристикам не имеет принципиальных отличий от более ранних европейских. Вследствие большого значения экономического фактора в ее происхождении, революция является экономико-политическим, а не чисто политическим процессом. Бесперспективно искать один универсальный фактор, объясняющий предреволюционный кризис, – будь то экономический или политический. Во время революционных ситуаций общество сталкивается с целым комплексом проблем, требующих кардинальных изменений в механизмах его функционирования. «Причины, ход и результаты революции 1917 года можно объяснить одновременным резким обострением трех групп противоречий. Во-первых, это противоречия, типичные для периода ранней индустриализации, они отражают сложности преобразований в огромной крестьянской стране и диктуют необходимость того или иного, но доста-

точно радикального, решения аграрного вопроса. Во-вторых, это противоречия догоняющей индустриализации в отсталой стране. Они требуют мобилизации финансовых ресурсов, активного перераспределения ресурсов из традиционных отраслей хозяйства в новые промышленные сектора экономики. Наконец, в-третьих, это противоречия, связанные с тем, что кризис ранней модернизации в России наложился на формирование предпосылок кризиса зрелого индустриального общества. И этот фактор в стране, достаточно далеко продвинувшейся по пути индустриализации, не мог не сказаться на формах предреволюционного кризиса».

Революции в ракурсе модернизационной парадигмы. Как известно, теория модернизации предназначена для объяснения трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное. Согласно теории, модернизация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главные признаки модерна – индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Именно они фиксируются в России в имперский период. Социально-экономический и политический строй, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. и реформы 1905 г. (в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, развивавшиеся гражданское общество и правовое государство), обеспечивал хорошие возможности для всестороннего прогресса России. Для полного успеха нужны были только время и мир. Это сознавали не только такие видные российские государственные деятели, как, например, С. Витте и П. Столыпин.

Улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности. Поскольку в период империи благосостояние народа росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки. Возникает неизбежный вопрос: как неоспоримые успехи страны совместить с увеличением в эти годы недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности, с широким развитием рабочего, крестьянского и всякого рода протестных движений, в конечном итоге приведших к революции 1917 г.?

Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено немало подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и целых социальных групп, не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. Периоды активной деятельности по совершенствованию социальных структур и институтов сменяются периодами усталости или самоуспокоенности, сопровождаемыми лишь слабыми попытками обновления. «Осовременивание» различных сфер общественного организма может осуществляться далеко не синхронно, порой за счет других, что должно приводить к противоречиям, напряженностям, несоответствиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. Модернизация ведет к обострению национального вопроса в многонациональных государствах. Все это имеет одно неизбежное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем, как ни парадоксально, существует прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью: чем успешнее модернизация, тем, как правило, выше конфликтность.

Ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 гг. намного убедительнее.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное, проведение потребовало больших издержек и даже жертв, например со стороны помещиков, у которых государство принудительно экспроприировало землю, хотя и за компенсацию. Это привело к лишениям и испытаниям для отдельных групп россиян и не принесло равномерного благополучия сразу и всем. Велики оказались и побочные негативные последствия модернизации – увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях – от самоубийства до социального и политического протеста. Необыкновенный рост всякого рода протестных движений порождался, с одной стороны, дезориентацией, дезорганизацией и социальной напряженностью в обществе, с другой – полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью, с третьей – несоответствием между потребностями людей и объективными возможностями экономики и общества их удовлетворить.

Конфликт традиции и современности можно назвать системным кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, – как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспособляться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. «Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, – это признак здоровья». Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца. Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только ее возможность. Но именно она стала реальностью в силу особых обстоятельств – военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Взято из: Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–114.

Классификация подходов и концепций всегда субъективна, так как зависит от критерия, положенного в ее основу, а критерий – от методологических пристрастий автора. Но при всей своей условности она помогает систематизировать точки зрения и тем самым облегчает анализ ис-

ториографии. В советское время классификация основывалась на классовом подходе – марксистская, буржуазная, мелкобуржуазная или большевистская, эсеровская, меньшевистская, кадетская. В современной социологии революции, по мнению **В.Б. Шепелевой**, принято выделять (в зависимости от того или иного видения причин, целей, обязательных параметров революции) четыре направления: абстрактно-натуралистическое, политико-правовое, социально-структурное и социально-психологическое. Известный современный польский социолог **П. Штомка** сводит теории революции в четыре группы: бихевиористские, психосоциальные, структурные, политические. Историки предлагают свои классификации. Американский ученый **Дж. Биллингтон** насчитал шесть точек зрения на Российскую революцию. Другой американец **М. Маля** сводит различные интерпретации русской революции в три модели – либеральную (основные представители П.Н. Милюков, Х. Ситон-Уатсон, Л. Шапиро и М. Флоринский), консервативную, или циклическую (основные представители К. Бринтон и Н. Тимашев) и марксистскую. Английский историк **П. Дьюксон** выявил девять аналитических подходов²³.

В историографии, как подчеркивает **Б.Н. Миронов**, существует два взгляда на **революционные события 1917 года**. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. **Версия единой революции высказана давно**. Ее разделяли многие представители кадетов и социалистических партий. Например, редактор кадетской газеты «Речь» И.В. Гессен утверждал: Февраль – чреват Октябрем, «ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником». Ее придерживались большинство большевистских теоретиков до 1924 г., ибо концепция перманентной революции, разработанная **Л.Д. Троцким**, и концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (два звена одной цепи), предложенная **В.И. Лениным**, при известных отличиях между ними, оценивали февральские и октябрьские события 1917 г. как единый процесс. Концепция двух революций восходит к дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л.Д. Троцкого, но окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при советской власти.

Именование октябрьского переворота **Великой Октябрьской социалистической революцией** имело пропагандистский эффект и политический смысл – подчеркнуть величие ее творцов, уникальность и всемирно-историческое значение самого события. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя

²³ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 565.

этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось временным, и парламент – предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным – большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции²⁴.

По **В.М. Хачатуряну**, революция – это радикальное, относительно быстрое (в рамках исторического времени), насильственное изменение политической и социальной структур, а также основных систем ценностей, которые сложились в обществе. Революциям близки бунты и восстания, дворцовые перевороты. Но только революции приводят к глобальной ломке старых устоев²⁵. Революции не слишком часто происходят в истории (здесь не идет речь о «революционных сдвигах», как, например переход от античности к средневековью). На протяжении многих тысячелетий, вплоть до Нового времени, их не переживала ни одна цивилизация. И есть страны, которые до сегодняшнего дня не испытали революционных потрясений.

А.Н. Медушевский отмечает, что при объяснении причин и логики развития революционных кризисов, в современной социологии революции используется концепция, известная как «закон Токвиля». Его суть состоит в следующем: революции происходят тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания продолжают расти. Продолжающийся рост завышенных ожиданий в условиях относительного спада (или стагнации) перестает, следовательно, соответствовать реальной ситуации в экономике и политике. Следствием становится рост недовольства (фрустрация), а основным способом ее преодоления – со-

²⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 565–566.

²⁵ См.: Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древних времен до начала XX века: пособие. М., 1998. С. 293.

циальная агрессия. Данная логика приводит к свержению Старого порядка и последовательному делегированию власти от умеренных к радикалам. Раз начавшись, революция не может остановиться на середине и завершается лишь с исчерпанием своего деструктивного потенциала. В результате на смену революции приходит Реставрация – частичное восстановление старого режима в новых формах. Концепция Токвиля оказалась определяющей для переосмысления Французской революции в современной историографии. Данная парадигма обсуждается в современной литературе как в отношении классических, так и новейших революций в арабских и постсоветских странах. Общий итог этих размышлений заключается в том, что революции есть срыв устойчивого и поступательного развития в результате спонтанной реакции неподготовленного общества на трудности ускоренной модернизации. Цели революции, следовательно, не отличаются от целей радикальных социальных реформ и могут быть достигнуты без спонтанного социального разрушения. Представляет актуальность вопрос, насколько эта концепция актуальна при интерпретации русской революции. В центре внимания при таком подходе оказываются параметры когнитивной истории: формирование картины мира революционной эпохи; психологические установки общественного сознания и механизмы управления им; поляризация общественного мнения и партийных установок при выяснении отношений сущего и должного²⁶.

²⁶ См.: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 36–37.

ГЛАВА 4. РЕВОЛЮЦИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Почему революции появились именно в **Новое время**? Историки считают, что **революция** – это один из путей модернизации традиционного общества. Как правило, они не происходят в полностью традиционных обществах и вряд ли могут произойти в обществах, достигших высокого уровня модернизации. Революциям подвержены общества на переходном этапе от традиционности к модернизации. Сначала ареал распространения революций был сравнительно небольшим: в конце XVI–XVIII вв. он охватил лишь несколько стран Западной Европы (Голландия 1566–1609 гг., Англия 1640–1660 гг., Франция 1789–1794 гг.) и североамериканские колонии (1775–1783). В XIX в. географические рамки процесса модернизации стали расширяться, и одновременно участились революции. В XX в. они охватили не только Запад, но и Восток.

Хорошо известно, отмечает далее **В.М. Хачатурян**, что революции возникают в ситуации, когда социально-экономическое развитие вступает в противоречие с более косной политической структурой, сдерживающей его. Но само по себе это противоречие еще не порождает революций. Для них нужна обстановка тяжелого кризиса, который создает революционную ситуацию. Обычно такие кризисы стимулируются поражениями в войнах, неудачной политикой правительства, которая провоцирует недовольство самых широких слоев общества¹. Так, Англия накануне революции испытала жестокий финансовый кризис. В стране шли массовые гонения на пуритан – английских кальвинистов, которые хотели полностью очистить церковь от влияния католичества. Большую роль в обострении кризиса сыграли и действия английских королей – Якова I и Карла I, которые привели к разрыву с парламентом.

В Америке ситуацию предельно накалили те меры, которыми британское правительство хотело пресечь в колониях тенденцию к автономности. В те времена поток переселенцев стремился на Запад, захватывая неосвоенные земли. Но путь к ним преграждали королевские указы.

¹ См.: Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древних времен до начала XX века: пособие. М., 1998. С. 293.

Колонии еще не располагали значительными материальными средствами, а метрополия вводила новые налоги и повышала таможенные сборы. Английские власти старались притормозить развитие местного производства, продавали привозные товары по завышенным ценам. Наконец, ограничивалась самостоятельность законодательных собраний, которые отстаивали интересы колонистов. Бедственное положение сложилось перед 1789 г. во Франции. В торговле и промышленности наступил застой, казна пустовала из-за чрезмерных трат двора. К тому же 1789 год оказался неурожайным, и в стране начался голод.

Но, помимо кризисов, для возникновения революций необходимо еще одно условие. **Сознание людей** должно быть в достаточной степени модернизированным, чтобы они поверили в возможность и желательность изменения государственного строя. А это происходит, только если разрушаются традиционные представления о незыблемости политического порядка и о Божественном происхождении власти.

В Англии роль идейных вдохновителей революция сыграли пуритане – английские кальвинисты. Из их среды выходили яркие публицисты, которые отстаивали право народа восстать против тирана. Вожди английской революции говорили о том, что их ждут великие дела и они будут «создавать новые небеса и новую землю». Образ рая, взятый из Откровения Иоанна Богослова, стал символом революционного переустройства общества².

И в каждой последующей революции обязательно возникали идеи пересоздания несовершенного общества. Религиозная терминология со временем сходила на нет; но идеал справедливости оставался неизменно. Американская **Декларация независимости (1776)** – первая в мире декларация прав человека – была вдохновлена философией просветителей.

С этими словами перекликается текст французской **Декларации прав человека и гражданина (1789)**, пронизанной идеями «свободы, равенства и братства»: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», цель общества состоит в том, чтобы обеспечить «общее благосостояние». Идеи справедливого социального устройства играют огромную роль в революциях. Один из современных историков заметил по этому поводу, что революции на первых порах дают очень мало свободы (ведь практически каждая из них порождает диктатуру), но формируют духовное единство людей, борющихся за то, чтобы социальная гармония стала реальностью.

Революции начинаются со стихийных массовых выступлений, в результате которых создается вакуум власти. Обязательно наступал момент, когда королевская власть теряла в глазах общества свою законность и авторитет, и тогда управление переходило к представительным органам: Генеральным штатам в Голландии, Долгому парламенту в Англии, Национальному собранию во Франции, Континентальному конгрессу в Америке.

² См.: Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древних времен до начала XX века: пособие. М., 1998. С. 294–295.

Вопрос о том, когда заканчивается та или иная революция, является в ряде случаев спорным. Разрушение старых государственных структур может произойти достаточно быстро, но такие яркие эпизоды, как, скажем, взятие Бастилии, – это лишь первый этап революций. После него идет долгий (иногда охватывающий несколько десятилетий) процесс корректировки основ нового общества – и политических, и социально-экономических.

На этом этапе единство участников революции распадается и начинается ожесточенная борьба различных группировок за власть. Ведь цель буржуазных революций была не только в том, чтобы сломать устои феодального общества, но и утвердить власть на более демократических основах. Для стран, переживающих революцию, это тяжелый период гражданских войн, смены разных форм правления. Радикальные течения борются с умеренными и консервативными, и от исхода этой борьбы зависит характер преобразований, которые осуществляются революцией³.

В **Английской революции** наиболее радикальными были движения левеллеров, которые требовали полного равенства в политических правах, и диггеров, выступающих за решение аграрного вопроса в пользу крестьян, имущественное равенство и даже отмену частной собственности. Эти движения не добились власти, хотя некоторые требования левеллеров были приняты новым правительством. Гораздо сильнее оказался другой лагерь, объединявший крупную и среднюю буржуазию и дворян-джентри.

Во **Франции** радикалы – якобинцы сумели захватить власть у весьма умеренного Учредительной собрания. Главной своей целью якобинцы провозгласили построение «царства добродетели и справедливости». Была принята самая демократичная конституция среди всех, появившихся во время революций. Однако на деле якобинская республика представляла собой режим диктатуры, и большинство демократических свобод не проводилось в жизнь. Ведя борьбу с контрреволюцией, радикалы одновременно в принудительном порядке создавали общество равенства. Для этого применялись террор и репрессии, конфискация имущества «врагов революции» и принудительные займы у богатых, смертная казнь за спекуляцию продовольствием, вводились твердые цены на товары и максимум заработной платы.

Такой режим оказался недолговечным: насильственная уравнительность противоречила основам буржуазного общества, которому революция расчистила путь. Однако французские радикалы наиболее последовательно и решительно устранили все препятствия на этом пути, нанеся самый решительный удар по феодализму. Пришедший на смену якобинцам Конвент отменил многие постановления прежней власти, вернув

³ См.: Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древних времен до начала XX века: пособие. М., 1998. С. 296.

свободу предпринимательства, а вместе с ней и имущественное неравенство. При этом снова использовались методы террора и репрессий⁴.

Можно выделить **несколько причин** различного сочетания социальных и финансовых задач в Английской и Французской революциях.

Во-первых, в целом размах движения «снизу» во Французской революции был намного сильнее, чем в Английской. До сих пор в науке еще нет адекватного объяснения этому факту. Среди причин, которые приводят специалисты, можно упомянуть большую роль в Англии местных властей, весьма ограниченно затронутых кризисом по сравнению с властями общегосударственными; большее расслоение крестьянства, часть которого существенно улучшила свое положение благодаря покупке монастырских земель в XVI веке; а также специфическую ситуацию гражданской войны, когда недовольное население было сразу поставлено в ситуацию выбора между королем и парламентом. Объективно давление на радикалов и необходимые масштабы их уступок для получения социальной поддержки в Англии были несравненно меньше, чем во Франции.

Во-вторых, если на радикальном этапе Франция была вынуждена обороняться от внешних и внутренних врагов, для чего социальное единство было критически важным, то Англия в этот период сама проводила внешние завоевания. Удовлетворение социальных требований армии – наиболее активной силы, поддержка которой была принципиальна для радикалов, – в значительной степени осуществлялось за счет ирландских земель. Поэтому внутри страны было возможно уделять больше внимания получению финансовых результатов реализации имущества врагов революции.

В-третьих, принципиальная разница состоит в том, что во времена Долгого парламента и Кромвеля эмиссионное финансирование еще не существовало, а якобинцы имели в своих руках ассигнаты. Эти привязанные к стоимости земель государственные ценные бумаги были введены еще при правительстве умеренных. Однако при якобинцах ассигнаты полностью взяли на себя функцию денег. Именно использование бумажных денег и возможностей инфляционного финансирования дало революционным правительствам Франции, и в первую очередь якобинцам, значительную свободу маневра, какой не знали ни Долгий парламент, ни правительство Кромвеля. «Ассигнаты сделали революцию; они привели к уничтожению сословий и привилегий, они опрокинули трон и создали республику; они вооружили и снабдили эти грозные колонны, которые понесли трехцветное знамя за Альпы и Пиренеи; мы обязаны им нашей свободой». Развязав себе руки в сфере финансирования, якобинцы могли в большей мере использовать конфискованное имущество для решения социальных задач⁵.

⁴ См.: Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древних времен до начала XX века: пособие. М., 1998. С. 297.

⁵ См.: Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 143.

Во **Франции** с самого начала революции столкнулись два принципиально разных подхода к реформе земельной собственности: фискальный и социальный. Сторонники первого считали необходимым ради скорейшего преодоления финансового кризиса распродавать национальное имущество с максимальной выгодой для страны, для чего предлагали ограничить возможности дробления продаваемых наделов и сократить сроки внесения полной суммы платежа. Сторонники другого подхода исходили из необходимости предоставить благоприятные условия для приобретения земли крестьянству, в том числе беднейшему, что предполагало значительное увеличение сроков окончательного расчета, а также изменение организационных условий проведения торгов. Постоянные колебания умеренных в этом вопросе стали одной из причин потери ими социальной поддержки среди крестьян.

Якобинцы упростили доступ к земельным ресурсам, усилили социальную направленность земельной реформы (часть наделов резервировалась для раздачи бедноте) и одновременно значительно увеличили количество перераспределяемых угодий за счет секвестра и последующей продажи имущества церкви, короля, контрреволюционеров и так называемых «подозрительных». Эти меры привлекали на сторону радикалов новых сторонников и расширяли ряды тех, кто готов был защищать революцию с оружием в руках, чтобы не допустить возвращения прежних хозяев. Однако, естественно, финансовые интересы правительства в результате пострадали⁶.

Европейские революции шли от республиканского правления к военной диктатуре (протекторат Кромвеля к 1653–1658 гг., консульство Наполеона 1799–1804 гг., которое завершилось тем, что Наполеон провозгласил себя императором), а от военной диктатуры – к реставрации монархии. В Англии реставрация произошла в 1660 г., во Франции – в 1814–1815 гг. Вслед за периодом глобальной ломки всех устоев общества происходило постепенное возвращение к эволюционному пути развития, в том числе восстановление прежних форм государственности, хотя и в ином качестве. Королевская власть в Англии утратила свое былое могущество, а попытки преемников казненного Карла I вернуть его закончились Славной революцией 1688 г. – мирным переворотом, в результате которого на трон был посажен «послушный» принц Вильгельм Оранский, вызванный парламентом из Голландии.

Ограничимся двумя историческими эпохами в наших примерах – **эпохой Нового времени** и не менее богатой на революции и войны – **эпохой Новейшей и современной истории**.

Первая буржуазная революция произошла в Нидерландах в 1566–1579 гг.⁷. Она продолжалась 13 лет и делится на 4 этапа, а не на

⁶ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 142.

⁷ См.: Всемирная история. Т. IV. М., 1958. С. 278–296; История Европы. М., 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 364–382; Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958.

4 революции. Исследователи называют и более широкие хронологические рамки Нидерландской буржуазной революции – с 1556 по 1609 г. Идеологическим знаменем революции стал **кальвинизм**. Она протекала в форме освободительной войны против Испании, что отчасти затушевывало остроту социальных конфликтов. Внешнеполитический фактор в ней сыграл весьма высокую роль. Поэтому нидерландская буржуазия (особенно крупное купечество) поддерживала союз не с крестьянством и городским плебсом, а с феодальным по своей природе дворянством, патрициатом. А такой союз был сопряжен с гораздо большими уступками феодальным и сословно-корпоративным элементам, чем в Англии XVII в. Республика Соединенных провинций задержалась на первой фазе мануфактурного развития, отстала и уступила со второй половины XVII в. первенство Англии, уверенно шедшей вперед по пути прогрессивного развития.

Нидерландская революция XVI века – это религиозно-идеологический, политический и социально-экономический конфликт в Нидерландах, принявший форму национально-освободительной борьбы против испанского господства; завершилась отделением территории Северных Нидерландов и образованием там нового государства – **Республики Соединенных провинций Нидерландов**⁸.

В результате **Нидерландской революции**, представлявшей собой первый удачный опыт создания национального государства, на карте Европы появилась федеративная по своему устройству Республика Соединённых провинций. Уже в конце XVI века в ней произошли качественные изменения: утвердился кальвинизм с его оправданием стремления к обогащению и сильной формы индивидуализма в сочетании с личной ответственностью; были созданы все условия для быстрого развития капиталистических форм производства и обмена; началось складывание самостоятельной нидерландской культуры на основе формировавшейся общности языка.

По причине крайне сложной и противоречивой в тот период расстановки социально-политических сил в Нидерландах в историографии достаточно часто на первый план выдвигается внешняя форма Нидерландской революции – военные действия в ходе национально-освободительной войны. В современной нидерландской исторической науке события Нидерландской революции часто называют «Нидерландским восстанием» или «восстанием», а ранее, как правило, они именовались «Восьмидесятилетней войной» (1568–1648). Эта война рассматривается как восстание нидерландских областей против испанского абсолютизма, переросшее в войну за независимость семи северных провинций, в ходе которой произошел раскол Нидерландов и сформировалась Республика Соединенных провинций. Период 1555–1567 годов выделяют как начальный этап борьбы против Испании. Марксистская историография трактует события 1566–1609 годов в Нидерландах как буржуазную революцию, идеологической доктриной которой был кальвинизм; период 1609–1648 годов рассматривает как

⁸ См.: Нидерландская революция 16 в. // БРЭ: в 35 т. Т. 22. С. 607, 610–611.

освободительную войну. Особенности Нидерландской революции выводятся из того, что она происходила в мануфактурный период развития капитализма, когда ни объективные, ни субъективные факторы не достигли еще должной степени зрелости, а феодальные формы производства отношений еще не полностью изжили себя. Современная российская историческая наука, учитывая глубину и остроту вспыхнувшего в Нидерландах религиозно-политического и социального конфликта, склонна рассматривать происшедшие там радикальные перемены так же, как революцию.

Английская буржуазная революция XVII в., которая длилась 18 лет (1642–1660), также делится на этапы или войны. Английская революция середины XVII в. представляла победу нового строя, победу буржуазной собственности над феодальной. Она была первой буржуазной революцией общеевропейского значения⁹. **Английская революция XVII века** – это религиозно-политический и социальный конфликт, принявший форму гражданской войны и повлекший радикальные перемены в общественных, отношениях и способах правления в Англии.

Английская революция была обусловлена целым комплексом социально-экономических, религиозно-идеологических и политических предпосылок. В экономической истории Англии наиболее рельефно проявились общеисторические закономерности перехода европейского средневекового общества к буржуазному строю. Но сохранялась и определенная специфика: ломка традиционного способа производства, ввиду исторически сложившейся ориентации Англии на европейский рынок шерсти, началась раньше в сельском хозяйстве, чем в городской промышленности, предопределив более интенсивное развитие рассеянной мануфактуры именно в деревне. Это придало особую остроту аграрному вопросу и, прежде всего, проблеме копигольда. От того, могли ли быть превращены крестьянские держания на земле лорда в свободную собственность на основе общего права, зависела судьба крестьянства. В борьбу за землю между крестьянством и новым дворянством (*джентри*) на стороне последнего вмешалась буржуазия, т.к. земля в то время все еще была объектом самого прибыльного вложения капитала и во многом основой социального престижа. Но сеньориальное право владения землей не позволяло ей свободно переходить из рук в руки, что не устраивало ни буржуазию, ни джентри.

Одна из особенностей Английской революции проявилась в том, что идеология *Реформации*, принявшая в Англии форму **пуританизма**, играла здесь революционно-мобилизирующую роль. Это вероучение укоренилось при *Елизавете I Тюдор* – поборнице англиканской церкви, вос-

⁹ См.: Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского, Я.А. Левицкого. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 495 с.; Т 2. 384 с.; Браг М.А., Черняк Е.Б. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.) // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 56–77; Всемирная история. Т. V. М., 1958. С. 48–59; История Европы. М., 1994. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII вв.). С. 11–41.

принявшей часть догматики кальвинизма, но оставившей нетронутыми те стороны культа, которые были несовместимы с обрядовой системой пуританизма. Еще большее практическое значение имела организация расхождения пуритан с Англиканской епископальной церковью, ставшей инструментом королевского абсолютизма. Вместо назначаемых короной епископов и клириков часть пуритан (*пресвитериане*) выбирала проповедников общинами верующих, управляемыми пресвитерами. Принцип выборности был для этой части пуритан средством подчинить церковь интересам антиабсолютистской оппозиции¹⁰.

Окрепшая в елизаветинские времена буржуазия и джентри, а частично и лорды отдавали себе отчет в том, что отсутствие у них полных прав собственности на землю, а также фискальные злоупотребления власти прямо связаны с ослаблением роли представительных органов и усилением абсолютистских тенденций в стране. **Яков I Стюарт** (1603–1623) рассматривал парламент в качестве вспомогательного учреждения при короле тогда, как оппозиция, отрицая божественное право короля как в церковных, так и в светских делах, видела в парламенте (во главе с королем) верховный орган государства. Итогом противоречий между королем и парламентом, обострившихся из-за попыток двора самовольно устанавливать налоги и проведения излишки сближения с Испанией, стал неоднократный роспуск парламента.

Новый монарх объединил три королевства: Шотландию, Ирландию и Англию, которые представляли собой весьма разрозненные в экономическом, социальном, конфессиональном и культурной плане территории. Волею судеб в ходе всеевропейского события, а именно «великого мятежа», как именовали это событие его современники, Английской революции 1640–1660 гг., они оказались тесно связанными друг с другом.

С точки зрения социально-экономического развития Ирландия и Шотландия были более отсталыми, нежели Англия. Это были в основном аграрные территории, где важную роль играла клановая феодальная знать. Английская корона довольно успешно осуществляла переселенческую политику, стараясь подавить влияние автохтонной кельтской знати и насадить в подчиненных землях протестантизм англиканского образца. Конфессиональная рознь оставалась значимой на всем протяжении XVII в.: шотландцы исповедовали кроме католической веры кальвинизм, ирландцы же пытались отстоять римско-католическую церковь.

Яков I был усердным поборником епископальной церкви, преследовал как пуритан, так и католиков. В религиозных дискуссиях он отстаивал формулу «без епископа нет короля», тем самым дал понять пуританам, что не готов к радикальным реформам. Отличаясь большим стремлением к неограниченной власти и роскоши королевского двора, он с самого начала настроил против себя английский парламент. Важную роль помимо Тайного совета и Звездной палаты играли фавориты: Роберт Карр,

¹⁰ См.: Английская революция 17 в. // БРЭ: в 35 т. Т. 1. С. 684–685.

граф Сомерсет и Джордж Вильерс, герцог Бекингем. Последний начал карьеру с должности камергера королевской спальни, но довольно скоро превратился в одного из могущественных государственных деятелей, влиявшего на корону и раздававшего должности. Бекингем после восшествия **Карла I Стюарта** (1625–1649) на трон сохранил свое особое положение. Его активно поддерживал архиепископ Кентерберийский Уильям Лод, один из ближайших советников Карла I. Общая черта, объединяющая двух первых Стюартов на английском троне, – это нарушение политических прав, гарантированных Великой хартией вольности, и усиление абсолютистской власти, т.е. попытка управлять страной, не опираясь на сословно-представительный орган – парламент. Если при Якове I парламент не собирался с 1611 по 1614 г., то при Карле I – с 1629 по 1640 г. В подобных условиях был неизбежен конфликт между короной и парламентом, в котором в составе нижней палаты формируется устойчивая оппозиция внутренней и внешней политике Стюартов¹¹.

Помимо очевидных причин революции середины XVII в., связанных с нарушением политического баланса между короной и парламентом, выделялись и непростые **конфессиональные проблемы**. Благодаря английскому варианту «Реформации сверху» национальная англиканская церковь по сути своей стала кальвинистской. Новая церковь сохранила институт епископата и некоторые ритуалы. В Англии эпохи Елизаветы Тюдор и при первых Стюартах весь высший епископат назначался короной, поскольку монарх согласно «Акту о верховенстве» считался главой английской национальной церкви. Помимо англиканской церкви в стране формируются более радикальные протестантские общины, в том числе пуритане, которые называли себя «благочестивыми». Знаменем борьбы за расширение прав парламента стала идеология пуританизма, поэтому следующие события некоторые британские историки часто определяют «пуританской революцией». Англичане не поддержали многое в конфессиональной политике, в том числе назначение на должность архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода (1573–1645), который стал насаждать порядки, идущие вразрез с пуританскими (например, в англиканских храмах снова появились витражи и распятия).

Можно выделить несколько **этапов** в развитии революционных событий в Англии¹²:

- 1) преддверие революции – шотландское восстание 1637–1640 гг. и созыв после длительного перерыва в 1640 г. так называемую Короткого парламента, почти сразу же распущенного Карлом I;
- 2) начало революции – созыв Долгого парламента в ноябре 1640 г., просуществовавшего почти 20 лет, и ирландское восстание 1641 г.;

¹¹ См.: Всемирная история: в 10 т. М., 1958. Т. 4. С. 31–42; Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского, Я.А. Левицкого. М., 1954. Т. 1. С. 80–106; Кареев Н.И. Две английские революции XVII века. Петроград, 1924. С. 13–88.

¹² См.: Всемирная история: в 2 ч.: учебник / под ред. Г.Н. Питулько. М., 2017. Ч. 2. История Нового и Новейшего времени. С. 20–22.

3) первая гражданская война (1642–1646), характеризовавшаяся резким размежеванием общества на сторонников короля – роялистов («кавалеров») и сторонников Долгого парламента («круглоголовых»);

4) вторая гражданская война (1647–1648), во время которой «армия нового образца» Оливера Кромвеля разбила силы роялистов и нанесла удар вторгшимся в Англию шотландцам;

5) первая Английская республика (1649–1652), когда была ликвидирована монархия, упразднена палата лордов и установлены республиканские порядки;

6) протекторат Оливера Кромвеля (1653–1658), особая форма правления, по сути близкая к диктатуре, нарушавшей многие демократические республиканские принципы;

7) вторая Английская республика (1658–1660), не сумевшая преодолеть разногласия среди парламентариев и военных, и закончившаяся реставрацией монархии Стюартов.

В период, предшествующий началу революционных событий, в Англии происходили важные и необратимые события во внутренней и внешнеполитической жизни страны. Те тенденции, которые наметились в период правления первого Стюарта на английском троне, подготовили **предреволюционную ситуацию**, в том числе: недалёковидная внешняя политика, разорявшая страну; непомерная роскошь и расточительность королевского двора; фаворитизм и продажа титулов, а также монопольных патентов; игнорирование интересов нового дворянства – джентри и растущей торговой буржуазии; наконец, пренебрежение традициями парламентаризма и национальными интересами страны.

Свои претензии к Карлу I английский парламент выразил в знаменитой «Петиции о праве» (Билль о правах) в 1628 г. Поначалу король подписал этот документ, поскольку ему срочно нужны были вотируемые парламентом денежные средства. Но уже через год в политическом поведении второго Стюарта на английском троне наблюдаются узурпаторские тенденции – он распускает парламент и правит без его созыва в течение 11 лет, тем самым нарушая и Великую хартию вольности, и Петицию о праве.

Далее начинается драматическая война с Шотландией, входившей в состав королевства на началах личной унии (политическая уния будет подписана только в 1707 г.). Шотландцы были чрезвычайно недовольны попытками Карла I насильственно распространить здесь англиканство и фактически начинают первыми в 1637 г. войну против Англии. Они вторгаются в северные графства, и обстановка накаляется. Для того чтобы оказать сопротивление восставшим и поддержать армию, король был вынужден вновь созвать парламент в апреле 1640 г. **Карл I Стюарт** обращается к парламентариям с предложением разрешить сбор дополнительных средств для подавления шотландского мятежа. Тем не менее парламент не одобряет действия короля, пытается критиковать растущие аппетиты короны. Спустя всего три недели, не получив одобрения от Палаты общин (коммонеров), Карл распускает парламент. За столь не-

продолжительный срок деятельности он известен в британской истории как Короткий парламент.

Следующие события, с которых, собственно, начинается революция, связаны с новым, **Долгим парламентом**, собравшимся в Лондоне 3 ноября 1640 г. и проработавшем фактически 12 лет.

Общими итогами революции стала радикализация общества и провозглашение нового для Европы республиканского строя. Благодаря революционному порядку произошли коренные преобразования в социально-экономической сфере. Также претерпела изменения и религиозная жизнь – увеличилось число и влияние различных религиозных объединений и сект, в том числе, к примеру, квакеров. Благодаря революционным событиям намного выросла вынужденная иммиграция жителей Англии, Ирландии и Шотландии в Северную Америку, куда в английские колонии иногда насильственно, иногда добровольно отправлялись как пуритане, так и католики, а квакеры сформировали большую часть населения Пенсильвании.

С правлением **Карла II Стюарта** (1660–1685) связан первый после-революционный период – период Реставрации, который характеризовался неустойчивый балансом политических сил. Сначала король попытался усилить свое положение, опираясь на так называемый «кавалерский парламент», собравшийся в 1661 г. и проработавший до 1679 г. Все усилия Карла добиться поддержки парламента в вопросах веротерпимости и выдачи очередных денежных субсидий заканчивались требованиями членов обеих палат усилить положение англикан. Самым значительным достижением парламентариев стало принятие программного документа – **Habeas Corpus Act** – «Акта о лучшем обеспечении свободы подданного». Этот акт стал важной составной частью английской «неписаной конституции». Постепенно формируется кабинет министров, выросший из возникшего еще при Тюдорах Тайного совета. Министры в этот период всецело зависели от монарха, являясь «слугами короля». Также в этот период окончательно оформляются **две политические партии** – партия тори и партия вигов. Социальной основой для роялистской партии было провинциальное дворянство, которое выступало за стабильную власть и монархию. Тори были не только лояльны монарху, но и терпимы к католикам. Партия вигов опиралась на жителей Лондона и буржуазию крупных городов королевства, выступая с помощью парламентского большинства конца 1670-х – начала 1680-х гг. за защиту интересов народа. Их политическое значение в полной мере проявилось несколько позднее, в XVIII в. Виги противодействовали стремлению короля расширить свою власть, боролись с вновь усилившимся при дворе католическим влиянием.

После кончины Карла II на престоле оказался его брат – **Яков II** (1685–1688), успевший за три года своего правления восстановить положение католического меньшинства и даже крестивший сына-наследника по католическим канонам. Подобные действия вызвали широкое недовольство английского общества. Непопулярная внутренняя и внешняя политика последнего из Стюартов короля-католика Якова II за-

ставила в 1688 г. лидеров двух группировок выступить совместно и пригласить на престол правителя Голландии **Вильгельма Оранского**, женатого на дочери Якова II Марии. Этот сравнительно бескровный переворот вошел в английскую историю как «**Славная революция**», которая не только сменила династию, но и привела к новым переменам в политическом строе Англии.

Новая Оранская династия была не наследственной, и ей трудно было оспаривать права парламента, от которого она получила власть. Условия соглашения с новым монархом были изложены в Билле о правах в 1689 г. Король Яков II объявлялся отрекшимся от правления, а Вильгельм и Мария – законными английскими монархами. Центральное место в Билле о правах отводилось изложению прав парламента и подданных английской короны. Он не столько провозглашал новые права, сколько фиксировал и расширяя те, которые уже сложились и которые обязывался соблюдать Вильгельм Оранский. Объявлялись незаконными не получившие санкции палат такие королевские повеления законодательного свойства, как взимание налогов и содержание армии в мирное время. В Билле говорилось о необходимости созывать парламент на регулярной основе, а также об обеспечении здесь свободы прений. Трехгодичный акт (1694) требовал созывать парламент не реже одного раза в три года. В 1716 г. этот срок был увеличен до семи лет¹³.

Английская революция была грандиозным общественным переворотом, оказавшим воздействие на дальнейшую историю Англии и получившим международный резонанс. Содержание сложно переплетавшихся событий состояло прежде всего в борьбе против абсолютной власти короля, нарушившего традиции взаимоотношений короны и парламента: Карл I встал над парламентом, над законами. Однако монарх столкнулся с противостоянием парламента, в котором преобладали депутаты, представлявшие новое дворянство и буржуазию, не желавшие мириться с принижением роли парламента. Парламент в своем конфликте с королем опирался на активность населения.

Противодействие парламента и масс абсолютистской власти короля вылилось в открытое неприятие сохранившихся атрибутов старого, средневекового порядка. В результате революция создала условия для постепенного решения назревших исторических потребностей. Это была буржуазная, социально-политическая революция. Сами англичане называют ее «**пуританской революцией**».

Главной силой революционного лагеря во всех событиях на протяжении 20 лет были спаянные общностью интересов новое, обуржуазившееся дворянство и буржуазия. Этот союз – основная особенность революции. Религиозно-политические группировки пресвитериан и индепенден-

¹³ См.: Всемирная история: в 10 т. М., 1958. Т. 5. С. 70–81; Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е.А. Косминского, Я.А. Левицкого. Т. 2. М., 1954. С. 121–164; Кареев Н.И. Две английские революции XVII века. С. 215–248.

тов, солидарные в своем протесте, расходились, однако, в понимании глубины насущных преобразований. Всю деятельность и достижения пресвитериан на начальной стадии революции, индипенденты сочли недостаточными. Придя к руководству парламентской армией и постепенно завоевав политическую власть в парламенте (после первой и второй его чисток), они повели более решительно, чем пресвитериане, борьбу с королевским лагерем¹⁴.

Фактором, радикально влиявшим на успехи парламентского лагеря, было народное движение. В выступлениях народных масс борьба против королевского лагеря переплеталась с сопротивлением дворянству, купцам, мануфактуристам, с протестом против бедности и пауперизма. Английский историк **Кристиан Хилл** метафорически пишет о «восстании внутри восстания», подчеркивая активность народа в течение революции, которая проявлялась в разнообразных формах массовых движений и в боевых действиях армии «нового образца».

Индипенденты, вынужденные пойти дальше своих собственных целей, установили республику под воздействием народного движения. Активность народа особенно возросла после победы над королем во второй гражданской войне, а затем над пресвитерианами, обусловив начало демократического этапа революции. В 1652 г. Дж. Уинстенли напоминая О. Кромвелю, что победа одержана благодаря «простому народу».

При этом борьба народа не привела к осуществлению его требований и не принесла ему реальной пользы, поскольку одна часть простых людей боролась под эгидой парламента, другая – приняла сторону левеллеров, третья – включилась в деятельность истинных левеллеров и в сектантское движение. Многие выступления имели стихийный и самостоятельный характер (крестьянские движения, волнения горожан и т.д.). Более того, нередко одна группировка народного движения выступала против другой: левеллеры, в частности Лилберн, обрушились с критикой на диггеров; солдаты Кромвеля (т.е. крестьяне, ремесленники, лавочники) подавляли стихийную борьбу крестьян и выступления левеллеров, преследовали сектантов, разгоняли диггеров. Разрозненные действия народных масс так и не слились в единый революционный поток.

Английская революция, часто называемая «**пуританской**», приобрела религиозную форму, явившись последним в Европе Нового времени крупным религиозным конфликтом. Пуританизм включал в себя пресвитерианство и индипендентство как религиозно-политические группировки, пуританские секты, возникшие с благословения индипендентов, а также религиозные общины, отошедшие от пуританизма и рождавшие своеобразные вероучения народно-реформационного типа. Все эти разнообразные формы пуританизма придали революционному действию рели-

¹⁴ См.: История стран Европы и Африки в Новое время: в 2 ч.: учебник / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 1. XVII век. С. 131–132.

гиозную окраску и свидетельствовали об истовой религиозности общественного сознания англичан.

В исследованиях последних десятилетий (А. Мортон, Кр. Хилла, М.А. Барга) **религиозный характер революции** как ее отличительная черта раскрыт в полной мере: показаны обилие и многоликость сект, их идеи и поведение¹⁵.

В государственно-политической области революция дала обществу важный опыт. Это относилось, в первую очередь, к безоговорочному отрицанию абсолютной монархии. В 1660 г., приглашая Карла-младшего Стюарта на престол, наиболее активные политические круги представляли себе, что он будет править совместно и согласно с парламентом, а не как абсолютный монарх. В ходе революции роль парламента поднялась на высоту, прежде не известную. Беспрецедентно возросшие полномочия парламента и его деятельность оставили неизгладимый след в обществе. С 1640 по 1649 гг., т.е. с начала работы Долгого парламента до установления республики, в стране стихийно складывалась парламентарная конституционная монархия, еще не подкрепленная в правовом отношении. Тогда парламента сконцентрировал в своих руках все три ветви власти – законодательную, исполнительную, судебную, а король вынужден был с этим считаться.

Аграрное законодательство революции явилось ее главным социально-экономическим завоеванием. Оно связано с ликвидацией «Палаты опеки и ввода во владение» по акту 1646 г., который королю пришлось санкционировать, правда, при условии уплаты ему 100 тыс. ф. ст. ежегодно в счет компенсации. Закон, подтвержденный в 1656 г., открыл возможность превращения дворянских землевладений в свободную собственность буржуазно-правового характера.

Вместе с тем тенденция преобразования в аграрной сфере не получила радикального завершения. Кардинальный вопрос о положении крестьянского держания не был решен, крестьяне по-прежнему оставались поземельно зависимыми. Иначе говоря, сохранялся существенный пережиток феодальных отношений между хозяевами маноров и их держателями¹⁶.

Неоднократно (1649, 1650, 1652, 1657) парламента обсуждал аграрные проекты законов «об облегчении» участи крестьян, о «защите держателей», но законы так и не были приняты. Однако и лендлорды, считавшие всю маноориальную землю своей собственностью, должны были, как и раньше, либо изыскивать юридические основания для приобретения крестьянских земель и присоединения их к домениальной, либо, идя наперекор правовым нормам (обычному праву), самовольно посягать на держания крестьян.

Конфискация и распродажа парламента земельных владений роялистов, церкви и короны (1643, 1644, 1648, 1649) содействовали мобильности земель, расширили емкость земельного рынка и укрепили становление новой земельной собственности.

¹⁵ См.: История стран Европы и Африки в Новое время: в 2 ч.: учебник / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 1. XVII век. С. 132–133.

¹⁶ Там же. С. 131.

В значительной степени ощутили ослабление опеки, регулирования, регламентации со стороны государства и королевской власти промышленность и торговля. Торгово-промышленные круги получили большую свободу в результате пресечения широкой практики продажи патентов на внутренние монополии (внешние заморские монопольные компании сохранялись). У купцов и мелких торговцев, мануфактуристов и ремесленников появилась возможность равноправного предпринимательства в условиях свободной конкуренции. Старые институты – цеховая организация ремесла, система судопроизводства, права, под воздействием преобразований революции постепенно, медленно, но неуклонно приспособивались к новым общественным условиям и наполнялись буржуазно-правовым содержанием.

Революция проходила под знаком обретения свободы, неодинаково понимаемой различными слоями общества. Свобода личности, свобода и неприкосновенность имущества, свобода торговли, предпринимательства и конкуренции выражались в понятиях «свободнорожденные англичане», «английские свободы». В движении народных масс под руководством солдатских и гражданских **левеллеров** было сформулировано требование политических свобод, равноправия и прежде всего расширения избирательного права. Разработанное левеллерами «Народное соглашение» воспринимается в английской историографии как «шедевр политической мысли, как веха на пути к демократической Англии»¹⁷.

В результате революции произошли изменения в религиозной сфере. Возникшие в 1630-е гг. и в ходе самой революции секты сохранились во множестве, хотя постепенно утратили революционно-реформационный характер и трансформировались в религиозные общины аполитичного содержания.

Революция обогатила европейскую общественно-политическую мысль. Сочинения Т. Гоббса, Дж. Мильтона, Дж. Гаррингтона дали импульс теоретическим изысканиям в области государственно-политических и социологических наук. Концепции этих выдающихся мыслителей явились важной вехой в истории общественно-политических идей, навсегда сохранив свое познавательное значение.

Великая Французская буржуазная революция 1789–1799 гг. прошла 4 этапа: конституционно-монархический, буржуазно-либеральный или жирондистский, буржуазно-демократический или якобинский и термидорианский или буржуазный¹⁸. Каждый из этих этапов мог бы претендовать при желаемой трактовке в угоду тем или иным политическим ин-

¹⁷ См.: История стран Европы и Африки в Новое время: в 2 ч.: учебник / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 1. XVII век. С. 134.

¹⁸ См.: Всемирная история. Т. VI. М., 1959. С. 17–55; 200 лет Великой Французской революции: Французский ежегодник 1987 / гл. ред. В.В. Загладин. М., 1989; История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны. М., 2000. С. 59–87; Кропоткин П.А. Великая Французская революция. 1789–1793. М., 1979; Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. Нарочницкий А.Л. Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. 1989. № 3; Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. М., 1938.

тересам на отдельную революцию. Уйдя в прошлое, революция оставила глубокий след в настоящем. Для народов Европы она служит до сих пор точкой отсчета в движении по пути общественных преобразований. Именно со времени Французской революции возникло понимание того, что государство и общество могут быть изменены к лучшему не только «сверху», в результате мер, принимаемых по своему усмотрению правительствами, но и благодаря прямым энергичным действиям простых граждан «снизу». Во многом именно неудача реформ в духе «просвещенного абсолютизма» заставило французов прибегнуть к массовым насильственным действиям, чтобы сломить сопротивление двора и «аристократов» необходимым нововведениям.

Великая Французская революция глубочайшим образом повлияла на судьбу многих государств: и тех, которые были ею реально затронуты, и тех, что лишь издали наблюдали за происходящим. Она создала целый пласт новой политической культуры. Великая французская революция родилась из глубокого надлома феодально-абсолютистской системы. Потрясаемая многочисленными кризисами, из которых наиболее очевидным был кризис финансов, королевская власть безуспешно предпринимала попытки реформ, усиливая одновременно налоговый гнет: Тюрго, Неккер, Калонн, Ломени де Бриенн, снова Неккер – генеральные контролеры (министры) финансов сменяли друг друга, предлагая различные меры, но изменить положение к лучшему не могли. Монархия, оказавшаяся не в состоянии удерживать старыми методами свои позиции, была вынуждена пойти на уступки: в 1787 г. были созваны нотабли, а затем Генеральные штаты, не собиравшиеся с 1614 г. 17.06.1789 г. собрание депутатов третьего сословия провозгласило себя Национальным собранием; 9 июля – Учредительным собранием. Открытая подготовка двора к разгону Учредительного собрания (отставка Ж. Неккера, стягивание войск и т.п.) послужила непосредственным поводом к всенародному восстанию в Париже 13–14 июля. Первый этап революции (14.7.1789–10.8.1792) ознаменовался взятием Бастилии – символа французского абсолютизма. В последующие недели революция распространилась по всей стране¹⁹.

Великая Французская революция получила различные оценки в исторической науке. Разночтения среди исторических школ касаются, прежде всего, характера событий, перевернувших ход привычных событий не только в Европе, но и во всем мире, а также периодизации. Согласно утверждениям марксистских историков, Великая Французская революция по своему характеру была буржуазной, основной целью ее была смена устаревшего феодального строя новым капиталистический, при этом ведущую роль в ходе революции играла буржуазия, свергнувшая феодальную аристократию.

Последовательные критики марксистского подхода выдвигают аргументы, указывающие на то, что во Франции XVIII в. исчезли феодальные

¹⁹ См.: Великая Французская революция // Большая Энциклопедия: в 60 т. Т. 8. С. 398.

отношения, а французское дворянство уже активно участвовало в рыночных капиталистических отношениях. Помимо этого, исследователи отмечают, что в начале революции, в особенности в провинциальной Франции, активными ее участниками были представители вовсе не торговой буржуазии, а дворянства. Иными словами, классовый подход к оценкам происходящего явно не объясняет многое в причинах, составе участников и характере революции.

Существуют и различные варианты **периодизации** событий Великой Французской революции. Если с началом революции вопрос более или менее решен и в исторической традиции принято считать началом революции взятие Бастилии 14 июля 1789 г., то с ее конечной датой не все так однозначно. Ряд историков полагает, что ее окончанием можно считать Термидорианский переворот, т.е. события 27 июля 1794 г. Некоторые авторы предлагают более широкие границы революции и связывают конец революции с переворотом 18 брюмера, т.е. 9 ноября 1799 г. Но самые широкие хронологические рамки революционных перемен не только включают события XVIII в., но и затрагивают эпоху наполеоновских войн и заката наполеоновской империи, т.е. конечная дата может относиться к 1815 г.²⁰

Истоки Великой Французской революции, согласно большинству мнений, следует искать в идеях европейского Просвещения. По мнению большинства историков, это событие представляло собой крупнейшую трансформацию политической системы Франции. В результате революционных перемен последних двух десятилетий XVIII в. был уничтожен старый монархический порядок, Франция стала республикой, провозгласив свободу и равенство граждан.

Современники по-разному оценивали происходящее во Франции 1789 г., но каждый из них понимал, что революционные события были подготовлены многими обстоятельствами. Благодаря деятельности просветителей в умах образованной части французской) общества произошел переворот. Среди французов постепенно утверждалась мысль, что власть монарха является узурпацией по отношению к правам сословий и корпораций. Подобную точку зрения развивал в своих трудах Шарль Монтескье (1689–1755), выдвигая идеальную модель «истинной монархии», в которой реализуется принцип «разделения властей». Точно так же у участников Великой Французской революции были популярны и идеи Жан-Жака Руссо (1712–1778), сводившиеся к постулатам «общественной) договора» и необходимости защиты прав народа.

Главной опорой монархической Франции XVIII в. были бюрократия, многочисленная армия и флот. Сохраняющийся в стране социально-экономический и политический режим сложился в результате сложных политических, социальных и конфессиональных компромиссов XVI–XVII вв. Однако монархический режим периода правления

²⁰ См.: Всемирная история: в 2 ч.: учебник / под ред. Т.Н. Питулько. М., 2017. Ч. 2. История Нового и Новейшего времени. С. 67.

Людовика XVI (1754–1793) уже не мог обеспечить нормальное социально-экономическое и политическое развитие Франции. В течение XVIII в. она начала отставать от передовых стран Европы и прежде всего от Великобритании. Чрезмерная эксплуатация все больше вооружала против «старого порядка» простых французов, законные интересы которых совершенно игнорировались со стороны государства.

Постепенно в течение XVIII в. во французском обществе вызревало понимание того, что «старый порядок» пришел в упадок. Существующие во Франции финансовые проблемы и недостаточно высокий уровень рыночных отношений, серьезные недостатки в системе государственного управления, коррумпированность и связанная с ней система продажи государственных должностей, отсутствие четкого законодательства, сложная практика сбора налогов и явно устаревшая система сословных привилегий – все это нуждалось в срочной реформировании.

Королевская власть во Франции постепенно теряла доверие в глазах трех сословий, а именно духовенства, дворянства и зарождавшейся торгово-промышленной буржуазии. Началу революции предшествовал период тяжелого торгово-промышленного кризиса 1780-х гг., связанный не только с неурожайными годами, но и с преобладанием во Франции дешевых английских товаров. Требовались новые налоги и займы, а также реформирование финансовой сферы. Ставка со стороны Людовика XVI и нового министра финансов Жака Неккера делалась на одобрение новой налоговой политики Генеральными штатами, длительное время не собиравшимися и начавшими работу 5 мая 1789 г. **Генеральные штаты** представляли собой широкое представительство трех сословий – дворянства (270 депутатов), духовенства (191 депутат) и буржуазии (572 депутата). Третье сословие проявило необычайную активность и в ходе работы провозгласило свое собрание Национальным собранием²¹. Король попытался отменить это решение и изъять из ведения Генеральных штатов дела, связанные с прерогативами дворянства и духовенства. Это решение монарха и круга роялистов ограничить компетенцию третьего сословия вызвало бурю негодования со стороны депутатов. Политический кризис назрел, и даже отставка Неккера не спасла ситуацию. Требования революционных перемен звучали не только в стенах Версальского дворца, но и на улицах Парижа.

12 июля 1789 г. в Париже произошли столкновения между народом и войсками. Перед королевским дворцом известный французский адвокат и журналист **Камиль Демулен** произнес речь, в которой призвал народ к оружию. Утром 14 июля 1789 г., несмотря на то, что в королевской тюрьме находилось всего семь узников, революционная толпа штурмом взяла Бастилию, полагая, что там хранятся оружие и боеприпасы. Начальник тюрьмы де Лонэ и охранники были убиты, а сама крепость-тюрьма как символ монархической деспотизма была разрушена.

²¹ См.: Всемирная история: в 10 т. М., 1959. Т. 4. С. 17–20; Т. 5. С. 559–570; Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Падение монархии. 1789–1792. Ленинград, 1882. С. 3–67.

Утром 14 июля в Доме инвалидов было захвачено 12 пушек, 32 тыс. ружей и порох. Огромные толпы народа, вооруженные ружьями, а также пиками, топорами и дубинами, наводнили улицы, прилежащие к Бастилии. Весь Париж оказался в руках восставших и Национального собрания. Вскоре после этого Демулен начал издавать свой знаменитый журнал «Революции во Франции и Брабанте», где содержалась критика старого режима.

Определенным этапом революции стали события июля – октября 1789 г., т.е. от взятия Бастилии до похода на Версаль. Максимилиан Робеспьер писал своему брату летом 1789 г. о том, что во Франции произошли «события, величайшие по сравнению со всей предшествующей историей человечества». В это время революционными центрами Франции становятся: 18 июля – Труа, 19 июля – Страсбург, 21 июля – Шербур, 24 июля – Руан, т.е. революционные преобразования затронули всю страну. Создаются новые выборные органы власти и управления – муниципалитеты, формируется из числа восставших Национальная гвардия. **Людовик XVI** был вынужден признать легитимность Национального собрания. 15 июля, узнав о взятии Бастилии и о захвате Дома инвалидов восставшими, король произнес: «Но это же бунт!». В ответ на эту фразу один из приближенных монарха герцог де Ларошфуко сказал: «Это не бунт, это революция, Ваше величество!». Иными словами, двор и окружение Людовика XVI понимали всю серьезность положения монархии. Несколько позже король встретился с представителями нового муниципальной правительства Парижа и принял от него **трехцветную кокарду** – символ революционной Франции.

В подобных условиях Национальное собрание, ставшее по сути своих решений Учредительным собранием, принимает специальные декреты от 4–11 августа 1789 г., объявляющих отмену личных феодальных повинностей и сеньориальных судов. Также отменялись церковная десятина, привилегии отдельных провинций, городов и корпораций и объявлялось равенство всех перед законом в уплате государственных налогов. 26 августа 1789 г. была принята «Декларация прав человека и гражданина», которая являлась первым документом демократического конституционализма. Если «старый порядок» был основан на сословных привилегиях, то 17 статей «Декларации прав человека и гражданина» формулировали равенство всех перед законом, неотчуждаемость «естественных» прав человека, народный суверенитет и свободу взглядов. С принятием этого документа начинается новый виток политической борьбы, идет процесс поляризации сил и в стране, и в стенах Национального собрания. Группировку умеренных монархистов-конституционалистов возглавляли маркиз Лафайет и граф Мирабо, а среди левых депутатов выделялся М. Робеспьер²².

Великая Французская Революция привела к краху Старого порядка в Европе и утверждению во Франции нового республиканского

²² См.: Всемирная история: в 10 т. Т. 4. С. 20–24; Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 68–82.

строю. Французский опыт революции был по-своему уникален, поскольку продемонстрировал не только слабость и недостатки прежнего монархического строя, но также убедил современников в неустойчивом характере революционных преобразований. Рассуждая о достигнутых целях революции, большинство историков склоняется к выводу о том, что многие из них могли бы быть достигнуты и без такого огромного количества жертв.

По прошествии двух столетий Французская революция конца XVIII в. видится событием всемирно-исторического масштаба. Она изменила политическую карту не только Франции, но и значительной части Европы, революцией было затронуто большинство европейских стран, в ней искали свои истоки многие идейно-политические течения XIX–XX вв. – консерватизм, либерализм, демократизм, социализм, коммунизм. Едва ли не каждая последующая революция Нового времени поворачивала себя по французской, заимствовала у нее лексику и терминологию, полемизировала с ней, обращалась к ее политической практике.

Следствием Французской революции стало постепенное, но кардинальное изменение идейного и политического климата в Европе. Знаменитый лозунг «Свобода, равенство, братство» проникал в массы наряду с более умеренными идеями, характерными еще для деятелей Просвещения: свобода – это возможность делать все, что не ущемляет права другого, равенство – это, прежде всего, равенство перед законом. Большинство «принципов 1789 года» и поныне служат аксиомой для европейской политической модели: верховенство закона, свобода совести, свобода печати и многие другие. Все большую популярность на протяжении XIX в. завоевывала концепция народного суверенитета.

Не менее глобальными были и перемены, которые революция принесла самой Франции. Ее главный итог – полное и окончательное уничтожение Старого порядка как основы жизни общества. На месте тысячелетней монархии обозначились контуры новой страны, построенной на иных социально-экономических принципах, с иным административно-территориальным делением, с иным законодательством, с церковью, поставленной под контроль государства. Эта страна стала жить и по иным идеологическим ориентирам: на смену традициям и фундаментальным законам монархии пришла конституция, в которой закрепляются «принципы 1789 года», на смену сословиям – равенство всех граждан. Суверенитет короля сменился суверенитетом нации. Земельная собственность утратила сеньориальный характер, граждане начали владеть землей на равных основаниях²³.

На протяжении 10 лет **Франция** служила своеобразной «лабораторией», в которой опробовались различные политические режимы в поисках оптимального баланса между наследственной конституционной монархией и диктатурой. Революция развивалась постепенно, поэтапно, на

²³ См.: История стран Европы и Америки в Новое время: учебник: в 2 ч. / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 2. 1700–1815 годы. С. 260.

ее ход влияло множество различных факторов: и активность народных движений, и углубление экономического кризиса, и начавшаяся в 1792 г. война, постепенно противопоставившая Францию всей Европе. Обострение внутри- и внешнеполитических проблем, угроза поражения революции обеспечили временную поддержку монтаньярам и робеспьеристам, сделавшим ставку на экстремистские методы решения стоявших перед страной проблем. Их власть, прикрываясь демагогическими разговорами о суверенитете народа, характеризовалась жестким авторитарным правлением, свободно нарушала провозглашенные в 1789 г. права человека, оказалась никоим образом не ответственной перед гражданами, развязала террор против собственного народа. Победа над внутренней и внешней контрреволюцией предопределила ее крах. В конечном итоге на смену монархии божественного права пришла республика, при которой реальную возможность влиять на управление страной получили те, кто сильнее всего стремился к спокойствию и стабильности, – люди, обладавшие более или менее значительной собственностью.

Сама французская модель представлений о нации и национальном самосознании также закрепились в результате Французской революции. Она основывалась на том, что французы – это прежде всего общность, объединенная единой территорией, единым правительством и едиными законами. Возникшая после падения монархии «единая и неделимая» республика стремилась к всеобщей унификации: уходил в прошлое административный партикуляризм провинций, активно насаждался французский язык, вводилась единая система мер и весов, единая система народного образования.

В экономической сфере итоги революции оказались куда более сложными, особенно если их рассматривать, что неизбежно, в исторической перспективе. С одной стороны, у французской экономики было немало характерных черт, остававшихся неизменными как на протяжении веков до революции, так и после нее. С другой стороны, последовавшие за революционным десятилетием наполеоновские войны, оккупация части страны иноземными войсками, многочисленные смены политических режимов в XIX в. подвергли тот вектор развития, который был задан событиями 1789–1799 гг., такому количеству модификаций и искажений, которые нередко не позволяют однозначно судить о его направленности и перспективах.

Разрушив, как говорили в те годы, «феодальный порядок» во французской деревне, уничтожив сеньориальный строй и ликвидировав сеньориальные повинности, отменив десятину, революция несомненно превратила крестьян из держателей в собственников земли и увеличила их доходы. Ни «монархистам», ни «фельянам», ни жирондистам, ни монтаньярам, ни термидорианцам не удалось окончить революцию, достичь компромисса между старым и новым, вернуть стране мир и стабильность. Очередные политические группировки, приходившие к власти, неизменно продолжали социальные и экономические преобразования²⁴.

²⁴ См.: История стран Европы и Америки в Новое время: учебник: в 2 ч. / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 2. 1700–1815 годы. С. 261–262.

Следствием этих двух особенностей стала та невиданная в истории цена, которую пришлось заплатить французскому народу за произошедшие в стране изменения. Войны, голод, террор привели к тому, что Франция скадилась на последнее место в Европе по демографическому росту, повернула вспять урбанизация.

И наконец, третья особенность **Французской революции**: несмотря на все то новое, что она дала Франции и миру, несмотря на то, что сами революционеры представляли ее как резкий разрыв со Старым порядком, она в значительной степени унаследовала и его программу реформ, и его устремления. Введение свободы торговли и единого равного для всех налогообложения, усиление централизации и унификации страны, борьба с привилегиями провинций и подчинение регионов центральной власти – все эти реформы были намечены и начаты еще при Старом порядке, однако провалились из-за сопротивления традиционных общественных институтов. Во вторую четверть XIX в. Франция во многом вошла с тем же грузом мешающих развитию капитализма факторов, что и за век до того: нежеланием финансистов вкладывать деньги в промышленность, замедленным проникновением технических инноваций, недостаточно развитой конкуренцией, косностью аграрной системы. Сохранялась преемственность и в курсе государственной власти на ее постепенное усиление: по сравнению с королевским «деспотизмом» и «абсолютизмом», борьба с которыми объединила различные слои общества в начале революции, власть, которую она породила в 1793–1794 гг., была куда более деспотической, ничем не ограниченной. Сбылись и внешнеполитические мечты Старого порядка: Франция вышла на свою «естественную границу» по Рейну и готова была продолжать завоевания.

В конечном итоге **революция** привела к постепенному возникновению в XIX в. современной Франции и современной Европы. Их отличительными чертами стало использование накопленного за эти годы опыта парламентаризма и конституционализма, развитие революционной и республиканской традиций и в целом новая политическая культура, начало которой и положила Французская революция XVIII в.²⁵

Наибольшее влияние на ход мирового развития оказала **Великая Французская революция (1789–1799)**.

Ее главные итоги были следующие:

1. Революция породила современную частную форму собственности.
2. Принятая Конвентом новая Декларация прав человека и гражданина объявляла правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность. Все это способствовало расширению гражданских прав во всех европейских странах, введению конституций там, где их еще не было.

²⁵ См.: История стран Европы и Америки в Новое время: учебник: в 2 ч. / под ред. В.С. Бондарчука. М., 2011. Ч. 2. 1700–1815 годы. С. 263.

3. Революция проходила под эгидой представительных выборных органов: Национальное учредительное собрание (1789–1791). Законодательное собрание (1791–1792), Конвент (1792–1794). Это способствовало развитию и укреплению парламентской демократии, несмотря на последующие откаты.

4. Революция породила парламентскую республику.

5. Новое государство, родившееся в результате революции, получило возможность более активно вмешиваться в жизнь граждан для обеспечения равенства возможностей, стабильности и социального порядка. Социально значимые области перешли под контроль государства: университеты и высшее образование, финансы и т.д. Государство выступало теперь гарантом равных прав для всех граждан.

Французская революция имела в России, как и в других странах, много сторонников. Современники отмечали, что почти всеобщим стало осуждение самодержавной власти. В Россию проникало множество французских изданий.

Поверенный в делах Франции в Петербурге Э. Жене сообщал в Париж, что сведения о французской революции свободно печатаются в русских газетах, включая правительственные «Санкт-Петербургские ведомости». В 1789 г. в газетах был опубликован русский перевод «Декларации прав человека и гражданина».

В 1791 г. Учредительное собрание во Франции закончило работу над конституцией, в соответствии с которой страна провозглашалась конституционной монархией. Высшая исполнительная власть сосредоточивалась в руках короля, а высшая законодательная переходила к законодательному собранию. Право участия в выборах получили так называемые «активные граждане», составлявшие около 20% населения.

Взято из: Пляйс Я. Глобальные волны демократизации и Россия // Обозреватель. 2007. № 9(212). С. 36.

Французская буржуазная революция конца XVIII в. имела величайшее прогрессивное значение. Оно заключалось, прежде всего, в том, что революция эта покончила с феодализмом и абсолютизмом так решительно, как никакая другая буржуазная революция. Великую Французскую революцию возглавило сословие буржуазии. Но задачи, стоявшие перед этой революцией, смогли быть выполнены лишь благодаря тому, что ее главной движущей силой были народные массы – крестьянство и городское плебейство. Французская революция являлась народной революцией и в этом заключалась ее сила. Активное, решающее участие народных масс придало революции ту широту и размах, которыми она отличалась от других буржуазных революций. Французская революция конца XVII в. осталась классическим образцом наиболее завершенной буржуазно-демократической революции. Великая Французская буржуазная революция предопределила последующее развитие по капиталистическому пути не только самой Франции; она расшатала устои феодально-абсолютистских порядков и ускорила развитие буржуазных отношений в других европейских странах; и под ее непосредственным влиянием возникло буржуазное революционное движение и в Латинской Америке.

Характеризуя историческое значение Французской буржуазной революции, **В.И. Ленин** писал: «Возьмите великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»²⁶.

Событием всемирно-исторического значения стала **Великая Русская (Российская) революция 1917 года**. Русская революция утвердила новую нравственную социалистическую – идею, отрицать или игнорировать которую не мог уже никто. Именно она теперь определяла нравственные принципы развития мировой цивилизации. Прогнозы Маркса о кризисе и крахе системы дикого капитализма в XX веке получили реальное подтверждение. Даже такие либерал-радикалы, как **Е. Гайдар**, в этой связи признают: «...в первой половине XX в. мир развивался почти “по Марксу” – хотя и не в деталях, но достаточно близко к указанной им траектории, чтобы многие интеллектуалы были склонны признать “торжество марксистских идей”». И даже такой поборник либерализма, как **Бжезинский**, также был вынужден согласиться: «Демократия для меньшинства без социальной справедливости для большинства была возможна в эпоху аристократизма, но в век массового политического пробуждения она уже нереальна»²⁷.

Состояние западного общества в 1919 г. передавал **Дж. Кейнс**: «В Европе мы сталкиваемся со зрелищем исключительной слабости класса капиталистов, сложившегося благодаря промышленному прорыву XIX века и казавшегося всемогущим всего несколько лет назад. Страх и робость этого класса сейчас столь велики, а их уверенность в собственном положении в обществе и собственной необходимости в социальном организме уменьшились настолько, что они стали легкой мишенью для устрашения. В Англии это было немыслимо 25 лет назад (так же, как это немыслимо и сейчас в США). Тогда капиталисты верили в себя, в свою ценность для общества, в оправданность их богатого существования и неограниченного применения их силы. Теперь их бросает в дрожь от каждого выпада...»²⁸. Но «промышленный прорыв» только создал условия для страха, для того что бы он возник, должна была появиться соответствующая общественная сила. Мало того, она должна была получить всеобщее признание и легитимность. Именно это и сделала Русская революция.

Запад был бессилён подавить большевизм и Русскую революцию, и не потому, что у него не хватало для этого сил, а потому, что подавлять необходимо было не людей, а новые идеи социальной справедливости, которые они несли и которые были страстно востребованы самим западным обще-

²⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 342.

²⁷ См.: Галин В.В. Политэкономия войны. Торжество либерализма. 1919–1939. М., 2007. С. 258–259.

²⁸ Там же. С. 260.

ством. Ллойд-Джордж в то время отмечал: «Вся Европа насыщена духом революции... Повсюду среди рабочих царит не просто дух недовольства, но дух гнева и даже открытого возмущения против довоенных условий. Народные массы всей Европы, от края до края, подвергают сомнению весь существующий порядок, все нынешнее политическое, социальное и экономическое устройство общества».

Не случайно борьба с большевизмом приобрела парадоксальный характер – для того что бы победить большевизм, провозглашали его противники, необходимо воплотить его идеи сверху, не дожидаясь, пока это будет сделано снизу. Так, президент США **В. Вильсон** призывал: «Мы будем... лечить мир, охваченный духом восстания против крупного капитала... Справедливый мир и лучший порядок, необходимы для борьбы против большевизма». Спустя 20 лет другой президент, Ф. Рузвельт, проводя радикальные социалистические реформы, будет объяснять свои преобразования словами: «Я борюсь с коммунизмом... Я хочу спасти нашу капиталистическую систему». Непримиимый ненавистник большевизма **Дж. Спарго** в своей нашумевшей книге «Большевизм. Враг политической и индустриальной демократии» утверждал: «Лучшее, что может быть сделано, – это не попытки утопить его в крови, а мужественное и последовательное уничтожение социального угнетения, нищеты и рабства, которые доводят людей до душевного отчаяния, приводящего людей к большевизму»²⁹.

Другими словами, если бы не большевизм, то социальное угнетение, нищета и рабство до сих пор являлись бы фундаментальными основами политической и индустриальной демократии, если бы она еще существовала.

«Со времен Французской революции на европейском горизонте не появлялось ничего, даже отдаленно напоминающего Советский Союз. Впервые по прошествии более ста лет одна из стран официально посвятила себя свержению существующего порядка. Французские революционеры стремились изменить характер государственного устройства: большевики, сделав еще один шаг, предлагали уничтожить государство как таковое»³⁰, – замечал **Генри Киссинджер**. Но государство очень сильно понадобилось, когда слабость России стала очевидным приглашением к агрессии со стороны Запада.

При определении **характера революции** весьма важно и обязательно учитывать следующие обстоятельства:

- 1) ее **основные движущие социальные и политические силы** (сословия, а также политические движения и партии, выражающие настроения элит и народных масс);
- 2) ее **конкретную направленность** на изжившие себя порядки и устои, которые олицетворяет и защищает уходящая в прошлое и находящаяся у власти власть (эта и часть консервативно и реакционно настроенного общества);

²⁹ См.: Галин В.В. Политэкономика войны. Торжество либерализма. 1919–1939. М., 2007. С. 258–259.

³⁰ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 230.

3) ту **реальность**, которая сложится, сформируется и станет доминировать в ее итоге;

4) ту **историческую миссию**, которую она выполнит, что обычно находит своё выражение в новом государственном устройстве, новой организации всей хозяйственно-экономической, социальной и духовно культурной жизни, а также в том международном и геополитическом влиянии, которое она окажет на соседние и более отдаленные страны и народы;

5) ту **правящую новую политическую элиту и иные социальные группы и сословия**, которые она порождает, формирует и вознесет к власти, благам и преимуществам новых экономических, социальных и духовно-культурных реалий, которые, эта же революция в своем конечном итоге и оформит.

Великие революции очень похожи друг на друга. Это подмечено давно, в том числе политиками, историками и социологами. Так, **С.Ю. Данилов** свел хронологию и ключевые характеристики двух великих европейских революций (Английской XVII в. и Французской XVIII в.) в таблицу³¹.

Таблица 1 – Характеристики революций

Английская XVII в.	Французская XVIII в.
<i>Начальный (конституционный) период</i>	
1640–1642	1789–1791
Созыв законсовещательного органа после длительного перерыва, смещение королевских министров, упразднение старых карательных органов, освобождение политзаключенных	
Да	Да
Суд над королевскими министрами	
Да	Нет
Принятие Конституции	
Нет	Да
Равенство перед законом, уничтожение сословного деления	
–	Да
Расширение полномочий судов, гласность судопроизводства	
Да	Да
Упразднение монополий	
Да	–
<i>Высший подъем революции – гражданская война</i>	
1642–1647	1792–1794
Военные действия в общегосударственном масштабе	
Да	Да
Провозглашение диктаторских методов управления и революционного террора	
Нет	Да
Чистка офицерского состава и госаппарата	

³¹ Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. М., 1999. С. 13–18.

Продолжение таблицы 1

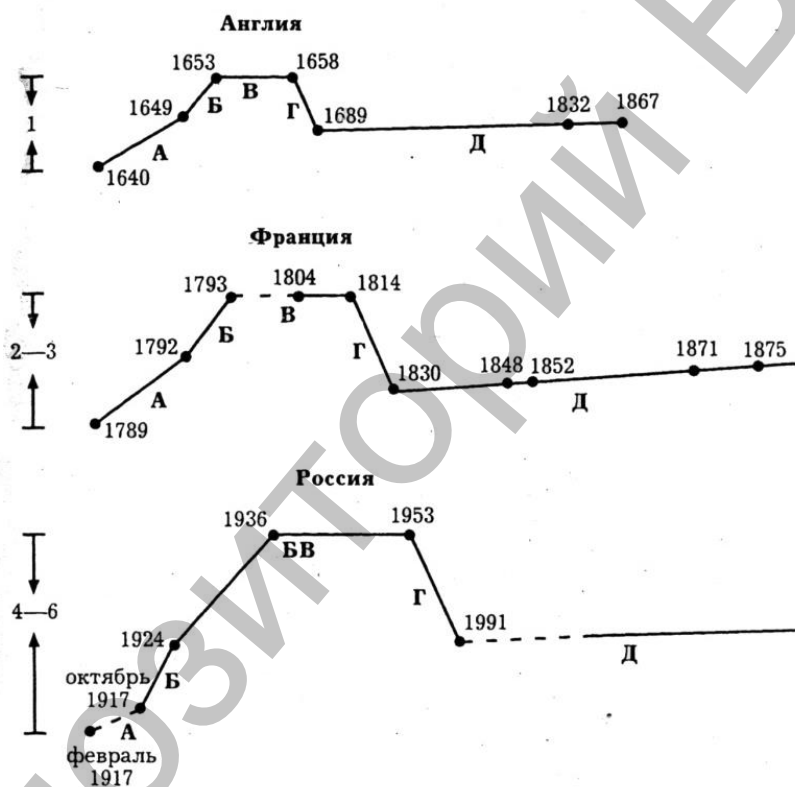
Английская XVII в.	Французская XVIII в.
Да	Да
Конфискация (национализация) имущества противников революции и их продажа	
Да	Да
Внесудебные репрессии	
Нет	Да
Твердые цены на предметы первой необходимости	
Нет	Да
Принудительный наем рабочей силы	
Нет (с оговорками)	Да
Максимум заработной платы	
Нет	Да
Принудительные займы у состоятельных слоев	
Нет	Да
Утверждение демократических свобод (собраний, печати)	
Да	Да
Свобода религии	
Нет	Да (формально)
Введение общественных работ и социальных пособий	
Нет	Да
Суд над монархом и его казнь, провозглашение республики	
Да	Да
Принятие Конституции	
Нет	Да
Социально-бытовые нововведения (новый календарь, новые имена и т.д.)	
Нет	Да
Спад революции	
1650–1660	1795–1814
Смещение революционного правительства	
Да	Да
Установление военной диктатуры	
Да	Да
Прекращение массовых политических репрессий	
Да	Да
Прощение противников революции (политическая амнистия)	
Нет	Да
Ограничение демократических свобод	
Да	Да
Отмена всеобщего избирательного права	
–	Нет
Восстановление феодальных титулов и привилегий	
–	Да (частично)
Упразднение республики и основание новой династии	
Нет	Да
Издание новой Конституции	
Да	Да
Изменение законодательства (принятие новых кодексов)	

Продолжение таблицы 1

Английская XVII в.	Французская XVIII в.
Нет	Да
Частичное восстановление дореволюционных государственных учреждений	
Да	Нет
Восстановление адвокатуры	
–	Да
Социально-бытовые нововведения	
Да	Нет
Войны с иностранными державами	
Да	Да
Войны с коалицией иностранных держав	
Нет	Да
Расширение государственной территории	
Нет	Да
Захват новых колоний	
Да	Нет
<i>Итоги и последствия революции</i>	
Восстановление свергнутой династии – Реставрация	
Да	Да
<i>Движущие силы Реставрации</i>	
Внутриполитические	
Да	Нет
Внешнесполитические	
Нет	Да
Амнистия после Реставрации	
Да	Да
Признание Реставрацией перераспределения земельной собственности	
Да (с оговорками)	Да
Вознаграждение (компенсация) сторонникам Реставрации	
Нет	Да
Восстановление (в основном) дореволюционного законодательства	
Да	Нет
Сохранение (значительной или большей части законодательства Протектората) Империи	
Нет	Да
Упрочение правовых гарантий личности при Реставрации	
Да	Нет
Религиозные преследования при Реставрации	
Да	Нет
Общая чистка госаппарата и вооруженных сил	
Нет	Да (с оговорками)
Свержение режима Реставрации	
Да	Да
<i>Движущие силы свержения</i>	
Внутриполитические	
Да	Да
Внешнесполитические	
Да	Нет

Английская XVII в.	Французская XVIII в.
Принятие новой Конституции	
Нет	Да
Позднейшие попытки свергнутой династии вернуться к власти	
Силой оружия	
Да	Нет
Конституционными средствами	
Нет	да

А.И. Косарев попытался вывести закономерности великих революций в Англии, Франции и России в виде следующих диаграмм³²:

А — этап либерально-демократических преобразований	Г — период движения вспять
Б — этап революционной диктатуры	Д — этап завершающих преобразований
В — этап военной диктатуры	- - - время кризиса, разложения государственности, смутное время
БВ — решение задач революционной и военной диктатуры в период сталинского правления в России	1, 2-3, 4-6 — оценочные характеристики радикализма революционных преобразований

Закономерности в истории в чистом виде встречаются как исключение. Разного рода закономерности пересекаются, накладываются друг на друга, искажаются действием привходящих, подчас случайных факторов. Поэтому зачастую закономерности выступают как *тенденции*, представлены в размытом виде, пунктирно, действуют зигзагообразно.

Закономерности развития революций (период надлома)

³² См.: Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. М., 2002. С. 283.

Рисунок 1 – График развития революции 1905–1907 гг.

Революция начинает рассматриваться как специальный объект анализа только на рубеже XVIII–XIX столетий. Ни гражданская война в Англии, ни война за независимость в Северной Америке еще не воспринимались как самостоятельные феномены, отличные от многочисленных восстаний, гражданских войн и переворотов, каких было немало. Да и самого термина «революция» в его современном смысле до конца XVIII века не существовало. Слово это обозначало нечто противоположное радикальному перевороту: со времен Коперника под «революцией» понимали устойчивое и статичное движение, изменить которое не в силах смертного. Именно в этом смысле и использовал его герцог Ларошфуко, когда на вопрос Людовика XVI: «Это бунт?» ответил: «Нет, государь, это революция». (По-французски это однокоренные слова – соответственно, *révolte*, *révolution*.) Непреодолимость революционных событий вскоре была продемонстрирована в полной мере. Однако слову «революция» был придан другой смысл – радикальные, как правило, насильственные преобразования, практически неконтролируемые властью и сопровождающиеся частыми сменами правительства³³.

³³ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001. С. 15–16.

ГЛАВА 5. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Не вызывает сомнения первая **Российская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг.**¹. Она была подготовлена и вызвана самим ходом исторического развития России второй половины XIX в., в том числе ограниченностью и неудачами реформ и контрреформ 1860–1880-х гг., модернизацией России «по С.Ю. Витте», что породило буржуазно-либеральное, народническое и социал-демократическое движение протеста, где активно произрастала оппозиционная контрэлита и куда все более активно уходила часть правящей элиты – **фронды**².

Третьиюньская монархия и реформы П.А. Столыпина не «замирили» Россию³. Ситуацию еще более обострила Первая мировая война⁴. В итоге в самом правящем лагере сформировался оппозиционный династии Романовых и ее правительству **Прогрессивный блок**, а контрэлита сформировала несколько сильных народнических и социал-демократических партий, которые еще в годы войны начали атаку на правящий режим, в том числе за деньги противостоящих в Первой мировой войне Российской империи государств и даже союзнических России

¹ См.: Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. М., 2005. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917; Революция 1905–1907 годов в России. М.: Мысль, 1975.

² См.: История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2011; История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009.

³ Там же; Космач В.А. Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году (субъективный взгляд на советскую историю 1920–1950-х гг.) // Материалы XVI научной сессии преподавателей и студентов: сборник докладов. – Витебск: Витебский филиал Международного университета «МИТ-СО», 2013. С. 232–236; Космач В.А. Что такое революция и что случилось с Россией в 1917 году. Германский фактор в русской и советской истории первой половины XX века // Белорусско-германско-российская международная научная конференция «Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики в XX веке и «круглый стол» «Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности», 6–7 июня 2013 г. – Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТ-СО», 2013. С. 3–13; Лященко Л. Династия Романовых между рифами революций // Наука и жизнь. 2013. № 9. С. 46–59; Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. М.: Алгоритм, 2007.

⁴ Там же.

стран в войне по Антанте. Прежде всего это были Германия, Великобритания, США и Франция⁵.

Между тем за годы войны в императорскую русскую армию было призвано 17,6 млн человек, из которых более 80% составляли крестьяне⁶. Именно они вместе с рабочими российских фабрик и заводов, также мобилизованных на фронт и работающих в тылу, требовали земли, хлеба, работы, мира и свободы, т.е. того, что должна была дать России модернизация конца XIX – начала XX в.

В феврале – марте 1917 г. именно крестьянская масса, одетая в солдатские шинели, а также рабочие Путиловского и других заводов и предприятий Петрограда сыграли решающую роль в свержении династии Романовых и конституционной монархии в России и фактически положили начало **Великой Российской народно-демократической революции 1917–1939 годов**. По мнению известного американского политолога **Пола Джонсона**, «русская революция 1917 г. как в своей “февральской”, так и в “октябрьской” фазах была осуществлена крестьянами, численность которых возросла с 56 миллионов в 1867 г. до 103,2 миллионов в 1913 г. В довоенной России имелось менее 3,5 миллионов фабричных рабочих и шахтеров и даже согласно самой широкой дефиниции “пролетариат” насчитывал только 15 миллионов. Большая часть из 25 миллионов жителей крупных городов были членами многочисленных крестьянских семей, работавших в городе, но живших в деревне... Почти все солдаты были крестьянами, поэтому когда Петроградский гарнизон получил приказ усмирить фабричных рабочих, он взбунтовался. Третью его, около 66 000 человек, восстали против своих офицеров. И так как они были вооружены, режим пал. Таким образом, первый этап революции был делом крестьян»⁷.

События 23 февраля (8 марта) – 3(16) марта 1917 г. в России аналогичны по своему содержанию событиям 12–17 июля 1789 г. во Франции, включая знаменитый штурм Бастилии 14 июля 1789 г. Но от штурма Бастилии в истории Великой Французской революции 1789–1799 гг. мы не отделяем события «5 мая – 11 июля 1789 г.» (от открытия Генеральных штатов, выступивших против короля, и до их провозглашения вначале Национальным, а затем Учредительным национальным собранием). Более того, именно с открытия 5 мая 1789 г. Генеральных штатов в Париже

⁵ См.: История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2011; История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009; Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев: Могилевский госуниверситет, 2006; Лященко Л. Династия Романовых между рифами революций // Наука и жизнь. 2013. № 9. С. 46–59; Логинов В.Т. Революции в России: спорное прошлое и неопределенные перспективы (Круглый стол к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // Альтернативы. 1997. № 3. С. 3–41.

⁶ См.: Война и общество в XX веке: в 3 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. С. 126; Соколов А.К. К революционному взрыву привело высокое социальное напряжение. Февральская революция 1917 года в российской истории. «Круглый стол» // Отечественная история. 2007. № 5. С. 91–94.

⁷ См.: Джонсон П. Мир с двадцатых по девяностые годы. М.: Анибус, Вилад, 1995. Т. 1. С. 74–76.

практически все историки прошлого и настоящего начинают историю Великой Французской буржуазной революции последней четверти XVIII в. Был свой день 5 мая 1789 г., как во Франции, и в истории Российской народно-демократической революции 1917–1939 годов, своя собственная прелюдия к великим революционным событиям 1917–1939 гг.

Эта была потрясающая всю Россию речь лидера кадетской партии и ее фракции в Государственной Думе, профессора Павла Николаевича Милюкова **1 ноября 1916 г.**, в первый день работы открывшегося заседания нижней палаты российского парламента. **П.Н. Милюков** обвинил главу правительства **Б.В. Штюрмера** и императрицу **Александру Федоровну** в том, что они стремятся заключить сепаратный мир с Германией. Свои обвинения лидер кадетов заканчивал словами: «Что это – глупость или измена?»⁸. По свидетельству самого П.Н. Милюкова, несмотря на то, что он скорее склонялся к первой альтернативе, слушатели-депутаты своим одобрением поддерживали вторую. Глава кадетской партии потребовал немедленной отставки правительства, приравняв отставку правительственного кабинета к победе в войне⁹. На наш взгляд, **события 1 ноября 1916 г. в России были аналогичны событиям 5 мая 1789 г. во Франции.**

Запрещенное к публикации выступление известного профессора и политика расхлосилось в десятках тысяч копий по всей России и утверждало читателей в мысли, что наверху (т.е. вокруг царя) не только много глупости, но есть и измена. Речь **П.Н. Милюкова** содействовала во многом деморализации тыла и фронта, и самого правящего режима вместе с царствующим домом Романовых. Особенно потрясена была произошедшими событиями императрица. Коронованная особа не стеснялась в выражениях: «Гучкову – место на высоком дереве», «Милюкова, Гучкова и Поливанова – тоже в Сибирь», «Как бы я хотела, чтобы Родзянко повесили». Письма Александры Федоровны к Николаю II по поводу действий лидеров думской оппозиции пестрели словами «скот», «гадина», «идиот», «мерзавец», а Государственную Думу она называла не иначе как «домом умалишенных»¹⁰.

Но вопли царицы уже не могли испугать оппозицию. **К концу 1916 г. оппозиционные настроения охватили и «верхи», и «низы».** Россия еще не знала такого единения антиправительственных сил, а правящая династия Романовых в лице Николая II – такой изоляции. Против царя и императрицы были настроены даже великие князья из дома Романовых. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Юсупова был убит **Г. Распутин.** Председатель Государственной Думы

⁸ См.: История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009. С. 369, 387–392; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 6.

⁹ См.: Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев: Могилевский госуниверситет, 2006. С. 145.

¹⁰ См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 7.

М.В. Родзянко позже назвал убийство Г. Распутина «началом Второй революции» в России¹¹.

В январе 1917 г. думская, чиновничья и военная оппозиция была готова к антигосударственному перевороту. Через 20 лет в своих воспоминаниях **А.И. Гучков** рассказал, что он, боясь перехода власти в России к революционерам, планировал вместе с группой военных захватить царский поезд по дороге из Ставки в Царское Село и принудить императора к отречению. В этот заговор были посвящены будущие члены Временного правительства Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, князь Г.Е. Львов, начальник штаба Ставки генерал П.А. Алексеев и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Ружский¹².

Попытки императора и его окружения спасти ситуацию (отставка 10 ноября 1916 г. Б.В. Штюрмера, назначение главой правительства А.Ф. Трепова, а затем Н.Д. Голицына) успеха не имели. В ноябре – декабре 1916 г. и январе – феврале 1917 г. Россия стремительно шла к своей великой и разрушительной, как покажет дальнейшая история, революции, которая к тому времени была предопределена как минимум **восемью ключевыми факторами**, которые работали против правящего режима и которые привели его к окончательному краху в феврале – марте 1917 г. (социально-экономический, национальный, чиновничье-бюрократический, военный, еврейский, геополитический, масонский, династический).

В период с **23 февраля (8 марта) по 3(16) марта 1917 г.** в России рухнула монархия, были образованы буржуазное Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с князем Г.Е. Львовым и меньшевиком Н.С. Чхеидзе соответственно¹³. Это было **начало Великой Российской народно-демократической революции 1917–1939 гг.** Ей предшествовали и во многом вызвали ее события ноября 1916 – февраля 1917 гг., хотя причины самой революции были, как мы уже оговорились раньше, более масштабными и глубинными. Общая логика наших рассуждений представлена в следующей схеме 1.

1917–1922 годы – это **движение** Великой Российской народно-демократической революции **по нарастающей**, как и Великой французской буржуазной революции в 1789–1794 гг. Во Франции за 1789–1794 гг. революция прошла три этапа: конституционно-монархический (май/июль 1789 – август 1792 гг.), буржуазно (либерально)-конституционный (август 1792 – июнь 1793 гг.) и буржуазно-демократический или якобинский (июнь 1793 – июль 1794 гг.). После термидорианского переворота (9 термидора или 27 июля 1794 г.) **Французская революция XVIII в.** пошла по нисходящей линии и завершилась пе-

¹¹ См.: История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009. С. 347.

¹² Там же. С. 347; Никонов, В. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 475–547.

¹³ См.: История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект; История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель, АСТ, 2009. С. 370–401; Олар, А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 650–692.

революцией 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., в результате которого установился личный, авторитарный **режим Наполеона Бонапарта**, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа¹⁴. Развитие революции во Франции по нарастающей и нисходящей линиях изобразим также в виде схемы 2.

Схема 1. – Великая Российская буржуазно-демократическая революция 1917–1939 гг.

Схема 2. – Великая Французская буржуазная революция 1789–1799 гг.

В своей истории **Великая Российская народно-демократическая революция в 1917–1939 гг.** прошла (и крайне неудачно!) буржуазно (либерально)-конституционный этап (февраль/март – октябрь 1917 г.) и

¹⁴ Соколов А.К. К революционному взрыву привело высокое социальное напряжение. Февральская революция 1917 года в российской истории. «Круглый стол» // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–6.

закрепилась на буржуазно-демократическом или большевистско-якобинском этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 – декабре 1922 гг. Осень – зима 1922 года, с нашей точки зрения, – это **финал развития** Великой Российской народно-демократической революции **по нарастающей**. Именно к этому времени завершилась гражданская война, военный коммунизм был заменен на нэп, а также восстановлена и укреплена через подавление контрреволюции и сепаратизма **единая российская государственность** под названием – **Союз Советских Социалистических Республик (СССР)**. После этого мы можем говорить о **завершении** движения Великой Российской народно-демократической революции 1917–1922 гг. по нарастающей, как и Великой Французской революции 1789–1794 гг. Но в более широком понимании **Российской революции** и всего того, что происходило с СССР и советским обществом в 1920–1930-е гг., мы можем говорить о **продолжении** Великой Российской революции 1917–1922 гг. по **нисходящей линии**, как и Великой Французской революции в 1794–1799 гг. Тогда в советской истории межвоенного периода следует выделять режим **«красного Директората» (1922–1929 гг.)** и режим **«первого красного консула» И.В. Сталина (1929–1938/1939 гг.)**, переросшего после «большого террора» 1937/1938 гг. и с принятием новой Конституции СССР в 1936 г. в **режим первой «красной империи» 1939–1953 годов**. На наш взгляд, «большой террор» второй половины 1930-х гг., принятие новой Конституции 1936 года, а также «номенклатурная революция» 1937–1939 гг. и де-факто и де-юре **завершили окончательно Великую Российскую народно-демократическую революцию 1917–1939 гг. в широком понимании ее хронологических рамок и окончательных результатов**.

Как отмечают **современные российские историки**, «важнейшим последствием большого террора стала новая система власти, в которой исчезли остатки коллективного руководства»¹⁵. По оценкам академического издания по истории России под редакцией **А.Н. Сахарова**, «большой террор» достиг целей, которые в основном интуитивно возлагались на него сталинским руководством. На руководящие посты выдвинулось более 500 тыс. новых работников, произошло перераспределение власти из рук старой гвардии в руки сталинских выдвиженцев, безгранично переданных своему вождю¹⁶. Репрессии сверху дополнялись доносительством снизу. Донос, особенно на вышестоящих начальников, соседей по квартирам, сослуживцев стал средством продвижения по службе, полу-

¹⁵ См.: Короленков А.В. Политическая система при Сталине: взгляд российского и немецкого историков // Российская история. 2013. № 3. С. 62.

¹⁶ См.: История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект. С. 1089.

чения квартиры. 80% репрессированных в 1930-е гг. погибли по доносам соседей и коллег по службе¹⁷.

За эти годы буржуазно-демократический или якобинско-большевистский этап Великой Российской революции и сформированный на этом этапе политический режим трансформировался в типичную разновидность **западноевропейской ненаследственной монархии**, но авторитарного, а затем тоталитарного типа. Ее сущность и динамику определяли уже «совбуры» (советская буржуазия) в лице новой советской гражданской и военной номенклатуры, новых сословий (рабочий класс, колхозное крестьянство и прослойка – советская интеллигенция). Но в советской истории под лозунгами социализма **«бюрократический абсолютизм»** (термин Л.Д. Троцкого) силовыми и далеко не цивилизованными методами выполнил те исторические задачи модернизации, которые встали перед Россией еще в конце XIX – начале XX в., и победил фашизм в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., однако ценой огромных жертв (более 27 млн человек). По мнению маршала Советского Союза **А.М. Василевского**, «без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в 1941 году. В том, что Гитлер решился начать войну... большую роль оказала оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел»¹⁸.

И.В. Сталин и сталинизм отразили в советской истории 1920–1950-х гг. идеологию и настроения **новой, советской номенклатуры**, вышедшей во многом из мелкобуржуазной крестьянской среды и других трудовых сословий, включая разночинную интеллигенцию, земское и иное низшее и среднее чиновничество императорской России. Придя и укрепившись во власти после смерти В.И. Ленина, **новая советская номенклатура** модернизировала бывшую царскую Россию, сломав окончательно старый сословный строй и создав новую экономику с помощью индустриализации и коллективизации, осуществив культурную революцию. **И.В. Сталин** превратился не только в **«красного диктатора»**, но и в настоящего **«народного вождя»**. Что касается бюрократического аппарата и чиновничества в царской России, то психологический феномен превращения бюрократа в революционера отлично показал в свое время **Иван Солоневич**: «Традиция русской дворянской литературы, собственный бюрократический быт и философия пролетарского марксизма, – отмечал он, – все это привело к тому, что старорежимная бюрократия оказалась носителем идей революционного социализма... Мелкий провинциальный чиновник Маркса не читал. Но Толстого и прочих он, конечно, читал. Он считал, что он, культурный и идейный человек (взятки никогда в мире никакой идее не мешали, как никакая идея не мешала взяткам), “служит государству”. А его сосед по улице, лавоч-

¹⁷ См.: История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект. С. 1077.

¹⁸ Там же. С. 1089.

ник Иванов, служит только собственному карману, других общественных функций у этого лавочника нет. Он груб. Он ходит в косоворотке, а его жена сама стирает белье... Социализм – это только расширение профессиональных функций бюрократии на всю остальную жизнь страны. Это подчинение лавочника Иванова контрольному воздействию философических образований, “культурной” массе профессионального чиновничества... Русскую революцию сделал вовсе не пролетариат. Ее сделали коллежские регистраторы и те сыновья коллежских регистраторов, которые потом получили новый чин: народных комиссаров»¹⁹.

Отметим, что в историографии существует **два взгляда на революционные события 1917 года**. Согласно первому, в России тогда произошли две революции – в феврале (буржуазно-демократическая) и в октябре (социалистическая). По второй версии февральский и октябрьский перевороты являются двумя последовательными ступенями или этапами одной революции. Версия одной революции высказана давно, самими ее «творцами. Ее придерживались большинство большевистских теоретиков до 1924 г. ибо концепция **перманентной революции**, разработанная **Л.Д. Троцким**, и **теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую** (два звена в одной цепи), предложенная **В.И. Ульяновым-Лениным**, при известных отличиях между ними, оценивали февральские и октябрьские события как единый процесс. Концепция двух революций восходит к дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л.Д. Троцкого, но окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при Советской власти в СССР²⁰.

Обозначение **октябрьского переворота 1917 г. в России Великой Октябрьской социалистической революцией** имело пропагандистский контекст и политическое звучание – подчеркнуть величие и гениальность ее «творцов», уникальность и всемирно – историческое значение этого события. В настоящее время все более российских и зарубежных исследователей склоняются в мысли о том, что февральские и октябрьские события 1917 гг. являются **двумя этапами одной революции**, начало которой, по словам доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета **Б.Н. Миронова**, целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1917 г., окончанию Гражданской войны²¹. «И это представляется вполне резонным, – полагает

¹⁹ См.: Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 176–178, 182; Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 105..

²⁰ Там же.

²¹ См.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Изд-во «Весь мир», 2012. С. 566; Заболотный Е.Б. Революция 1917 года на Урале (Историография). Тюмень: Издательство Уральского университета, 1995. С. 16; Логинов В.Т. Революции в России: спорное прошлое и неопределённые перспективы (Круглый стол к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Альтернативы. 1997. № 3. С. 5;

Б.Н. Миронов. – Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось временным, и парламент – предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным – большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет 1642–1660), также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции (1789–1799), историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельной революции»²².

В 2017 г. в Москве в издательстве «Алгоритм» вышла книга **Сергея Кара-Мурзы** «1917. Две революции – два проекта», в которой он утверждает, что «уже в 70-е годы XIX века Маркс и Энгельс в полемике с русскими народниками разглядели, что в России параллельно назревали две революции – не просто различные, но и враждебные друг другу.

На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные векторы и цели были принципиально различны. Позже Маркс и Энгельс пришли к убедительному выводу и внятно изложили в текстах:

– Маркс и Энгельс поддерживали революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю. Это революция, расчищающая путь для развития капитализма; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

– Маркс и Энгельс отвергали рабоче-крестьянскую революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути развития капитализма.

Эти две революции и состоялись в России. Первой была Февральская революция 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов (кадетов, меньшевиков и эсеров) это была прогрессивная революция. Вторая – Октябрьский переворот 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов – реакционная контрреволюция. Против Октябрьской революции они с помощью Запада развязали Граждан-

Солоневич, И.Л. Великая фальшивка Февраля. М.: Алгоритм, 2007. С. 513; Спиринов Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Изд-во «Мысль», 1987. С. 5.

²² См.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Изд-во «Весь мир», 2012. С. 566.

скую войну. Более того, они призывали левые “прогрессивные силы” Запада к Крестовому походу против Советов, а после поражения в Гражданской войне пытались организовать террористическую борьбу.

Понятно, как сложно для историков соединить в название “Великая Российская революция” две разные революции, которые столкнулись в Гражданской войне. К тому же, в этой колоссальной и противоречивой Революции произошло столкновение нескольких проектов развития России. Государственность, общество и национальная система России как цивилизации оказались на распутье перед несколькими историческими выборами.

Главные из больших стратегических проектов можно выделить: консервативный (Столыпинская реформа), буржуазно-либеральный (Февральская революция), советский (Октябрьская революция), а также ряд важных движений, неустойчиво примыкавших к этим проектам (монархисты и националисты, меньшевики и эсеры, анархисты и заинтересованные внешние силы»²³.

Первая мировая война и последовавшая в 1917 году революция, как отмечает **В.А. Никонов**, до сих пор окружены множеством мифов. Чаще всего считали, особенно в советские времена, так: слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, ее экономика рухнула, армия развалилась, людские ресурсы иссякли, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путем измены, за что буржуазия его и свергла в Феврале, а ее, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Все это весьма далеко от истины!

В начале XX века **Россия** не была сверхдержавой, но была одной из великих держав. 22,4 млн квадратных километров (площадь современной Российской Федерации – около 17 млн квадратных километров). Численность населения около 170 млн человек, каждый восьмой на планете (сейчас – каждый 50-й). Русское экономическое чудо было реальностью. По общим показателям индустриального развития Россия оказалась на четвертом месте на планете, ее доля в мировом промышленном производстве составляла 8,2%²⁴.

Россия уже не была неограниченной монархией, а Николай II был адекватным руководителем страны. Он проявил это мужество, когда принял на себя командование армией в августе 1915 года, после чего возросла ее боеспособность. На внутреннем фронте он пытался продемонстрировать свою волю, неподвластность требованиям Думы и, в то же время, лавировать, идя на точечные уступки требованиям оппозиции, что приводило к частым переменам в кабинете министров, непродуктивным во время войны.

Российский бизнес в начале войны активно способствовал переводу экономики на военные рельсы, принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор),

²³ Кара-Мурза С. 1917. Две революции – два проекта. М., 2017. С. 7–8.

²⁴ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 260.

взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. В земгоровских кругах были составлены еще в 1915 году списки будущего правительства, которые почти полностью совпали с составом первого Временного правительства, возникшего после Февраля. Из земгоровских кругов вышла и широко распространявшаяся по стране концепция «блока черных сил»: германофильской придворной партии, выступающей за сепаратный мир. Главой ее объявлялись императрица Александра Федоровна и Георгий Распутин, хотя доказательств их предательства никем найдено не было²⁵.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, явилась интеллигенция. Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в ее среде оказались распространены достаточно широко, многие считали патриотизм прибежищем негодяев. Именно из нее в основном и складывались все оппозиционные политические партии – от либеральных до экстремистско-террористических, включая большевиков.

Пролетариат и крестьянство по мере затягивания войны начали задавать вопросы о справедливости ее целей, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но инициаторами изменения существовавшего государственного строя рабочие и крестьяне, настроенные в основном консервативно, не выступали.

В русской революции сыграли роль **внешние силы**. Как и другие воюющие страны, Россия была объектом подковерной дипломатии, подрывных усилий спецслужб, международных пиар-кампаний, финансовых махинаций. Центральные державы проводили активную подрывную деятельность против России в рамках «стратегии апельсиновой корки»: расчленить Россию «как апельсин, без ножа и ран, на ее естественные исторические и этнические составные части» – Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ, Туркестан, которые должны стать независимыми государствами под германским контролем. Финансируемый из Германии копенгагенский Институт изучения социальных последствий войны во главе с Гельфандом (Парвусеом) выступал спонсором не только Ленина и большевиков, но и других оппозиционеров. Вклад в нарастание революционных тенденций внесли и союзники России, чья политика была, как минимум, трехслойной. На уровне глав государств, степень доверительности была высока (что не помешало предать Николая II). На втором – элитном – уровне к России относились плохо, считая ее диктатурой, а русских – полуварварским племенем. Отсюда – плохая пресса о России и ее руководстве. На третьем уровне – общественно-политическом – осуществлялась поддержка оппозиции внутри страны²⁶.

К моменту Февральской революции **Россия** была готова в военном и экономическом отношениях к успешному продолжению военных дей-

²⁵ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 261.

²⁶ Там же. С. 261–262.

ствий. Страна вооружила, снабдила и выставила на поле боя 60 армейских корпусов вместо тех 35, которыми располагала в начале войны. Численность действующей армии, в 1915 году не достигавшая 4 млн, к концу 1916 года составила 7 млн человек. Страна значительно нарастила свою собственную оборонную промышленность. Рекордными темпами – за 12 месяцев – удалось построить 1050-километровую железнодорожную колею до Мурманска, куда в основном поступала внешняя помощь. Продовольственные трудности в России имели меньшие масштабы, чем в других воевавших странах, наблюдались только в крупных городах, а основную массу населения – крестьянство – не затронули вообще. Потери убитыми, умершими от ран и ранеными (5,5 млн человек) были меньше, чем у Германии (6,05 млн), сражавшейся на два фронта. А по отношению к общему числу мобилизованных были вообще наименьшими из всех основных воевавших стран – 35,5%, по сравнению с 47% – у Франции и 55% – у Германии. Уже было ясно, что в войну на стороне Антанты в ближайшее время вступят Соединенные Штаты²⁷.

Нам уже не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершилась революция, следствием которой действительно было позорное поражение России и вынужденный унизительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась: Германия капитулировала в ноябре 1918 года. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воюющих стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же – триумфом Антанты, – но только намного раньше и с участием России.

Российская империя пала жертвой нескольких разрушительных потоков, которые сойдутся в двух точках – па улицах столицы и в Ставке. Все эти потоки носили форму малоскрываемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земгоровских и социалистических кругах и уже в полной мере затронули армейскую верхушку. Руководитель Ставки Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, сторонник парламентаризма, представит царю самый убедительный аргумент в пользу отречения – позицию армейского руководства²⁸.

Возникло Временное правительство, министров которого объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, Прогрессивному блоку Думы, к масонским ложам. Но одновременно социалистические партии сформировали Совет рабочих и солдатских депутатов, который осуществлял контроль за правительством, что создало ситуацию двоевластия. Правление олигархической и интеллигентской элиты, не понимавшей природы власти и страны, привело к тому, что в течение нескольких дней февраля – марта 1917 года исчезнет российская государственность. «Россия весной 1917 года явила миру уникальный пример правительства, порожденного рево-

²⁷ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 262.

²⁸ Там же. С. 262–263.

люцией, устранившего прежний аппарат управления прежде, чем оно (правительство) смогло бы заменить его структурами собственного производства», – с полным изумлением констатировал **Ричард Пайпс**²⁹.

Распадом государственности воспользовалась левацкая партия большевиков, у которой к осени окажутся преобладающие позиции в Советах, опираясь на них Ленин объявит себя верховной властью. Большевики породили надежду на мир и землю, что дало им ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти, – армию. Идея экспроприации экспроприаторов нашла более короткий путь к народной душе, чем концепция конституционализма. Большевизм воплотил и широко разлившуюся потребность в порядке. По словам Николая Бердяева, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться. Да и никто не спешил, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики – калифы на час и продержатся максимум до Учредительного собрания. Продержались 74 года³⁰.

Со своей стороны отметим, что ни одна революция прошлого не разрушала так радикально и беспощадно собственную государственность и «старый» госаппарат. **Российская народно-демократическая революция 1917–1939 гг.** была еще «безбожной» (атеистической) и русофобской. Она шла под лозунгом радикального социализма, мировой пролетарской революции и разрушения «старой» России. Предполагалось быстро, в сжатые сроки построить и создать «новое советское общество» и «нового советского человека». Это была еще и **первая в истории «цветная революция» Запада и англо-саксов**, имевшая цель полностью уничтожить как Российскую империю, так и «русскую цивилизацию» как таковую.

И Февральская буржуазная революция, и Октябрьская социалистическая, – отмечал известный российский политик-демократ эпохи Б. Ельцина **В. Костиков**, – вызывают в постсоветском обществе разных стран противоречивые суждения. Тем более последние социологические исследования указывают на то, что люди снова путаются с выбором пути: одним хочется больше социализма, государственной опеки. Другие полагают, что нужно больше капитализма, буржуазных свобод и меньше вмешательства государства.

Соответственно расходятся и взгляды на историю революции, особенно Октября 1917 г. Одни считают, что «великий Октябрь» открыл новые горизонты мировой истории. Другие – что это был «большевистский переворот», толкнувший страну на тупиковый путь развития. Полемика идет не только среди историков, политиков, публицистов...

Разрывы идут буквально по дням календаря. В течение почти 80 лет день 7 ноября считался в стране «красным днем» и воспринимался насе-

²⁹ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 263.

³⁰ Там же. С. 263–264.

лением как второй по значимости праздник после Нового года. Но с началом горбачевской перестройки достоянием гласности стали такие трагические последствия «великого Октября», что оценки стали меняться буквально на глазах.

В течение почти 70 лет призыв Ленина «превратить империалистическую войну в гражданскую» считался гениальным. Сегодня историки говорят о том, что большевики фактически развязали в стране гражданскую войну, натравили одну часть населения на другую. Критической переоценке подвергся и считавшийся ранее победой Ленина и Троцкого Брестский мир, по которому практически вся Украина и часть Беларуси были отданы Германии. По ходу усиления гласности и открытия архивов вскрылись и факты многочисленных крестьянских восстаний, масштабы разрухи и голода, последствия массовой эмиграции интеллигенции и научных кадров. Выявилась и истинная цена ленинской утопии о «неизбежности мировой революции»³¹.

Идет переоценка не только истории XX века, но и более ранних веков. Николай Кровавый стал «царем-великомучеником». Александра III советская историография преподносила как «тупого держиморду». Сегодня он превозносится как образец «консервативного реформатора». Столыпин из «вешателя» превратился в «прогрессивного управленца» и удостоился памятника около Белого дома. Политики настолько вошли во вкус исторических перелицовок, что спорят даже о, казалось бы, давно устоявшихся оценках. Об Иване IV, например. Фактически через него проецируются «новейшие» взгляды на роль Сталина. Оказывается, оба правителя – не злодеи, виновные в массовых убийствах, но государственники, строители сильной страны³².

По **Г.А. Трофимовой**, Октябрьская революция 1917 г. является, особенно в преддверии юбилея, событием широко обсуждаемым³³, в том числе в контексте недавнего российского прошлого и сегодняшнего дня³⁴. Между тем само событие до сих пор связывается, как правило, либо с положительной его характеристикой, либо с отрицательной. То есть и через 100 лет не удалось выработать наиболее объективного, независимого от личностных оценок подхода. Как видится, наиболее верным является анализ Октябрьской революции относительно нарушения, соблюдения и восстановления правовых норм.

С ее точки зрения, можно сделать следующие выводы³⁵:

1. В результате Октябрьской революции были нарушены следующие нормы позитивного права:

³¹ См.: Костиков В. Ремонт истории // Аргументы и факты. 2016. № 47. С. 4.

³² Там же. С. 4.

³³ См., например: Черных В.Ю., Черных Л.Н. От Октябрьской революции к февральскому перевороту, или Что такое революция? // Философия и общество. 2012. № 3. С. 85–93.

³⁴ См., в частности: Игрицкий Ю.И. Революции 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 116–124.

³⁵ См.: Трофимова Г.А. Октябрьская революция с позиции норм позитивного и естественного права // История государства и права. 2017. № 21. С. 10–11.

- 1) о законной смене власти;
- 2) о передаче власти Учредительному собранию как органу учредительной (и как констатируется в современном правоведении – высшей власти);
- 3) о соблюдении международных договоров об участии в военных действиях в рамках военного союза «Антанты».

2. В результате Октябрьской революции были восстановлены следующие нормы естественного права:

- 1) о праве на жизнь (на основе Декрета о мире);
- 2) о праве на здоровье (на основе Декрета о 8-часовом рабочем дне);
- 3) о праве на финансовую дееспособность (праве, возникающем одновременно с оформлением государства), реализованной для крестьян путем предоставления им права на землю (на основании Декрета о земле, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);
- 4) о праве народа на самоопределение (на основе Декларации прав народов России);
- 5) о запрете на эксплуатацию одним человеком другого (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа).

3. В результате Октябрьской революции в определенной мере были восстановлены следующие нормы естественного права:

- 1) о праве на управление делами государства (народовластии) путем учреждения в качестве главного органа законодательной (представительной) власти Съезда Советов, в перерывах между Съездами также выборного органа – ВЦИК (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);

- 2) о равенстве прав граждан (на основе Декрета об уничтожении сословий, гражданских, придворных и военных чинов, Декларации прав народов России).

4. В результате Октябрьской революции были нарушены следующие нормы естественного права:

- 1) о праве собственности путем искажения сущности данного права и недостаточной объективности в определении критериев для его ограничения и отмены (на основании Декрета о земле, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);

- 2) о равенстве прав граждан в части ограничения права по осуществлению управления делами государства для представителей иных социальных классов, кроме тех, кто поддерживал Советы (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа); в части осуществления свободы слова (на основе Декрета о печати);

- 3) о свободе личности – в части введения всеобщей трудовой повинности независимо от нарушения прав иных лиц (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа).

Таким образом, делает вывод **Г.А. Трофимова**, Октябрьскую социалистическую революцию можно определить как неоднозначное контекстовое событие, связанное с нарушением норм позитивного права при осуществлении прихода к власти большевиков; а также с восстановлени-

ем норм естественного права и нарушением ряда из них при реализации государственно-управленческой деятельности.

М.А. Фельдман считает, что главную роль в октябрьских событиях 1917 г. сыграла армия. Он отмечает, что дополнительным стимулом к полевению настроений масс стал масштабный вывод частей гарнизонов на фронт. По подсчетам Н. Попова, численность солдат, отправленных на фронт в июне – августе 1917 г., в России составляла более миллиона человек. Негативное отношение солдат к подобному действию фокусировалось большевиками в разоблачение «контрреволюционной и антисоветской акции». В такой ситуации чрезвычайные меры, предпринятые Временным правительством для борьбы с мятежом генерала Л. Корнилова, сыграли на руку большевикам. Созданные временные чрезвычайные органы власти – революционные комитеты (центры) – во-первых, оказались вне контроля правительственных структур. Во-вторых, они стали еще одним каналом усиления влияния леворадикалов в армии. Более того, в воинских частях и гарнизонах массовый характер приняли отказы солдат исполнять приказы командиров, изгнание неугодных офицеров. В-третьих, они привели к легальному вооружению рабочих в отрядах Красной гвардии³⁶.

Какой же тогда фактор стал решающим в условиях примерного равенства сторонников и противников революционного и эволюционного путей? Что определило реальное развитие исторических событий, начиная с конца октября 1917 г.? Таким фактором стала **армия**, точнее, **солдатские массы**, позволившие увлечь себя антивоенными лозунгами леворадикалов. Если до октября исход противоборства в послефевральских событиях 1917 г. демократической и антидемократической тенденций был неясен, то активное и широкомасштабное «включение» леворадикалами армии в политическую жизнь страны, своекорыстное использование ими антивоенных настроений солдатских масс изменили вектор развития российского государства. Мысль о значительной и даже решающей роли солдатских масс в событиях осени 1917 г. в целом в России прочно вошла в научную литературу³⁷.

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях 1917 г. участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были полностью вооружены только 28 – 29 октября. Укажем также на очень важный момент: в Петрограде основу наступающих на Зимний дворец составили солдаты трех полков Петроградского гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа.

Аналогичные процессы происходили и в регионах. Так, сопоставление численности двух основных социальных групп участников октябрьских событий на Урале – 3 тыс. красногвардейцев и свыше 60 тыс. солдат местных гарнизонов края, подпавших под влияние и контроль лево-

³⁶ См.: Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 116–117.

³⁷ Там же. С. 118.

радикального блока большевиков и левых эсеров, – ясно указывает на то, кто же сыграл основную роль в установлении советской власти в уральском регионе и в России в целом. События осени 1917 г. на Урале только иллюстрируют общие выводы о сущности тех процессов в прошлом России, которые вошли в историю как «Октябрьская революция».

В этой связи термин «леворадикальная» более подходит к типу Октябрьской революции, указывая не только на политические партии, возглавившие военный переворот, но и на соответствующий настрой пролетарских слоев рабочих России. Смена вектора развития означала осуществление в Октябре 1917 г. самостоятельной революции и начало принципиально нового этапа цивилизационного развития.

Главной силой Октябрьского переворота стали солдатские массы, что не позволяет квалифицировать революционные события осени 1917 г. как «пролетарскую революцию». Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением социальной революции в России. Сложное переплетение осенью 1917 г. четырех основных пластов общественного движения рабочих, солдат и крестьян – традиционалистского, демократического, радикально-антивоенного и социалистического – было использовано леворадикальными силами для захвата власти³⁸.

О выступлении большевиков знали заранее, планы переворота не являлись тайной. За несколько дней до событий 25 октября (7 ноября) 1917 г. Керенский считал, что ему необходимо выступление большевиков, чтобы окончательно их уничтожить. «Я был бы готов отслужить мобилею, чтобы такое выступление произошло... У меня больше сил, чем нужно», – говорил Керенский, по воспоминаниям бывшего члена Временного правительства кадета В.Д. Набокова. На эту деталь обычно не обращают внимания в исследованиях, а если и обращают, то относят к особенностям характера Керенского. Почему Керенскому нужно было выступление большевиков, совершенно понятно: с одной стороны, он мог ликвидировать для себя угрозу слева, с другой – получить поддержку всех партий и больше власти для наведения порядка в стране. Однако в этой политической игре Ленин его переиграл³⁹.

К утру 25 октября красногвардейцы с отрядами солдат и матросов заняли Центральную телефонную станцию, почтамт и большинство правительственных зданий. Зимний дворец, где заседало Временное правительство, оказался в полной изоляции. В ночь с 25 на 26 октября был взят и Зимний дворец. Члены Временного правительства были арестованы, главе кабинета А.Ф. Керенскому удалось покинуть столицу: он направился на фронт с целью собрать и привести в столицу войска для восстановления контроля в городе. Захват власти произошел непосредственно к началу работы II съезда Советов, которому, как впоследствии и всей стране, было сообщено, что вся власть в стране теперь принадлежит Советам.

³⁸ См.: Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 118–119.

³⁹ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 232–233.

25 октября 1917 г. Ленин, став во главе государства, выступил со знаменитыми словами перед Вторым съездом Советов: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено». «Отныне наступает новая полоса в истории России».

Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное правительство Керенского, обнаружила его внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила тогда даже хорошо осведомленных людей. Причина заключалась в том, что Временное правительство никто не хотел защищать.

Никто не считал его своим в полной мере, а к октябрю 1917 все политические силы, которые могли бы противостоять большевикам, не желали поддерживать персону Керенского, рассчитывали «утереть ему нос», чтобы показать свою необходимость или просто апатично наблюдали за происходившим.

В стране не было силы или сил, обладавших достаточный авторитетом и способностью удержать власть, избегая противостояния в обществе (т.е. гражданской войны). Это было связано с проблемой политических элит, запущенностью ряда проблем в обществе, которые не находили решения в течение длительного времени, и резкой радикализацией в обществе. Само попадание Керенского в кабинет министров, а затем во главу его – это демонстрация дефицита лидеров: не нашлось ни одной сильной фигуры, пришлось ставить яркую из того набора, что было⁴⁰.

Возвращаясь к **Великим революциям**, отметим книгу **Э.Э. Шульца** «Великая Русская революция (1905–1922)», в которой он отметил, что французская революция дала два разных шаблона с точки зрения массовости революции и участия в ней населения страны, однако центром и той, и другой стали столицы.

В Английской революции «что касается до народной массы, особенно сельской, то она не была глубоко затронута этой политической борьбой: “великий мятеж” не сопровождался кровавыми народными бунтами, а когда война затянулась, население во многих местностях устраивало нечто вроде вооруженного нейтралитета, чтобы не пускать к себе военных отрядов, чьи бы интересы они ни защищали, начало громко выражать желание, чтобы война поскорее прекратилась». На защиту парламента выступила столица, поэтому Карл I бежит из столицы, чтобы собрать войска и начать войну против парламента. Превосходство парламента заключалось в том, что на его стороне был Лондон.

Во Французской революции активное социальное противостояние охватило всю страну. Однако и здесь ключевую роль сыграла столица. Так, именно Коммуна Парижа привела к власти якобинцев 31 мая 1793 г.,

⁴⁰ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 233–234.

а жирондисты обвиняли Парижскую коммуну в диктате, указывая, что «Париж – это только секция государства», и ему не пристало диктовать свою волю всей стране. Сходная ситуация возникла и в Русской революции в 1917 г., которая долгое время была событием почти исключительно столичным, и только в 1918 г. она докатилась до окраин и вызвала Гражданскую войну по всей стране⁴¹.

Малочисленный количественный состав большевиков приводится в качестве аргумента, что никакого отношения к революции Октябрьский переворот не имел. Во-первых, по сравнению с фейянами, якобинцами и другими политическими клубами и партиями всех французских революций большевики выглядели огромной и массовой партией. Во-вторых, партия – это небольшая активная группа, борющаяся за власть, которая представляет интересы части общества. Эта внешняя сторона революций настолько бросается в глаза, что Бенджамин Франклин был уверен, что «великие мировые события, войны, революции и т.д. совершаются и ведутся партиями». То, что именно партии ведут политическую борьбу при поддержке различных социальных групп во время революций, отмечали уже Фрэнсис Бэкон и Томас Гоббс.

В-третьих, как мы увидим далее, начиная с сентября 1917 г., большевики имели серьезную поддержку у населения, которая позволила не только власть захватить, но и удержать и победить в Гражданской войне⁴².

Февральскую революцию 1917 г. сделала правящая элита и интеллигенция. Волнения в Петрограде были использованы для давления на царя с целью отречения. Сходный маневр наблюдался в 1789 г. во Франции. Однако государственный переворот не останавливает бунт во время революций, бунт (социальный протест в радикальных и массовых формах) продолжается. При высоком накале социальных противоречий и противостояния в обществе движение революции остановить невозможно, а при наличии активной левой партии, стремящейся взять власть с помощью такой революции, это движение делалось неизбежным. Поэтому следующий переворот осуществляют якобинцы и большевики, которые держатся у власти, пока уровень их социальной поддержки (основанной на харизме политических лидеров, пропаганде и степени удовлетворенности политикой), которая выражается в возможности мобилизации активных сторонников, не становится меньше, чем у противоборствующего лагеря (или лагерей). Во Франции в 1794 г. политические оппоненты сумели убрать якобинцев с политической авансцены, в России 1917 г. и далее у оппонентов не хватило сил. (Это было связано с проблемой политических элит, запущенностью ряда проблем в обществе, которые не находили решения в течение длительного времени, и резкой радикализацией в обществе.)

⁴¹ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 234.

⁴² Там же. С. 34–35.

Революция развивается справа налево с точки зрения политических терминов и принципов. От фейянов, через жирондистов, к якобинцам в Великой французской революции; от кадетов, через эсеров и меньшевиков, к большевикам в Великой русской революции. Раз начавшись (раскачавшись), революция не может остановиться, пока не пройдет свою крайнюю левую точку – точка левого экстремума. После этого происходит откат, но он никогда не достигает точки правого экстремума, если за такую точку считать момент начала революции. Перед началом любой революции действующий порядок, и те, кто его поддерживает, – это крайне правый сектор. На начало революции они являются контрреволюционерами. Движение революции происходит влево, и это смещение сдвигает и позиции: центр становится правым, левые центром, ультралевые – левыми. «Сегодняшние революционеры становятся реакционерами завтра», – справедливо заметил немецкий социолог Роберт Михельс⁴³.

Приход якобинцев к власти – это дальнейшее движение революции влево. Такого не произошло в Английской революции, остановившейся на этом пороге в силу иных социальных отношений, обусловленных более ранним историческим временем. Через полтора века во Франции социальные страты были уже более дифференцированы, а феодальные отношения становились еще большим рудиментом, более того, сказалась идеология Просвещения. Еще через столетие в России, где в иных исторических условиях социальные страты несколько отличались, сказывалось большее интернациональное влияние в виде философских и социальных идей, образцов подражания и т.д., а пережитки в социально-экономической сфере носили еще больший рудиментарный характер, случился более быстрый переход к радикально левым стадиям революции, которые контрреволюция не смогла упразднить, а «откат» был произведен самими крайне левыми у власти в виде новой экономической политики, а затем еще радикальней в период 30–40-х – время возврата империи.

Каждая революция ограничена **контрреволюцией**. Можно считать революцию «добром», а контрреволюцию, соответственно, «злом», или наоборот – все зависит от того, на какой стороне баррикад стоит тот, кто дает эти оценки. Революция и контрреволюция – это естественные, взаимозависимые процессы, невозможные друг без друга. Если перевести абстрактное понятие «контрреволюция» на язык повседневной жизни, то это определенная группа населения, которой не нравится то, что происходит. Чем дальше идет революция, тем большее количество населения переходит в лагерь недовольных. В момент, когда количество и активность контрреволюционной части перевешивает количество и активность революционной, контрреволюция побеждает.

Основной алгоритм всех революций заключается в том, что массовое сознание в ходе революции «движется влево» и двигает революцию влево. Часть населения удовлетворяется завершением этапом, и, соответственно,

⁴³ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 35–36.

происходит конфликт между движением влево и теми, кто желает остановиться в развитии революции. На поверхности этот конфликт выражается борьбой между выразителями интересов той и другой группы – партий и политических групп⁴⁴.

Любая идейная крайность, особенно настойчиво навязываемая, приводит к психологическому сопротивлению и откату на прежние позиции. Крайность заставляет запустить компенсирующий механизм – возврат к тому, что отрицалось. **Термидор** – контрреволюционный откат, шаг революции вправо в политологической терминологии или шаг назад, если мерить все действия линейным принципом. Термидор обозначает конец движения революции влево. За Термидором во многих классических революциях следует **режим бонапартизма**.

Термин не имеет точного однозначного определения, но базируется на определенных принципах: 1) бонапартизм – это определенный этап революции, который завершает ее движение; 2) это реакция общества на революцию и термидор и результат стремления различных слоев общества к порядку и сильной власти, что ведет к определенному «социальному согласию» и поддержке режима всеми большими социальными группами.

Карл Каутский, анализируя причины прочности режима большевиков, пришел в 1922 г. к выводу, что большевики сохраняют власть потому, что, когда революция пошла на спад, они взяли на себя функцию контрреволюции, то есть сами осуществили свой термидор. Можно согласиться с огромным количеством исследователей, которые видят в Сталине термидор или бонапартизм, или с точкой зрения, что Сталин – это и термидор, и бонапартизм «в одном флаконе». Нам ближе позиция Арно Мейера, что сталинский режим нельзя считать бонапартизмом, так как он расходится с ним коренным образом. Сталин не был компромиссной фигурой различных социальных групп, его правительству не было нужды лавировать между различными социальными группами. Период Сталина напоминает больше реставрацию монархии как с точки зрения объема власти, так и с позиции возвращения дореволюционных ценностей в новых исторических особенностях⁴⁵.

Б. Бачко связывал термидор с выходом из революционного террора, что заставляло автора считать приход термидора в России вместе с приходом к власти Н.С. Хрущева. Однако сам принцип террора и его масштабы являются весьма зыбкими. Тот революционный террор, который характеризовал якобинскую диктатуру (и в противопоставление которому пришел режим термидора), случился в Русской революции с периодом военного коммунизма и Гражданской войны. Считать же любой террор признаком якобинства и ставить в зависимость от этого наступление термидора некорректно.

⁴⁴ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 37.

⁴⁵ Там же С. 38–39.

Датировка революций вообще представляет достаточно сложный вопрос. В качестве ориентиров начала революции можно установить даты начала массовых акций протеста или государственный переворот, приведший в дальнейшем к революции. В качестве отметок завершения революции выступает еще больше претендентов: 1) термидор, 2) установление бонапартистского режима, 3) реставрация монархии, 4) окончание гражданской войны⁴⁶.

Необходимо отметить, что **бонапартизм и реставрация монархии** присущи не каждой революции, и это уменьшает их шансы на эталонность. Гражданская война внутри классических революций завершалась в разные периоды этих революций, поэтому этот принцип не может быть универсальным. И только термидор, как контрреволюционный откат, как шаг революции назад вправо, прослеживается во всех революциях, однако революционные изменения происходят и в период термидора, и дальнейший шаг – бонапартизм – вызван именно этим этапом и связан с ним генетически.

При отсутствии абсолютно однозначного решения представляется, что условной датировкой конца для большинства революций может служить прохождение революцией крайне левого состояния (упраздняется термидором, то есть госпереворотом с правым уклоном или сменой политики вправо самим революционным правительством) или конец гражданской войны.

Окончание гражданской войны в качестве датировки крайней границы революций применимо к революции в Нидерландах (1566–1609), Американской революции (1775–1783), Китайской революции (1911–1949). Этот принцип подходит для всех национально-освободительных революций и большинства революций Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, где движение шло из регионов и заканчивалось взятием столицы. Подходит этот принцип и для Русской революции, так как одновременно с окончанием Гражданской войны в 1922 г. большевики совершили откат в революции вправо (провели термидорианский переворот).

Таким образом, подчеркивает **Э.Э. Шульц**, с его точки зрения, то явление, которое мы называем Великой русской революцией, очерчивается границами 1905–1922 гг.⁴⁷

В рамках 1917 г., полагает **Э.Э. Шульц**, Русская революция дает аналогию с Французской революцией 1848 г., с тем исключением, что в ней «июньское восстание» (1848 г. в Париже) не было подавлено и к власти пришли более левые силы. Однако если раздвинуть границы за 1917 г., то в Русской революции прослеживаются аналогии со всеми большими этапами Великой французской революции⁴⁸.

Английская революция расценивается как 20-летняя борьба, т.е. период между 1640–1659 гг. Великая французская революция начинается взятием Бастилии 14 июля 1789 года и продолжается либо до Термидо-

⁴⁶ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 40..

⁴⁸ Там же. С. 62.

рианского переворота 27 июля 1794 г., либо до прихода к власти Наполеона в 1799 г. Начало революционных событий в России относится к 1905 г. После поражения революции в 1907 году начался период реакции, длившийся до 1914 года, когда война отложила на три года растущий протест и революционный взрыв. Русская революция, границы которой можно установить как 1905–1922 гг., прошла различные этапы: 1) демонстрации, забастовки, уличные бои и крестьянские восстания 1905–1907 гг. 2) период реакции 1908–1914 гг.; 3) свержение монархии в феврале 1917 г.; 4) государственный переворот 25 октября 1917 г.; 5) Гражданскую войну 1917–1922 г. Такая датировка Русской революции не является чем-то принципиально новым – ее выводил уже В.И. Ленин: 1) революция 1905–1907 гг. и контрреволюционная эпоха 1907–1914 гг., 2) восьмидневная февральско-мартовская революция 1917 г., 3) политический переворот 25 октября 1917 г. и Гражданская война. Объединял два этапа революций в одну и Л.Д. Троцкий⁴⁹.

Социальный протест является важной компонентой всех революций. Он может быть в активной или латентной форме, но именно недовольство общества (чаще – его части) существующим положением вещей ведет к смене во власти и кардинальным реформам. Перед Английской революцией вспыхнули восстания в Шотландии и Ирландии. Перед Великой французской революцией – восстания крестьян в ряде провинций. Военные мятежи, восстание в Москве и крестьянские бунты 1905–1907 гг. показали наличие серьезного социального протеста, ведущего к крайним формам противостояния в обществе. К 1917 г. эти факторы никуда не исчезли, они были загнаны вглубь и всплыли, как только кризис расшатал систему. Конечно, прямые переносы в истории не работают, но аналогии всегда полезны. Так, во Франции перед Великой французской революцией были попытки реформами предотвратить революцию, но реформы были свернуты и отменены. Тот же процесс наблюдается и в России 1905–1909 гг.⁵⁰

Возвращаясь к сравнительному анализу Русской революции, остановимся на еще одной современной ей революции – **революции в Германии**⁵¹.

3 ноября 1918 г. подняли восстание моряки Киля и Вильгельмсхафена, которые не желали больше воевать. Беспорядки охватили всю страну, кайзер Вильгельм II бежал из страны, а лидеры Социал-демократической партии Германии (СДПГ) провозгласили Германию республикой. Однако, как и в России, гражданская война в стране только начинала набирать обороты. 5 января 1919 г. (через два месяца после Ноябрьской революции) в Берлине вспыхнуло восстание, организованное только что возникшей Коммунистической партией Германии (КПГ) и «независимцами» (НСДПГ). Новой власти пришлось подавлять восстания в середине и второй половине января в Берлине, Бремене, Дюссельдор-

⁴⁹ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 62–63.

⁵⁰ Там же. С. 63.

⁵¹ Там же. С. 67–70.

фе, Мюльхайме, Халле и других городах. Однако уже 3 марта в Берлине началась всеобщая забастовка, а 5 марта – уличные бои. И снова вслед за Берлином пришлось подавлять восстания в других немецких городах: Лейпциге, Дрездене, Магдебурге, Брауншвейге – и в Баварии, где целый месяц просуществовала Баварская Советская Республика. Уже через год – в марте 1920 г. – произошел Капповский путч – попытка государственного переворота генералитета, за которой последовали всеобщая забастовка в Берлине и восстание рабочих в Руре. Красная гвардия Рурской области, организованная коммунистами, за 10 дней захватила основные города региона: Дюссельдорф, Эссен, Мюльхайм, Дуйсбург, Хамборн, Кирхеллен, Дорстен, Вольтен, Хальтем, Ольфег, Везель и Хилтуп. В начале апреля правительственным войскам удалось разгромить эти вооруженные части. Еще ровно через год – в марте 1921 г. – произошли новые выступления коммунистов. 22 марта 1921 года бастующие рабочие вступили в вооруженное столкновение с полицией в Айслебене и Шраплау, а затем в саксонских Хетштедте и Рублингене, а 24 марта КПГ организовала уличные беспорядки в Гамбурге в поддержку восставшей Саксонии. Забастовки рабочих охватили обширный район Саксонии. Войскам рейхсвера пришлось брать город за городом, и только 1 апреля восстание в Саксонии было окончательно подавлено. Через два с половиной года – 23–25 октября 1923 г. – лидер коммунистов Эрнст Тельман поднял восстание в Гамбурге, а 9 ноября в Мюнхене произошел т.н. «пивной путч», организованный лидером НСДАП Адольфом Гитлером и генералом Людендорфом. Оба выступления: слева и справа, в Гамбурге и Мюнхене, – были быстро подавлены⁵².

Исследователи делят Немецкую революцию на три или четыре этапа. 3–10 ноября 1918 г. – от восстания матросов в Киле до создания нового правительства – Совета народных уполномоченных. Второй этап – до январских боев в Берлине в 1919 г. Третий этап – до мая 1919 г. и падения Баварской Советской Республики или до восстания в Руре в марте 1920 г. К этому можно добавить и период до марта 1921 г. или до ноября 1923 г. с «пивным путчем» в Мюнхене и восстанием коммунистов в Гамбурге. На наш взгляд, периодизации Немецкой революции больше подходит двухэтапный принцип: 1) Ноябрьская революция и провозглашение республики в ноябре 1918 г., 2) январь 1919 – ноябрь 1923 г. – это попытки левых и правых сил свершить «частичный откат» или «продвинуть революцию дальше» – то есть сместить вправо или еще левее. Соответственно, и датировать окончание Немецкой революции точнее ноябрем 1923 г., когда дальнейшее движение революции влево потерпело поражение и в стране закончилась гражданская война. (После этих бурных событий социальный протест выплескивался на улицы, приводил к массовым манифестациям, забастовкам и беспорядкам, но не к восстаниям и большим вооруженным столкновениям. Этот протест несколько спал в

⁵² См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 68.

период экономической стабилизации 1926–1928 гг., но снова стал нарастать вместе с мировым экономическим кризисом 1929 г.)⁵³.

Общие черты Русской и Немецкой революций бросаются в глаза. Так, революция в России и в Германии и свержение монархии стали результатом поражения в войне и военных тягот. Как и в Русской февральской революции, ноябрьскую 1918 г. революцию никто не ждал и не готовил. Как и в Русской революции, все последующие выступления в Германии были спланированы и возглавлены. Ноябрьская революция, как и Февральская, произошла в результате забастовок рабочих и выступления ряда воинских частей в поддержку. И в России, и в Германии случился период двоевластия Советов и правительства. Выступления в Германии 1919–1921 гг. сильно походили на события 1917 г. в Петрограде: июльские события, Корниловский мятеж и т.д. Характерная особенность обеих революций заключалась в том, что к власти пришли социалисты – умеренно левые. Т.о., в отличие от известных до этого революций, не происходило длительное движение революции «справа налево» (если в России вести отсчет только с 1917 г.), а затем в обратном направлении – революция сразу дошла до возможного крайнего левого порога. Однако в России этот предел был пройден большевиками, и революция «забрала дальше влево», а в Германии заняла «линию равновесия», с которой ни правым, ни левым не хватило сил сдвинуть республику.

Примечательно, что Германская революция 1918–1923 гг. была сходна одновременно с Русской революцией в ее февральско-сентябрьской части и с Французской революцией 1848 г.: падение доверия к монарху, вооруженное восстание, отречение монарха и его отъезд за рубеж, провозглашение президентской республики. Только в Германии вместо одного «июньского восстания» (январское 1919 г. восстание спартакистов является аналогом июньского восстания во Франции в 1848 г.) последовали новые попытки как «правых», так и «левых» восстаний (1920–23 гг.).

Схожую картину дают и революции 1918–1919 гг. в Финляндии и Венгрии, с той лишь разницей с Германией, что попытка дальнейшего движения влево была пресечена значительно быстрее⁵⁴.

Как резюмирует **Э.Э. Шульц**, алгоритм революций, примеры которых приведены, показывает общеродовые свойства, а также сходство и различия, которые возможно отнести к различным видам и типам данного явления. Русская революция стоит в общем ряду революций в других государствах и в датирующих рамках 1905–1922 гг. или 1917–1922 гг. находит исторические аналогии и даже прямые совпадения в алгоритмах не только прародительницы – Великой французской революции (1789–1794), но и современных ей Турецкой (1908–1923) и Иранской (1905–1911) революций и революции в Германии (1918–1923). Указанные революции с точки зре-

⁵³ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 68–69.

⁵⁴ Там же. С. 69–70.

ния их алгоритма вполне выделяются в отдельный тип революций, который условно можно назвать «классическим».

В Германии не было первого этапа – 1789–1792 гг. во Франции, – когда монархия вначале становилась ограниченной, и только затем, на втором этапе, производилось свержение монархии. Здесь сыграл роль целый ряд факторов, и в первую очередь, конечно, поражение в войне: воспользовавшись слабостью власти, страна, которая уже имела демократический опыт парламента и даже сильную партию социал-демократов (самую сильную в Европе того времени), а также опыт соседних стран, в своей классической революции перепрыгнула первый этап.

В Турции и Иране четко прослеживается этот первый и последующие этапы. Некоторые отличия в турецкой истории привносятся вклинившейся войной, но и здесь бонапартистский режим сменяет «Директорию» и ведет войну с интервентами (правда, в случае с Наполеоном он в основном вел ее на чужой территории, а Кемалю пришлось выбивать захватчиков с турецкой земли). В случае с Ираном та же история заканчивается не Бонапартом и Кемалем и не Октябрем 17-го, а интервенцией, которая подавила революцию.

В истории с Русской революцией революционерам не удалось основательно взять власть и ограничить монархию, в результате чего революция на этапе 1905–1907 гг. потерпела поражение, но через паузу (период реакции) началась сразу же на том, на чем «закончилась», вторым этапом (1792–1793 гг. в ВФР) – свержением монархии, а затем переходом к якобинской диктатуре (причем активный протест стал подниматься в конце 1913 г. и был прерван с объявлением войны). Если провести полную аналогию между событиями, то в ВФР в 1792 г. революционеры короля свергли и казнили, а в России и Иране монархия взяла верх. В России следующий этап произошел, как только система была основательно ослаблена тяжелой войной, в Иране, которого не коснулась в такой мере I мировая война, только в 1978 г. снова созрели условия, и, как и в России в 1917 г., революция сразу началась вторым этапом – свержением шаха⁵⁵.

И.В. Стародубровская и **В.А. Мау**, отмечают что результаты Французской революции выглядят несравнимо более радикальным разрывом с прошлым, и можно предположить, что она должна была дать гораздо больший простор общественному развитию, чем Английская. Однако, как известно, Англия до сих пор избавлена от новых революционных потрясений, тогда как Франция пережила целую серию революций. Объяснение этого феномена видится в том, что в результате Английской революции 40–50-х годов и последовавшей за ней «славной революции» 80-х годов XVII века удалось установить политическую систему, способную саморазвиваться, адаптироваться к изменению условий в стране и отражать вновь возникающие политические и экономические интересы. Поэтому дальнейшее раз-

⁵⁵ См.: Шульц Э.Э. Указ. соч. С. 70–71.

витие могло идти эволюционным путем, а необходимые преобразования – осуществляться «сверху», существующим политическим режимом.

Иначе развивались события во Франции. Революция здесь не сумела устранить политические ограничители, установить политический порядок, способный адаптироваться к изменяющимся условиям. В результате страна прошла через длительный период революций и социальных потрясений и лишь во второй половине XX века обрела устойчивую политическую систему⁵⁶.

По мнению Дугласа Норта и Роберта Томаса, исторические условия еще в XIV–XV веках предопределили различный объем власти монарха и несхожие принципы налогообложения в Англии и Франции, что оказало принципиально важное влияние на их дальнейшее развитие. «В первой из них парламент смог вырвать у монарха право устанавливать налоги. В последней – хаос XV века и вызванная им незащищенность всех прав собственности привели к тому, что Генеральные Штаты отдали право устанавливать налоги Карлу VII в обмен на обещание в большей мере обеспечить порядок и защиту от мародерствующих банд наемников и английских завоевателей. Выполняя обещание, французский король уничтожил своих ближайших соперников, и это позволило Короне претендовать на большую долю общественных сбережений. В результате политические ограничители во Франции оказались гораздо более жесткими, чем в Англии. Французские короли получили возможность в гораздо больших масштабах регулировать жизнь своих подданных, создавая тем самым барьеры к адаптации. В то же время в Англии граждане сохранили существенную независимость от власти, что предопределяло достаточно высокую гибкость системы еще в предреволюционный период⁵⁷.

Если рассмотреть регулирование производства, для Англии и Франции были характерны схожие подходы, основанные на жестких ограничениях свободы предпринимательства: поддержка цеховой системы и связанных с ней ограничений емкости рынков, количества производителей, технологий производства, цен и заработков. Как отмечал Дж. Неф, «на протяжении восьмидесяти лет, предшествовавших гражданской войне, Елизавета и два ее преемника – Стюарта делали все, что было в их власти, для создания всеобъемлющей системы промышленного регулирования... Их цели были очень близки целям французских королей того времени. Они также стремились к регулированию в национальных интересах заработной платы». Принципиальная же разница заключалась в том, что французские власти смогли навязать выполнение принятых решений, тогда как в Англии они в основном оставались на бумаге. По словам того же Нефа, «в начале семнадцатого века способность короля и его советников применять на практике промышленное регулирование была подорвана в Англии и в то же самое время резко возросла во Франции»⁵⁸.

Во Франции в результате революции 1789 года, и в России в результате революции 1917 года произошло «осереднячивание» крестьянства, что не в полной мере снимало экономические ограничители, препятствующие

⁵⁶ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 50.

⁵⁷ Там же. С. 50–51.

⁵⁸ Там же. С. 51.

дальнейшему развитию. Создавались не очень благоприятные условия для проведения индустриализации и достижения быстрого экономического роста – недостаточная емкость внутреннего рынка, слабый приток дешевой рабочей силы в промышленность. Для Франции это означало низкую конкурентоспособность французских товаров по сравнению с английскими и сохранение экономической гегемонии Англии в Европе и мире. Однако в тот период это не грозило Франции более опасными последствиями: не было угрозы лишиться национальной независимости, опуститься до уровня третьестепенной державы и т.п.

Что касается **России**, то для нее задача ускоренной индустриализации воспринималась как вопрос жизни и смерти. Знаменитые слова Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – возможно, несколько драматизировали ситуацию, однако были не так далеки от истины. И сложившийся в результате революционных преобразований баланс сил в ходе термидора был насильственно изменен: коллективизация сельского хозяйства позволила осуществлять практически неограниченное перераспределение средств на нужды индустриализации. В Японии вопросы ликвидации барьеров на пути индустриализации также решались достаточно успешно, причем «неумолимость и смертельная опасность вызова, с которым столкнулась Япония после 1853 года, объясняет последующее стремление к модернизации, более единодушное, чем в континентальной Европе после 1815 года»⁵⁹.

По мнению **И.В. Стародубровской** и **В.А. Мау**, революции характерны в первую очередь для начальных стадий экономического роста, то есть для периода трансформации традиционного общества в индустриальное, называемой обычно процессом модернизации «революция есть характерная черта модернизации». Утверждалось, что все крупные революционные катаклизмы «произошли в эпоху “модернизации”, за последние несколько столетий мировой истории».

В последнее время, однако, все более популярным становится направление, связывающее революционные кризисы, в первую очередь, с циклическими процессами. Очень показательна в этом отношении работа Джека Голдстоуна, посвященная ранним революциям. Один из основных ее выводов заключается в том, что «не существует явных свидетельств, позволяющих рассматривать революции 1640 года в Англии и 1789 года во Франции как инструменты снятия препятствий на пути экономического развития». На этой основе делается глобальный вывод: «Природа ранних революций и мятежей нового времени описывается неточно, когда великое потрясение представляется триумфом прогресса в преодолении институциональных препятствий, а не циклическим кризисом, который расшатывает жесткую институциональную и экономическую систему, но почти никогда не приводит к ее фундаментальному изменению». Соответственно тракту-

⁵⁹ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 48–49.

ются и причины современных революционных процессов: «В наше время революции и государственные кризисы проистекают преимущественно из создающей... дисбалансы политики, а подчас все еще под давлением экологических проблем. Если здесь и прослеживается связь с экономическим ростом, то весьма косвенная.

Между тем именно для ранних революций достаточно хорошо просматривается взаимосвязь революционного кризиса с переходом к экономическому росту. Если обратиться к теоретическим аспектам проблемы, то выделяемые исследователями причины революций и причины начала экономического роста практически полностью совпадают. Так, Голдстоун непосредственно связывает революционный кризис с давлением роста населения на неспособные к адаптации экономические и социальные структуры. Одновременно в одной из основополагающих работ, анализирующих предпосылки экономического роста, утверждается: для начала устойчивого роста должны были сформироваться институциональные условия, а «решающим фактором, подталкивавшим к институциональному обновлению... был рост населения». Первой страной, где, по мнению ее авторов, в XVII веке были сформированы подобные предпосылки, оказалась Англия⁶⁰.

Есть и другие позиции по вопросу о времени перехода к устойчивому экономическому росту. Но взаимосвязь этого процесса с революциями просматривается практически во всех из них. Так, применительно к Англии, как уже отмечалось, некоторые исследователи относят первую промышленную революцию на предреволюционное столетие (1540–1640). Что касается Франции, то здесь до сих пор нет единого мнения о времени начала устойчивого роста, причем оценки варьируются от предреволюционных лет (вторая половина XVIII века) до 50-х годов (после революции 1848 г.)⁶¹.

Однако сам факт связи революций с экономическим ростом еще не позволяет определить, в какой момент перехода к устойчивому росту революционный взрыв наиболее вероятен. Более того, приведенные данные позволяют сделать вывод: революции возможны и до периода создания предпосылок устойчивого роста (Англия), и в процессе создания этих предпосылок (Франция, Мексика), и даже на более поздних стадиях устойчивого роста (Россия) (таблица 1).

⁶⁰ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 56–57.

⁶¹ Там же. С. 59–61.

Таблица 1 – Формирование предпосылок перехода к устойчивому росту

Страна	Начало долгого периода создания предпосылок перехода к устойчивому росту	Начало короткого периода создания предпосылок перехода к устойчивому росту	Начало перехода к устойчивому росту
Англия	1688 («Славная революция»)	1750	1780-е
Франция	1660 (реформы Кольбера)	1789 (начало Великой Французской революции)	1830-е (после революции 1830 года)
Германия (Пруссия)	1730 (Фридрих Вильгельм I)	1815 (после реформ 1807–1814 гг.)	1850-е (после революции 1848 г. и завершения аграрных преобразований 1807–1814 гг.)
Россия	1696 (реформы Петра I)	1861 (реформы Александра II)	1890-е (реформы С.Ю. Витте)
Япония	1853 (прибытие Коммодора Перри в Токійский залив)	1868 (революция Мэйдзи)	1880-е
Мексика	1877 (предреволюционный режим Порфирио Диаса)	1920 (завершение в основном Мексиканской революции)	1940-е

Источник: Rostow 1971 в, p. 55.

Более конкретный экономический анализ дает возможность с высокой степенью достоверности выделить «зону риска», в наибольшей мере чреватую революционными катаклизмами. Если сравнить страны, пережившие крупные революционные потрясения на этапе модернизации, по такому экономическому показателю, как валовой национальный продукт на душу населения в предреволюционный период, обнаружится интересная закономерность. Все они находятся в достаточно узком интервале, примерно от 1 200 до 1 500 долларов США (в долларах 1990 года). У нас нет данных по этим странам непосредственно на год революций, поэтому мы будем оперировать доступной информацией на ту дату, которая хронологически ближе всего к интересующей нас. Во Франции 1820 года этот показатель составлял 1 218 долларов, причем можно предположить, что за предшествующие 30 лет войн и революций его рост был весьма незначительным, если вообще происходил. В Германии 1850 года, сразу после революции, ВВП на душу населения достигал 1 476 долларов. Очень близок к тому же уровню показатель в Мексике 1913 года, спустя два года после начала революции он составил 1467 долларов. В тот же интервал попадают обе революции в России начала века: ВВП на душу населения там составлял 1 218 в 1900 году и 1488 – в 1913 году. К сожалению, мы не имеем сопоставимых данных для Англии первой половины XVII века, исходя из данных 1820 года (1 765 долларов) и грубой оценки темпов роста

в предшествующий период, можно предположить, что и в этом случае значения были достаточно близки к 1 200 долларов⁶² (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень ВВП на душу населения в периоды революций

Страна	Год начала революции	Уровень ВВП на душу населения (в долларах США 1990 г.)	Примечания
Англия	1640	близко к 1 200	Расчеты В.А. Мельянцева
США	1774	1820 г. – 1 287	Американская война за независимость
Франция	1789	1820 г. – 1 218	
Германия	1848	1850 г. – 1 476	
Япония	1868	1885 г. – 818	Революция «сверху»
Россия	1905	1900 г. – 1 218	
Мексика	1911	1913 г. – 1 467	
Россия	1917	1913 г. – 1 488	
Турция	1923	1922 г. – 561	Революция «сверху»
Китай	1911–1949	1950 г. – 614	В послереволюционный период не удалось перейти к устойчивому экономическому росту

Более того, примерно в тот же интервал по этому экономическому показателю попадают и крупные национально-освободительные движения, сыгравшие существенную роль в модернизации тех стран, где они происходили, и иногда также рассматриваемые как революции: Американская война за независимость (ВВП на душу населения в 1820 году – 1 287 долларов); движение Гарибальди в Италии (ВВП на душу населения в 1870 году – 1 467 долларов). Если же обратиться к революциям «сверху», то для них ВВП на душу населения окажется существенно ниже: в 1885 году в Японии он составлял всего 818 долларов (в 1868 году, очевидно, еще ниже); в Турции на момент прихода к власти Ататюрка – несколько более 560 долларов. Обобщенные данные по уровню ВВП на душу населения в периоды революций содержатся в таблице 2⁶³.

И.В. Стародубровская и **В.А. Мау** отмечают далее, что существуют еще по меньшей мере два феномена, имеющие прямое отношение к революциям, но явно выходящие за рамки модернизационного периода. Первый – так называемые Фашистские революции 20–30-х годов XX века. По крайней мере одна из них, германская, бесспорно, произошла в зрелом индустриальном обществе и не может быть полностью объяснена модернизационными проблемами. Далекое не все исследователи готовы отнести фашистские режимы и, в первую очередь, нацистский режим в Германии, к революционным. Но такая позиция

⁶² См.: Стародубровская И.В., Мау В. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 61.

⁶³ Там же. С. 61–63.

имеет право на существование и регулярно встречается в научной литературе. Второй – современные преобразования, охватившие Восточную Европу и бывший Советский Союз. Они явно носят революционный характер, некоторые из них представляют собой полномасштабные революции. Можно аргументировать, что и в Германии первой трети XX века, и в современной России модернизационные процессы не были завершены. Однако совершенно очевидно, что и технический базис, и социальная структура, и механизмы государственного управления в этих странах были совсем иными, чем в аграрно-бюрократических монархиях доиндустриального периода либо диктаторских режимах современного Третьего мира. Без объяснения источников революционных процессов, не вписывающихся в рамки модернизации, понимание причин революций не может быть полным и исчерпывающим⁶⁴.

Поскольку экономический рост непрерывно порождает новые тенденции и новые проблемы, постоянно требует адаптации, в принципе неудивительно, что он может провоцировать социальные кризисы, ведущие к революционным потрясениям. Тем не менее революции по мере завершения **модернизационных процессов** становятся все более редким явлением. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, во многих странах на этапе модернизации в результате различного сочетания реформ и революций основные барьеры к адаптации оказываются разрушенными, и в дальнейшем приспособление к новым требованиям происходит эволюционным путем. Лишь в тех случаях, когда по тем или иным причинам этого не произошло, ситуация чревата дальнейшими революционными потрясениями. Таким образом, процесс модернизации имеет принципиальное значение для дальнейших судеб страны; от него напрямую зависит сочетание эволюционных и революционных механизмов адаптации на последующих этапах развития.

Во-вторых, несмотря на потенциально конфликтный характер экономического роста, он далеко не всегда порождает потребность в радикальных изменениях институциональной структуры. Исторический анализ позволяет выделить три периода, когда необходимость адаптации к изменяющимся условиям становится вопросом «жизни и смерти». Мы будем называть их «кризисами экономического роста». Первый подобный период, на который обычно обращают наибольшее внимание, – это время создания предпосылок для перехода к устойчивому экономическому росту и ранние, наиболее конфликтные стадии роста. Он может быть назван кризисом ранней модернизации. Второй – кризис зрелого индустриального общества. Он наступает в наиболее развитых странах в первой трети XX века. Наконец, начало третьего кризиса относится к 70–80-м годам XX века. Его можно рассматривать как кризис ранней постмодернизации. Каждый из «кризисов экономического

⁶⁴ См.: Стародубровская И.В., Мау В. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 58.

роста» принципиально меняет характер требований к трансформации сложившихся в обществе структур и отношений⁶⁵.

Не во всех странах вхождение в «зону риска» сопровождалось нарастанием кризисных явлений. Исключения можно отнести к трем основным категориям.

Во-первых, это некоторые страны, которые, по выражению, Росту, были «рождены свободными», то есть возникли в результате массового переселения из метрополий на новые земли после Великих географических открытий и не знали ограничений Средневековья. Типичный пример – Канада, вступившая в «зону риска» в 50-е годы XIX века. Хотя, как показывает опыт ее южного соседа – Соединенных Штатов, – отсутствие средневековой регламентации само по себе еще не гарантирует от крупных потрясений.

Во-вторых, это ряд европейских, в первую очередь, скандинавских стран, где ограничения традиционного общества оказались весьма мягкими, поэтому модернизационные процессы в них не привели к масштабным кризисным явлениям. Период социально-политической турбулентности здесь в основном совпал с Наполеоновскими войнами, после которых процессы адаптации вошли в спокойное, эволюционное русло.

Так, в Швеции уже со второй половины XVIII века правящий режим начал осуществлять реформы, направленные на перераспределение земли и лесов в пользу крестьян, стимулирование огораживаний, облегчение налогового гнета. Эмансипация крестьянства и средних классов особенно усилилась после начала Великой французской революции. Обострение борьбы между дворянством и стремящейся к абсолютизму королевской властью привело в 1809 году к отстранению от власти законного монарха и принятию конституции, основанной на принципах английской Славной революции 1688 года, а затем к смене правящей династии. Основателем новой династии стал наполеоновский маршал Бернадот. В 40–60-х годах XIX века были проведены реформы, направленные на либерализацию экономики и окончательное избавление от средневековой регламентации: гильдии были ликвидированы, экспортно-импортные ограничения сняты, таможенные пошлины снижены. Тем самым эволюционным путем были созданы условия для начала промышленной революции⁶⁶.

Наконец, в-третьих, это страны, где ограничения традиционного общества, напротив, оказались слишком сильны. Здесь общественные отношения и связи не были расшатаны на начальных этапах модернизации. Типичным примером является Испания, где уровень ВВП на душу населения лишь в 1870 году достиг 1376 долларов. Однако и в это время страна избежала процессов, характерных для кризиса ранней модернизации (хотя и пережила период существенной политической нестабильности). Последствия не замедлили сказаться – отсутствие условий для устойчивого экономического роста, длительная стагнация и отставание от более быстро развивающихся государств⁶⁷.

⁶⁵ См.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 59.

⁶⁶ Там же. С. 62.

⁶⁷ Там же. С. 62–63.

Г Л А В А 6. ПРИЧИНЫ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ ТЕМЫ)

Основные причины, вызвавшие Вторую мировую войну, на сегодняшний день достаточно хорошо исследованы историками. Ключевыми детерминантами второй Великой войны стали¹:

1. Территориальные споры, возникшие после Первой мировой войны, а иногда и много раньше. Борьба за восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеванных другими во многом определяли международные отношения и геополитику держав в Европе и мире в период между двумя мировыми войнами и в конечном итоге привели к началу Второй мировой войны. Постоянные разногласия возникали из-за колоний. Все это вначале деформировало Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, а затем привело к ее краху. По **Э. ди Нольфо**, Парижские мирные договоры 1919–1920 гг. «лишь отчасти устранили причины войны»². Как отмечают совершенно справедливо авторы **«Системной истории международных отношений»**, «послевоенное урегулирование страдало двумя главными пороками. Во-первых, Версальский порядок не был всеобъемлющим. Из него «выпадали» Россия и США – две крупнейшие державы, без которых обеспечение стабильности в Европе к середине XX века было уже невозможно. Великие европейские державы – Франция и Великобритания – смогли восстановить многополярную структуру европейских отношений приблизительно в той форме, которая казалась им идеальной. В духе европейского равновесия XIX века они позаботились о том, чтобы на континенте не было ни одной страны, которая бы слишком явно вырывалась вперед по своим геополитическим и иным возможностям.

Поэтому усилиями Франции была разделена на части, искусственно уменьшена в размерах и поставлена в крайне тяжелое экономическое

¹ См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. / отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. очерк. С. 16–67; Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 11–21.

² Нольфо ди. Э. История международных отношений. 1918–1999. М., 2003. С. 30.

положение Германия. Но поэтому же усилиями Британии сама Франция не получила преобладания на материке и не смогла реализовать в полной мере планы расширения своего влияния. Внешне это было похоже на политику «баланса сил» в духе К. Меттерниха и Р.С. Кестльри. Но это был старый европейский баланс без старой Европы. То европейское равновесие было возможно при участии Пруссии, находившейся на месте единой Германии, и России. Новую европейскую безопасность предстояло строить в условиях объединившейся Германии и уменьшившейся в размерах, изолировавшейся от европейских дел России.

Первое из этих новых обстоятельств было учтено, и Германию раздробили. Это позволяло отсрочить конфликт между европейскими странами и естественным тяготением немцев к объединению. Второе – не было сразу даже осмысленно. Отчасти оттого, что участие США в европейских делах казалось достаточным возмещением за уход из европейской политики России. Срыв расчетов на сотрудничество с Соединенными Штатами в этой ситуации подрывал основы Версальского порядка в том виде, как он задуман исходно.

Во-вторых фундаментальной слабостью Версаля была заложенная им схема экономического взаимодействия европейских стран. Новое государственное размежевание полностью разрушило экономические связи в Центральной и Восточной Европе. Вместо емкого, обширного, пронизываемого и достаточно открытого рынка Европы «немногих больших пространств» – Франции, Австро-Венгрии, Германии и России – Европа после Версаля оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными стенами рынков и рыночков. Часто политически неприязненные друг другу новые малые государства остро соперничали и в экономической области, полностью сосредоточившись на собственных хозяйственных трудностях и не пытаясь компенсироваться для их преодоления совместными усилиями. Самоопределение породило экономический раскол, преодолеть который европейские страны не могли, что создавало постоянную неустойчивость экономической ситуации в Старом Свете. Как прозорливо заметил сразу после Парижской конференции Дж. Кейнс, в версальских основоположениях было слишком много политики и слишком мало заботы об экономическом порядке.

Для совместных решений по финансовым и экономическим проблемам Европа не была готова. Проблемой, в решающей степени усугублявшей ситуацию, было экономическое разорение Германии, задавленной тяжестью наложенных на нее репарационных выплат и неспособной поэтому выйти из состояния депрессии с быстротой, необходимой для экономического подъема во всей Европе»³.

2. Очень важной причиной начала Второй мировой войны было соперничество великих держав друг с другом, их стремление к экспансии, к европейской и мировой гегемонии⁴. **А. Гитлер** еще в 1925 г. в своей

³ Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2006. Т. 1. События 1918–1945 годов. С. 77–78.

⁴ См.: Смирнов, В.П. Указ. соч. С. 13–14.

книге «Майн кампф» («Моя борьба») провозгласил «Дранг нах Остен» («Натиск на Восток») Германии к «необъятным просторам России» с целью завоевания «жизненного пространства» для немцев. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в **меморандуме генерала Танака**, представленном императору. В нем говорилось: «Для того, чтобы покорить мир, мы должны прежде всего покорить Китай... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы». **Б. Муссолини** в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье» и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану⁵.

Концепция внешней политики Третьего рейха, разработанная Гитлером, включала несколько последовательных фаз: 1) «освобождение» Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 году; 2) «собираение немецких земель» и образование единого блока из ста миллионов немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе, аннексия или нейтрализация таких противников, как Австрия, Чехословакия или Польша; 3) устранение как потенциального противника Франции; и, наконец, 4) завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» – покорение Европейской России, сокрушение Англии и захват ее колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы», превращение Германии в великую и непобедимую континентальную и мировую державу – «тысячелетний рейх»⁶.

К сожалению, в западных столицах явно и целенаправленно не хотели замечать того, что творила нацистская Германия. Свои интересы были дороже. По мнению историков, многие документы кануна Второй мировой войны «позволяют утверждать, что после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать против СССР связанных с ней украинских националистов для отделения Украины от СССР, т.е. прибегает к тому, что позднее назвали «косвенной агрессией». Начальник штаба французского военного флота **адмирал Дарлан** в январе 1939 г. писал Даладье: «Мы должны прежде всего сохранить нашу империю. Остальное – второстепенно. Итак (если Германия не поддержит колониальные притязания Италии), мы должны предоставить ее свободу действий на Востоке»⁷.

3. Опасность войны особенно возросла, когда в целом ряде стран пришли к власти диктаторские, авторитарные, военные и тоталитарные

⁵ См.: Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 16.

⁶ Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 14.

⁷ Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / М. Волос, Я. Войтковяк, В.И. Дашичев и др. / под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 23.

режимы, готовые применить силу в разрешении тех или иных региональных проблем или ради достижения тех или иных геополитических планов и проектов. К концу 1930-х годов гражданское общество сохранилось лишь в 13 европейских странах (6 республик и 7 монархий): Франции, Великобритании, Бельгии, Голландии, Люксембурге, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Чехословакии, Швейцарии, Ирландии, Исландии. На остальной части Европы раскинулось обширное автократическое пространство, в которое входило 16 стран с тоталитарными или авторитарными режимами: Германия, Италия, Испания, СССР, Австрия, Португалия, Греция, Болгария, Венгрия, Югославия, Албания, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония⁸. Авторитарные государства отличались от тоталитарных тем, что в них у власти находились традиционные элиты (армия, государственная бюрократия, церковь), а тоталитарные режимы имели революционный или псевдореволюционный (лжереволюционный) характер⁹. Особенно большую роль в развязывании Второй мировой войны сыграли фашистские и милитаристские (военные) режимы в Италии, Германии и Японии¹⁰.

Как отметил в своей новой книге «Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего?» **Вячеслав Никонов**, «межвоенный период был ознаменован нараставшим сужением сферы распространения демократии в Европе. Если в 1920 году на всем континенте западнее Советской России существовали конституционные и избираемые представительные органы, то к началу Второй мировой войны они были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских государств, а ещё в пяти они прекратили существование, когда война началась. Лишь Британия и Финляндия, а также сохранившие нейтралитет Ирландия, Швеция и Швейцария все это время вплоть до 1945 года поддерживали деятельность демократических институтов»¹¹.

По **А.О. Наумову**, в 1934 году Гитлер достаточно конкретно сформулировал свою внешнеполитическую программу на ближайшее десятилетие: «В центре Европы должно находиться “стальное ядро” – “выкованная в нерушимое единство Германия” вместе с присоединенными к ней территориями Австрии, Чехословакии, Западной Польши. В качестве “монолитного блока ста миллионов людей” она составит “прочный фундамент господства над Европой”. Восточная Польша, Прибалтийские и Балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия должны быть объединены в зависимый от Германии “Восточный союз” – “союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики”. По такому же образцу будут созданы “Западный союз”, объединяющий Голландию, Фландрию и Северную Францию, и “Северный союз” из Дании, Швеции и Норвегии». Однако наряду с

⁸ См.: Пленков О.Ю. Новейшая история стран Европы и Америки: учебник для бакалавров. М., 2014. С. 117.

⁹ См.: Пленков О.Ю. Истоки современности (динамика и логика развития Запада в Новейшее время). СПб., 2014. С. 179–194.

¹⁰ Смирнов В.П. Указ. соч. С. 14.

¹¹ См.: Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2015. С. 82.

этим Гитлер высказывался и о прямой аннексии в будущем побережья Северной Франции, Фландрии, Голландии, Скандинавских государств и Швейцарии. “Время малых государств миновало... – говорил он. – Больше не будет никакого нейтралитета. Нейтралы окажутся захваченными силовыми полями великих (держав). Их поглотят. Все это не произойдет сразу. Я буду шаг за шагом, но с железной последовательностью продвигаться вперед”. “Без господства над Европой, – заключал Гитлер, – мы пропадем. Германия есть Европа”¹².

В 1935 году по указанию Гитлера статс-секретарь германского министерства внутренних дел В. Штукарт разработал детальные планы расчленения Франции. Францию Гитлер искренне ненавидел. Ещё в «Майн кампф» будущий фюрер писал: «Франция является смертельным врагом немецкого народа, она душит нас и лишает нас всякой силы». «Франция, – говорил Гитлер своим соратникам задолго до Второй мировой войны, – эта страна «негроидов», придет в упадок, который она тысячу раз заслуживает... Когда настанет время для сведения счетов с Францией, Версальский мир будет детской игрой по сравнению с условиями, которые мы навяжем ей»¹³. В планах Гитлера было и полное уничтожение Франции как независимого государства. На ее месте фюрер предполагал создать «образцовую» эсэсовскую «Бургундию» со столицей в Амьене. Главой государства прочили руководителя бельгийских фашистов Леона Дегреля.

Отношение Гитлера к Великобритании, в отличие от Франции, носило более сложный и противоречивый характер. В течение многих лет германский фюрер рассматривал Англию, наряду с Италией, как своего возможного союзника или, на худой конец, как фактор, который не будет препятствовать германской экспансии в Европе, особенно на Востоке, если гарантировать неприкосновенность Британской империи и не затрагивать ее заморских интересов. Гитлер выдвигал в «Майн кампф» даже идею установления совместно с Англией «нордическо-германского» господства над Европой». Тем не менее уже 23 мая 1939 года Гитлер выразился достаточно категорично: «Наша цель будет всегда заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени»¹⁴.

4. Важной причиной, приведшей Европу ко второй Великой войне, стали глубокие изъяны в самой Версальской системе международных отношений и Лиге Наций. По мнению **О.Ю. Пленкова**, Версальскую конференцию 1919 г. в Париже «следует рассматривать не как генеральную ассамблею всех европейских государств, а как конгресс победителей, так как побежденные не были представлены на ней»¹⁵. Конвенция о создании Лиги Наций вступила в силу 10 января 1920 г., в тот же день, что и Версальский договор. Главный недостаток в организации Лиги Наций – все ее решения принимались только единогласно, достаточно было одно-

¹² Наумов А.О. Указ. соч. С. 15–16.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 16–17.

¹⁵ См.: Пленков О.Ю. Новейшая история стран Европы и Америки. С. 118.

го голоса против, чтобы блокировать любые ее решения и действия. Кроме того, США оставались вне Лиги Наций, а Великобритания не подписала основной Женевский протокол 1924 г. о мирном урегулировании конфликтов. Германия пребывала в Лиге Наций в 1926–1933 гг., Италия – в 1920–1937 гг., СССР – в 1934–1940 гг. Трагедия периода между двумя мировыми войнами состояла в том, что каждая страна оказывалась политически права, но не было достигнуто разрешения проблем, одинаково приемлемого для всех¹⁶. И Версальско-Вашингтонская система международных отношений рухнула. Ее окончательно похоронила Мюнхенская конференция 1938 г., а агрессивные действия Японии на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. означали начало ее краха.

В 1934 году польский лидер **Й. Пилсудский** подписал с Германией декларацию о ненападении и дружбе, изменив традиционной профранцузской ориентации. 24 октября 1936 года А. Гитлер и Б. Муссолини объявили о создании оси Берлин – Рим, а 25 ноября в Берлине будущий глава германского МИДа Й. фон Риббентроп и его японский коллега К. Мисакодзи подписали **Антикоминтерновский пакт**¹⁷. Гитлер открыто заявил, что теперь он способен победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Англию. 30 января 1937 года он произнес в рейхстаге знаменитую фразу: «Германия убирает свою подпись с Версальского договора»¹⁸. Тем временем началась схватка за Испанию, где Советский Союз оказал военную помощь законному республиканскому правительству, помог в формировании интернациональных бригад, воевавших с профашистскими мятежниками генерала Франко при фактическом невмешательстве западных демократий.

По **В.А. Никонову**, стратегия А. Гитлера, разработанная к началу 1939 года, заключалась в том, чтобы разгромить всех своих соперников поодиночке, избегая войны на два фронта. Из двух главных соперников на континенте – СССР и Франции – последнюю сочли более слабым соперником, с которого и следовало начинать. Планировалось в марте покончить с Чехословакией, до осенней распутицы – с Польшей, в 1940 году – разгромить Францию и, по возможности, Англию, и уже в 1941 году осуществить «главную цель» – уничтожить СССР. В середине марта 1939 года Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство. 3 апреля была издана директива о готовности германских войск к нападению на Польшу к 1 сентября 1939 года, а 11 апреля Гитлер подписал соответствующий план «Вайс».

Как совершенно справедливо отмечает **В.А. Никонов**, в те дни, когда Германия готовилась к нападению на Польшу, СССР уже вел полноценную войну с японцами. СССР, естественно, был заинтересован в сохранении Польши как буферного государства, отделявшего его от Германии. Но для этого она должна была разрешить себе помочь, принимая гарантии безопас-

¹⁶ См.: Пленков О.Ю. Истоки современности. С. 173.

¹⁷ Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1. С. 280–281.

¹⁸ Никонов В.А. Указ. соч. С. 83.

ности с нашей стороны, на что так и не согласилась. Польше могли помочь Франция и Великобритания, если бы дали всерьез понять Берлину, что действительно готовы воевать с Германией, когда та нападет на Польшу. Напротив, Гитлер получал с Запада успокаивающие сигналы, что войну объявят, но воевать не станут. СССР все еще не рассматривался в Париже и Лондоне как государство, с которым «приличные» страны могут вступать в союзнические отношения¹⁹. В ночь с 23 на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении и протокол к нему. 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась самая кровопролитная война в истории человечества.

5. Важнейшей причиной возникновения и начала Второй мировой войны было стремление англо-саксонского мира (США и Великобритания, прежде всего) уничтожить в ходе длительного мирового военного конфликта **Советский Союз**. В этом цели Лондона и Вашингтона совпадали не только друг с другом, но и, как покажет время, военно-политическими планами и геополитическими проектами фашистской Германии и милитаристской Японии, т.е. Берлина и Токио. Антигитлеровская коалиция государств, сложившаяся в годы Второй мировой войны, отнюдь не означала дружбы Лондона и Вашингтона с Москвой. Скорее всего, это были «дружеские объятия» англо-саксов, имевшие основной целью и задачей все то же «удушение» СССР, что показала «холодная война» 1945–1991 гг, да и межвоенный период 1919–1939 гг.²⁰ Справедливости ради, следует сказать, что и Москва далеко не была ангелом в те годы. В первой Конституции СССР 1924 г. было сказано, что Советское государство «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую советскую республику»²¹. Но англо-саксонский мир конфликтовал с Россией, и не единожды, еще начиная со средневековья, используя при этом четыре ключевых рычага давления на Россию и СССР: войны, революции, сепаратизм, подкуп номенклатуры и интеллигенции с целью создания «пятой колонны». Обе революции в России и против России были проплачены американскими, английскими, а при их содействии и негласной поддержке, еще немецкими и японскими банкирами и промышленниками, в том числе такими известными иудейскими банкирами, как Я. Шифф, Ротшильды и Варбуги²². Ничего не изменилось и в наши дни, начиная с разрушения Советского Союза в 1991 году.

¹⁹ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 84–85.

²⁰ См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 18–21.

²¹ Конституция Союза ССР и союзных республик. М., 1933. С. 6–7.

²² См.: Платонов О.А. Цареубийцы. М., 2015. С. 91–269; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания: Сборник. СПб., 2001; Соболев, Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб., 2002; Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004; Шиссер Г. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004; Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007; Фельштинский Ю.Г. Германия и революция в России. 1915–1918. Сборник документов. М., 2013; Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции. М., 2014; Шамбаров В.Е. Фашистская Европа. М., 2014. С. 8–9.

Еще в годы Первой мировой войны в американских правящих кругах вырел «**план Хауза**». Задолго до З. Бжезинского в 1916 г. советник президента США В. Вильсона **Эдвард Хауз** писал²³: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будет четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны».

По **В.А. Никонову**, британский премьер Болдуин говорил в 1936 году, что Великобритания «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по-видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии». Поэтому он приветствовал желание Гитлера двигаться на восток: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Тех же принципов придерживался и сменивший его на посту премьера в 1937 году Невилл Чемберлен, который полагал: «Для нас, разумеется, стало бы наилучшим исходом, если бы эти бешеные псы – Гитлер и Сталин – сцепились и разорвали друг друга». В Мюнхене в сентябре 1938 года Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье подписали смертный приговор Чехословакии, запретив ей сопротивляться или просить советской помощи. В Москве мюнхенскую политику однозначно оценили как умиротворение агрессора с целью натравить его на СССР. А Польша поучаствовала в разделе Чехии и получила от Геринга уверения, что «в случае осложнений с Россией Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии»²⁴.

Таковы **основные причины и мотивы**, вызвавшие начало Второй мировой войны. Сложнее обстоит дело с **началом и хронологическими рамками** Второй мировой войны. Во-первых, целый ряд видных политических деятелей Запада отнюдь не относили начало Второй мировой войны к 1 сентября 1939 г. **Ф. Ноэль-Бэйкер**, глава британской делегации на заключительной сессии Лиги Наций (1946 г.), заявил: «Мы знаем, что мировая война началась в Маньчжурии 15 лет назад». То есть в 1931 году²⁵. В свою очередь, **Г. Стимсон**, госсекретарь США при президенте Г. Гувере и военный министр в администрации **Ф.Д. Рузвельта** вывел траекторию Второй мировой войны от железнодорожных рельсов под Мукденом (сентябрь 1931 г.) до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (август 1945 г.)²⁶. Можно воспроизвести полностью обращение Ф.Д. Рузвельта к американскому народу от 9 декабря 1941 г., в котором тогдашний американский президент перечислил все ключевые события уже шедшей Второй мировой войны²⁷:

«В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию – без объявления войны.

В 1935 г. Италия захватила Абиссинию – без объявления войны.

В 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию – без объявления войны.

²³ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 10.

²⁴ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 83–84.

²⁵ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945 годы. М., 2010. С. 56.

²⁶ См.: Фалин В.М. «История – наилучший учитель, а мы – нерадивые ее ученики» // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 33.

²⁷ См.: Фалин В.М. «История – наилучший учитель, а мы – нерадивые ее ученики» // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 33; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 17.

В 1939 г. Гитлер захватил Чехословакию – без объявления войны.

В том же 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу – без объявления войны.

В 1940 г. Гитлер вторгся в Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию и Люксембург – без объявления войны.

В 1940 г. Италия напала на Францию и позднее на Грецию – без объявления войны.

В 1941 г. Гитлер вторгся в Россию – без объявления войны.

А сейчас Япония напала на Малайские острова и Таи и на Соединенные Штаты – без объявления войны. Метод везде один». К перечню Ф.Д. Рузвельта можно добавить ещё вторжение Японии в Центральный Китай в 1937 г. и германо-итальянскую интервенцию в Испанию в 1936–1938 гг.

Во-вторых, то что Вторая мировая война уже шла, говорят и другие факты. Как отмечает доктор исторических наук, бывший посол СССР в ФРГ в 1970-е годы **В.М. Фалин**, «на момент нападения Германии на Польшу погибло около 20 млн китайцев. Однако считается, что Вторая мировая началась 1 сентября 1939 г.»²⁸. Тем самым, авторитетный дипломат и историк, бывший советский посол в ФРГ в 1971–1978 гг., референт Н.С. Хрущева и А.А. Громыко ставит под сомнение начальную дату Второй мировой войны в официальной историографии – **1 сентября 1939 г.** Президент Фонда исторической перспективы, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН (г. Москва), доктор исторических наук **Н.А. Нарочницкая** в одной из своих работ подчеркнула, что «если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война – самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов... Передел мира на Дальнем Востоке унёс жизни более 35 млн человек – прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией. Уже в 1931 г. Япония тогда захватила территории, равную площади Франции»²⁹.

В июле 1933 г. правительства Франции, Великобритании и Италии подписали с гитлеровской Германией «**Пакт согласия и сотрудничества**». Западные столицы стали открыто подталкивать ее к военному походу на восток, а сам «пакт 1933 г.» открывал путь к «мюнхенскому сговору» 1938 г. Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекал из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился тогда **Ллойд Джордж**. «Мы предоставили Японии свободу действий против СССР, – пояснил он. – Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на Восток и тем самым обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии»³⁰. Заметим попутно, что архивы Парижа, Лондона и Рима по подготовке и подписанию «Пакта согласия

²⁸ См.: Фалин В.М. Указ. соч. С. 33.

²⁹ Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 14.

³⁰ Там же. С. 15.

и сотрудничества» с фашистской Германией в июле 1933 г. со сих пор не открыты. Наверно, есть что скрывать.

Третий важный момент. На него обратил внимание профессор кафедры политической психологии СПбГУ **Андрей Вассоевич**. «Но почему англосаксонскому миру так важно, — задается вопросом наш российский коллега, — чтобы Вторая мировая война началась именно 1 сентября 1939 г.? Потому что при такой трактовке Запад может легко назвать пакт Молотова–Риббентропа спусковым крючком к мировой войне и объявить Россию как правопреемницу СССР одной из виновниц в ее развязывании. Вместе с тем затушевывается значение других дат»³¹. Одновременно профессор А. Вассоевич полагает, что «Вторая мировая война началась в 1937 году с нападения Японии на Китай», добавляя, что «если мы солидаризируемся в этом вопросе с учеными КНР, то мозаика сложится моментально — станет понятно, что и закончилась мировая война 2 сентября 1945 года там, где и начиналась, то есть на Дальнем Востоке»³².

И в-четвертых, 10 марта 1939 г. в Москве открыл свою работу XVIII съезд ВКП(б). В тот же день, на вечернем заседании, с отчетным докладом перед делегатами съезда выступил **И.В. Сталин**. Анализируя международное положение Советского Союза, он подчеркнул, что «уже второй год идет новая империалистская война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима»³³. Говоря о мировом экономическом кризисе 1929 — 1933 гг., И.В. Сталин заявил, что за ним последовала депрессия, а затем некоторое оживление, «которое, однако, не переросло в процветание». Мир и Европа снова оказались в начале нового экономического кризиса. «Нынешний кризис, — заявил И.В. Сталин, — разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны»³⁴. Правда, даже И.В. Сталин оговорился: «Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессору уступку за уступкой»³⁵. Но до этого И.В. Сталин говорил:

«Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере

³¹ См.: Вассоевич А. Когда же началась Вторая мировая // Невское время. 2015. 4 сентября. С. 5.

³² Там же. С. 5.

³³ См.: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 9.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ См.: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 12.

Испании и в испанском Марокко, а Италия – на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года – Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. – остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибраатара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на дальнем Востоке – договор девяти держав, а в Европе – версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государства, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинула вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия – версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций.

Новая империалистическая война стала фактом»³⁶.

Все это говорит о том, что **И.В. Сталин** был уверен, что вторая «большая война» уже шла, второй год, как он отметил в своем отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б). И.В. Сталин, несомненно, понимал под началом «второй империалистической войны» события начала июля 1937 г. на Дальнем Востоке.

Что же там произошло? 7 июля 1937 г. у старинного моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) в окрестностях Пекина произошло вооруженное столкновение между китайскими и японскими солдатами³⁷. Воспользовавшись этим инцидентом, японские войска развернули наступление вглубь Китая. С 27 июля 1937 г. началась **полномасштабная война**, продлившаяся восемь лет. Япония формально не объявляла войны правительству Гоминьдана и именовала ее «Китайским инцидентом» (так же как захват Маньчжурии в 1931 г. был официально назван «Маньчжурским инцидентом»), стремясь тем самым принизить значение происходящих событий в глазах Запада и собственного общественного мнения. Япония утверждала, что не намерена завоевывать Китай и действует лишь «в порядке самозащиты». Она даже «признавала» суверенитет правительства Чан Кайши над оккупированными террито-

³⁶ См.: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 14–15.

³⁷ См.: История Востока: в 6 т. / отв. ред. Р.Г. Ланда. М., 2006. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. С. 614–615; Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 143.

риями, хотя и смещала там местную гоминьдановскую администрацию. Китай тоже воздерживался от официального объявления войны агрессору, оставляя себе возможность для политического маневрирования. Оба государства продолжали поддерживать дипломатические отношения. Это была «странная война наоборот», если сравнивать ее с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась. Так началась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, ставшая впоследствии составной частью Второй мировой войны. Она продолжалась до 2 сентября 1945 г. и стоила жизни более чем 20 млн жителям Китая³⁸.

Вывод: С причинами и мотивами Второй мировой войны в принципе картина достаточно полная и понятная. Могут быть лишь нюансы и, конечно же, дискуссии. А вот с началом Второй мировой войны, как говорится, не все так однозначно. На изначальную дату второй Великой войны явно определились **три точки зрения**. Первая, это официальная и общепринятая: Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. и ее начало было спровоцировано фашистской Германией в польском городе Глейвице (Гливице) вечером 31 августа того же года³⁹. В европоцентристских исторических и иных исследованиях «время после прихода Гитлера к власти в 1933 г., а в работах по Тихоокеанским проблемам – после маньчжурского конфликта 1931 г. считается инкубационным периодом мировой войны»⁴⁰. Данная точка зрения остается и сегодня господствующей, как среди основной массы историков, так и среди тех, кто вершит в наши дни «большую политику». В свое время, как уже было сказано, и И.В. Сталин полагал, что до начала сентября 1939 г. всеобщей, мировой войны не было, но всюду шла вторая империалистическая война. И.В. Сталина можно понять: он знал, что и как сказать, чтобы не задеть Лондон, Париж и Вашингтон, ведя сам, как и в западных столицах их же лидеры, «большую игру»⁴¹. На самом деле, **И.В. Сталин** был уверен, что мировая война идет с лета 1937 г. и он не скрывал этого на XVIII съезде ВКП(б), но вел себя как великий политик и дипломат.

Ф.Д. Рузвельт, другие американские и британские политики того времени также были уверены в том, что с лета 1931 г. шла мировая война. Это вторая точка зрения на начальную дату Второй мировой войны. Нынешние известные российские историки, в их числе **Н.А. Нарочницкая** и другие,

³⁸ См.: Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг.: учебник. М., 2006. С. 371–372.

³⁹ См.: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война 1941–1945 / под ред. О.А. Ржешевского. М., 2005. С. 7–8; Смирнов, В.П. Указ. соч. С. 62–63.

⁴⁰ Шрайбер Г. Вторая мировая война в международных исследованиях. Концепции, тезисы, разногласия / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 8.

⁴¹ См.: Верховский Я.Г., Тырмос В.И. Сталин. Тайный «Сценарий» начала войны. М, 2005. 608 с.

также полагают, что Вторая мировая война началась в сентябре 1931 г. Нами тоже высказывалась совсем недавно подобная точка зрения⁴².

Наиболее правильной, пожалуй, будет **третья точка зрения** и мы также все более склоняемся к ней: **Вторая мировая война однозначно началась 7 июля 1937 г. нападением Японии на Китай**, хотя об этом официально никто не заявлял. **Завершилась Вторая мировая война 2 сентября 1945 г.**, там, где она и началась. В огне сражений, голода и болезней она поглотила более 100 млн человеческих жизней⁴³. А первым шагом к полномасштабной войне 1937–1945 гг. стал «**маньчжурский инцидент**» 18–19 сентября 1931 г., когда Япония использовала небольшой конфликт между японскими солдатами и китайскими «бандитами» как предлог для оккупации большей части Маньчжурии⁴⁴. Сегодня в Китае считают, что Вторая мировая война началась, как минимум, в 1937 году. С учетом этих лет (1937–1945) потери Китая в человеческих жизнях превысили даже советские и составили, по-видимому, не менее 35 млн человек⁴⁵.

Вторую мировую войну начинали не А. Гитлер и И. Сталин, не фашистская Германия и Советский Союз, а фашистские Германия и Италия в Европе и милитаристская Япония в Китае и на Дальнем Востоке. Первые итоги шедшей уже в Европе и за ее пределами второй Великой войны подвела и зафиксировала своими решениями печально известная **Мюнхенская конференция 1938 г.** с участием Н. Чемберлена, Э. Даладье, А. Гитлера, Б. Муссолини. **Советский Союз** вынужден был в таких условиях защищать свои национально-государственные интересы и оказался спровоцировано втянутым во Вторую мировую войну, которая для нашего общего тогда и единого Отечества стала **Великой Отечественной войной**.

⁴² См.: Космач В.А. Начало и причины Второй мировой войны в современной российской историографии / Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXI (68) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск, 11–12 февр. 2016 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. Т. 1. С. 282–283.

⁴³ См.: Космач, В.А. Указ. соч. С. 283.

⁴⁴ См.: Асташин В.В. История международных отношений и внешней политики России / В.В. Асташин. Ростов-на-Дону, 2010. С. 247–248; История Востока. Т. 5. С. 609–610; Молодяков В.Э. и др. Указ. соч. С. 122–123.

⁴⁵ См.: Союзное вече. 2015. № 20 (611). 14–20 мая. С. 5.

Г Л А В А 7. ВЕЛИКАЯ ПРАВДА ПОБЕДЫ. К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Вплоть до сегодняшнего дня на Западе продолжают попытки возложить ответственность за начало Второй мировой войны 1939–1945 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Советский Союз, приписать решению А. Гитлера напасть на СССР импровизационный характер или характер так называемого «превентивного удара», обусловленного стремлением упредить якобы готовившийся со стороны Советского Союза мощный удар. Широкое распространение в правящих кругах и пропаганде, принявшей сегодня характер идеологической войны с Россией и ее союзниками по ОДКБ, получил миф об «одинаковой ответственности» И.В. Сталина и А. Гитлера в развязывании Второй мировой войны. Особенно усердствуют в этом в наши дни потомки недобитых фашистов и коллаборантов (предателей) в «независимых государствах» Прибалтики, на Украине, в Польше и в странах ЕС. В Брюсселе на сей счет даже принимаются специальные «резолюции».

Попробуем еще раз вернуться к исторической правде Великой Победы советского народа во Второй мировой войне, которая для народов Советского Союза стала Священной Великой Отечественной войной. Хотелось бы, не касаясь хода Второй мировой войны, затронуть такие темы, как причины и начало Второй мировой и Великой Отечественной войн, «нового порядка» нацистов в Европе, сотрудничества коллаборантов (предателей) с оккупационными властями фашистской Германии, великого подвига советского народа и его освободительной миссии в Европе, Соппротивления и ленд-лиза, потерь и жертв Второй Великой войны, ее исторических итогов, уроков и геополитических последствий.

Вторую мировую войну развязала фашистская Германия в сентябре 1939 года. Это очевидный и неоспоримый факт, об этом же свидетельствуют многочисленные опубликованные и неопубликованные архивные документы, в том числе в самой Германии и России, а также

во Франции, Великобритании, Италии, Испании и Японии, и даже «панской» Польше (в Варшаве). На заседании коллегии Министерства обороны РФ в Москве 19 декабря 2019 г. Президент Российской Федерации **В.В. Путин** заявил, что начиная с 1938 года, когда Гитлер предъявил свои претензии на часть Чехословакии, Великобритания, Франция сдали своего союзника. Но что сделали другие государства, та же самая Польша? Они вступили в сговор, фактически, с Гитлером. Прямо это видно по документам, по архивным документам. Также Путин назвал «полным бредом» разговоры о том, что СССР тоже несет ответственность за развязывание Второй мировой, и заявил, что некоторые страны Европы вступили в сговор с нацистской Германией. Об этом свидетельствуют сами немецкие историки.

Весомый вклад в новое прочтение событий, связанных с подготовкой Германией войны против СССР, а также в развитие объективного подхода к оценке Великой Отечественной войны внесли историки, работающие в **Институте военно-исторических исследований во Фрайбурге**, находящемся в подчинении Министерства обороны ФРГ. С конца 1960-х гг. здесь началась разработка концепции фундаментального многотомного труда (10 томов в 12 книгах) под общим названием «Германский рейх и Вторая мировая война»¹. Несмотря на противодействие со стороны праворадикальных кругов, руководителем проекта был назначен историк, известный объективным подходом к оценке прошедшей войны, **М. Мессершмидт**. В конце 1980-х гг. его сменил известный немецкий историк **В. Дейст**. Предвоенному периоду посвящались первые четыре тома научного издания, где рассматривались проблемы наращивания военной мощи Германии в период с 1933 по 1939 г., подготовки и ведения военных кампаний на Западе, планирования войны против Советского Союза. Наибольший интерес в целях данного исследования представляет 4-й том, носящий название «Нападение на Советский Союз»².

Том состоит из двух частей: первая – «Германская военная политика и Советский Союз. 1940–1941 гг.»; вторая – «Война против Советского Союза до конца 1941 – начала 1942 г.». Авторы тома, известные немецкие историки, Х. Боог, Ю. Фёрстер, И. Хоффман, Э. Клинк, Р.-Д. Мюллер, Г.Р. Юбершер, в своем исследовании исходят из принципа мультикаузальности, лежавшей в основе решения А. Гитлера начать войну против Советского Союза. В томе подчеркивается, что это решение обуславливалось прежде всего расово-идеологическими и экономическими причинами с целью не только уничтожения чуждой политико-идеологической системы, но и захвата ресурсов СССР, необходимых для установления прочного доминирования Германии на европейском континенте и продолжения борьбы за мировое господство. Об этом, по мнению историков, свидетельствуют многочисленные заявления А. Гитлера дан-

¹ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979–1990. Bd. 1–6.

² Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. Bd. 4.

ному поводу, а также воспоминания очевидцев из ближнего круга фюрера. Раздел «Программные цели войны в отношении Советского Союза и их восприятие в немецком офицерском корпусе» содержит тезис о том, что задача по уничтожению большевизма рассматривалась Гитлером в широком расово-идеологическом контексте ликвидации «всемирного еврейско-большевистского врага»³.

На уже упомянутом заседании Коллегии Министерства обороны РФ в декабре 2019 г. **В.В. Путин** заявил, что по архивным документам видно, что в 1938 г. польский посол в Германии Юзеф Липский обещал установить памятник А. Гитлеру в Варшаве, если тот вышлет всех евреев в Африку. Комментируя дневниковую запись польского посла в Германии 1940-х годов Президент высказался крайне недоброжелательно по отношению к послу и выразил свою острую позицию по данному вопросу. В.В. Путин отметил, что его задело, говоря о своей реакции, когда знакомился с архивными документами Второй мировой войны, как это обсуждали Гитлер и официальные представители той же Польши так называемый еврейский вопрос. На этом же заседании Путин назвал несоответствующей действительности резолюцию Европарламента о том, что якобы СССР несет ответственность за начало Второй мировой войны.

В сентябре 1938 г. в Берлине шли активные приготовления к войне против Чехословакии. 19 сентября начальник Генштаба вермахта **Людвиг Бек** направил послу Польши в Берлине Ю. Липскому сообщение, в котором говорилось, что через два дня Польша будет располагать у чехословацких границ значительными воинскими силами и что он готов вступить в личный контакт с Гитлером или Герингом по вопросу о согласовании действий Германии и Польши против Чехословакии. На следующий день Липский сделал Гитлеру соответствующее заявление, подчеркнув, что Польша с целью осуществления своих требований не остановится «перед применением силы». Гитлер заверил Липского, что в таком случае Германия окажется на стороне Польши.

21 сентября 1938 года **Варшава** предъявила чехословацкому правительству ультимативное требование о передаче Польше Тешена, а также денонсировала польско-чехословацкий арбитражный договор. Спешка Варшавы объяснялась стремлением не оказаться в стороне от возможного сближения Англии, Франции Германии и Италии, а также нежеланием просить Тешен у Германии⁴.

Еще с середины июня 1938 года между польским послом в Берлине Ю. Липским и Герингом начались переговоры о сотрудничестве, в том числе и военном, в деле «полного расчленения Чехословакии» и ее ликвидации. 27 сентября Бек дал Липскому директиву договориться с Герингом о том, чтобы Польша заранее была информирована о начале Гер-

³ См.: Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 2015. С. 15–16.

⁴ См.: Наумов А.О. Дипломатическая война в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 310–311.

манией военной акции против Чехословакии. «Для вашей секретной информации сообщаю, – писал Бек, – что мы располагаем вооруженными силами, готовыми к действию. В зависимости от развития событий мы можем принять необходимые действия вслед за началом германо-чехословацкого конфликта»⁵.

Сразу после мюнхенской конференции, 30 сентября 1938 года, польское правительство в ультимативной форме потребовало от Чехословакии немедленной передачи чешской Силезии – Тешинскую область. «Героические черты характера польского народа, – пишет в своих мемуарах **У. Черчилль**, – не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости»⁶.

Также мерзко вела себя по отношению к России, а затем к Советскому Союзу польская правящая элита. 5 января 1939 г. **А. Гитлер** в беседе с Л. Бекком заметил, что между Германией и Польшей существует полная общность интересов в отношении России. Отвечая на следующий день на вопрос Риббентропа, не отказалось ли польское правительство от устремлений Пилсудского в отношении Украины, Бек подчеркнул, что поляки «уже были в Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»⁷.

26 января 1939 года, во время визита в Польшу, **Й. Риббентроп** снова поднял этот вопрос. Гитлеровский министр опять предложил Беку установить сотрудничество между Германией и Польшей в отношении

⁵ См.: Наумов А.О. Дипломатическая война в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 348.

⁶ Там же. С. 348–349.

⁷ Там же. С. 352.

Советского Союза, а также по вопросу о создании «Великой Украины». «Г-н Бек не скрывал, – указано далее в записи беседы, – что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». Выслушав такие заявления польского министра, Риббентроп поставил вопрос о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту, с тем чтобы она оказалась с Германией в «одной лодке». Бек заверил его, что «серьезно продумает» поставленный вопрос⁸.

После окончания визита германские журналисты задали вопрос послу Третьего рейха в Варшаве **Г. Мольтке**.

«Журналист: Будет ли достаточно этой ясной польской позиции и на тот случай, если произойдет столкновение между Германией и Россией? По моему мнению, Польша 27 ноября 1938 г., когда осложнения на Востоке, казалось, стали актуальными, дала понять в польско-советской декларации (в ней было заявлено, что «основой отношений между Польшей и СССР остаются все существующие договоры, в том числе и Договор о ненападении 1934 года»), что она не станет активно поддерживать Германию против Советского Союза.

Мольтке: Декларация от ноября 1938 г. не имеет значения и в этом смысле понимается так же и в Берлине. Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»⁹.

Между тем менее чем за неделю до этого заявления, 22 января 1939 года, на совещании **Й. Риббентропа** с германским генералитетом прямо говорилось о том, что германо-польская декларация о ненападении 1934 года будет соблюдаться лишь до тех пор, пока это будет целесообразно. Предусматривалось, что будут приняты меры к тому, чтобы «обострить отношения с Польшей в такой степени, что будет возможно лишь военное решение вопроса». Рейх готовился сокрушить Польшу военной силой и стереть ее с карты Европы.

Возвращаясь к причинам и мотивам Второй мировой и Великой Отечественной войн отметим также сотрудника института современной истории в Мюнхене **И. Хюртера**, который составил «коллективный портрет» 25 командующих войсками вермахта, воевавших на Восточном фронте. Среди них: генерал-фельдмаршалы Ф. фон Бок, Э. Буш, Э. фон Клейст, Г. фон Кюхлер, В. фон Клюге, В. фон Лееб, Э. фон Манштейн, В. фон Райхенау, Г. фон Рундштедт. Автор пришел к выводу, что эту «гомогенную группу генералов» объединяла принадлежность к военной касте (преимущественно к прусско-дворянской), участие в Первой мировой войне, и вынесенная оттуда ненависть к России, боязнь повторения Ноябрьской революции 1918 г., неприятие Веймарской республики, отторжение большевизма, безоговорочное согласие с Гитлером отно-

⁸ См.: Наумов А.О. Дипломатическая война в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 352–353.

⁹ Там же. С. 353.

сительно целей и способов осуществления агрессии против Советского Союза. Как в ходе подготовки войны против Советского Союза, так и на этапе ее реализации между Гитлером и высшим командным составом вермахта существовало полное «единство относительно целей войны и образов врага». Установки нацистов «были поняты, приняты всерьез и развиты дальше»¹⁰.

В частности, начальник оперативного отдела Верховного командования вермахта А. Йодль, воспроизводя слова фюрера, именовал войну «противоборством двух мировоззрений», которое приведет к ликвидации «еврейско-большевистской интеллигенции». Генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер считал агрессию против СССР «продолжением вековой борьбы между германцами и славянами». О том же в марте 1942 г. говорилось в приказе генерал-фельдмаршала В. фон Браухича: «борьба расы против расы» должна вестись «со всей необходимой жестокостью». Г. Клюге, в свою очередь, приказывал «немедленно ликвидировать как партизан вооруженных гражданских лиц, даже если у них будет обнаружена всего лишь опасная бритва за голенищем»¹¹.

Вторая мировая война, отмечает **В.П. Смирнов**, была порождена целым комплексом различных причин. В их числе: 1) территориальные споры, возникшие после Первой мировой войны между государствами; 2) разногласия из-за колоний; 3) соперничество великих держав друг с другом, их стремление к экспансии, к европейской и мировой гегемонии (особенно «усердствовала» в этом плане фашистская Германия); 4) конфликты и противоречия стран капиталистического мира с Советской Россией (с 1922 г. – Советским Союзом)¹². Опасность войны, по В.П. Смирнову, особенно возросла, когда в ряде стран пришли к власти диктаторские, авторитарные и тоталитарные режимы¹³.

Иную точку зрения высказывает **Н.А. Нарочницкая**. Именно с Мюнхенского договора, полагает она, начался передел европейских границ. Пора именно этот момент считать началом гитлеровских завоеваний и поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считаются Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая, который потерял к моменту нападения Гитлера на Польшу уже много миллионов человек, а они вообще не учитываются в общем количестве потерь Второй мировой войны.

В результате Мюнхенского соглашения западных демократий с нацистской Германией Гитлер объявил ультиматум суверенному государству, ввел свои войска и отторг сначала часть этого государства, затем полностью его расчленил, насильственными действиями «приняв чешский народ под защиту германской империи». Однако захват и раздел

¹⁰ См.: Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны. С. 28–29.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 11–21.

¹³ Там же. С. 14.

Чехословакии намеренно не трактуется в западной историографии и историческом сознании как начало европейской войны, ибо, признав это, пришлось бы признать ответственность тех держав, что санкционировали передел границ. Поэтому и Чехословакия, захваченная и расчлененная гитлеровской Германией на глазах у всего мира, не считается жертвой гитлеровской агрессии в той мере, в какой считается Польша.

Но пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене, потому что она себя сейчас выставляет невинной жертвой раздела между двумя хищниками – Гитлером и Сталиным. При этом все умалчивают о том, что за год до этого, в Мюнхенском процессе, Польша сама сыграла роль мелкого хищника. Варшава на деле, что подтверждают документы, была весьма раздосадована тем, что ее не пригласили в качестве пятого участника Мюнхенского соглашения. Поляки немедленно предъявили претензии на Тешинскую Силезию, и Варшава стала соучастником Гитлера в растерзании Чехословакии – первой жертвы гитлеровских захватов.

Амбиции и роль **Польши** не были ни тогда, ни сегодня, ни осуждены, ни отвергнуты теми же западными державами. Похоже, в Польше вполне политкорректно и сегодня не стесняться тех амбиций. В 2005 г. один из ведущих польских историков **Павел Вечоркович** открыто сетовал на то, что в 1939 г. Польша так и не сумела договориться с Гитлером, хотя пыталась, и вместе с ним не разгромила столь нелюбимую Россию¹⁴.

Теперь о «новом порядке» нацистов в Европе и сотрудничестве коллаборантов (предателей) с фашистскими оккупантами. В результате установления «нового порядка» в оккупированных нацистами странах Европы было уничтожено 47 млн славян и 6 млн евреев¹⁵. Ближайшим и наиболее очевидным итогом Второй мировой войны, отмечает **В.П. Смирнов**, были гигантские разрушения и людские потери. Война опустошила целые страны, обратила в развалины города и села, привела к гибели многих миллионов людей. Самые большие людские потери – 26,6 млн человек – понес Советский Союз. Германия и ее европейские союзники потеряли, по разным оценкам, от 8 до 13 млн человек. Погибли не менее 6 млн граждан Польши, 6 млн евреев, 2–3 млн японцев, 1,7 млн жителей Югославии.

Военные потери **Китая** составляют приблизительно 5 млн человек, а всего за годы войны в Китае погибло около 18 млн человек – главным образом, от голода и болезней. Потери коренных жителей азиатских и африканских стран, на территории которых велись военные действия: Бирмы, Индонезии, Вьетнама, Малайи, Туниса, Сирии, Эфиопии, Сомали – никто не считал. Военные потери Франции, США и Великобритании были относительно невелики: 635 тыс. убитых во Франции, около 300 тыс. – в США, свыше 400 тыс. – в Великобритании. Англия серьезно пострадала от воз-

¹⁴ См.: Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 9–10.

¹⁵ См.: Смирнов В.П. Две войны – одна Победа. М., 2015. С. 402; Костян С.И. К вопросу теории славянского социализма. Мозырь, 2017. С. 33.

душных бомбардировок; в США военных разрушений не было. По отношению к общей численности населения самые тяжелые людские потери понесли Польша (17,2%), Советский Союз (13,5%) и Югославия (11%)¹⁶.

Главных виновников Второй мировой войны постигло суровое возмездие. После смерти Муссолини, Гитлера и Геббельса основной организатор немецких концентрационных лагерей глава СС и полиции Гиммлер, переодевшись в солдатскую форму, пытался скрыться. В английской зоне оккупации его задержал патруль из двух советских солдат, освобожденных из плена англичанами. Во время допроса и медицинского осмотра Гиммлер раскусил спрятанную во рту ампулу с ядом и тут же скончался.

Начальник канцелярии нацистской партии Мартин Борман, один из наиболее приближенных к Гитлеру людей, находившийся вместе с ним в момент самоубийства, видимо, погиб при попытке выбраться из окруженного Берлина. В 1972 г. его останки были обнаружены при прокладке дороги в Западном Берлине. Оставшиеся в живых руководители нацистской партии и государства Геринг, Риббентроп, Гесс, Кейтель, Йодль, Дениц и другие главные немецкие военные преступники, всего 24 человека, были преданы суду Международного военного трибунала, учрежденного правительствами США, СССР, Великобритании и Франции. Им предъявили обвинения в преступлениях против мира (т.е. в подготовке и ведении агрессивных войн); в военных преступлениях (в том числе в жестоком обращении с военнопленными и в расстрелах заложников) и в преступлениях против человечества, заключавшихся, в частности, в обращении в рабство и массовом истреблении мирного населения по политическим, расовым или религиозным мотивам.

Заседания Международного военного трибунала происходили с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Германии, в городе Нюрнберге, где раньше устраивались съезды и парады нацистской партии. Трибунал приговорил 12 обвиняемых, в том числе Геринга, Риббентропа, Кейтеля и Йодля, к смертной казни через повешение, остальных – к различным срокам тюремного заключения. Несмотря на протесты советского представителя, трое обвиняемых – глава немецкого банка Я. Шахт, бывший канцлер, а затем посол в Турции Ф. Папен и заместитель Геббельса Г. Фриче – были оправданы¹⁷.

Трибунал признал преступными организациями нацистскую партию, отряды СС и гестапо, но, вопреки мнению советского представителя, отказался признать преступными отряды СА, гитлеровское правительство, Верховное командование и Генеральный штаб. Решения Нюрнбергского трибунала, осудившего преступления против мира и человечества, агрессивные войны, геноцид и военные преступления, были закреплены в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН в качестве важнейших принципов международного права.

¹⁶ См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 310.

¹⁷ Там же. С. 306.

Накануне казни Геринг раздобыл яд и отравился. Йодль и Кейтель просили заменить им позорную казнь через повешение расстрелом, но получили отказ. Приговоренных к смертной казни повесили в Нюрнбергской тюрьме, трупы сожгли, а пепел развеяли. Гесса присудили к пожизненному тюремному заключению. Он провел в тюрьме 42 года и в 1987 г., на 93-м году жизни, был найден мертвым в своей камере, – согласно официальной версии, осуществив самоубийство. Дениц, отсидев в тюрьме 10 лет, был освобожден после отбытия срока заключения и умер в 1980 г. в возрасте 89 лет¹⁸.

В соответствии с законом № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечества», принятым Союзным Контрольным Советом для Германии, американские военные трибуналы в Нюрнберге в 1945–1949 гг. провели целый ряд судебных процессов над немецкими генералами, министрами, дипломатами, директорами химического концерна «ИГ Фарбениндустри», судьями и прокурорами. К этому времени из 19 гитлеровских фельдмаршалов погибли шесть. В. Рейхенау умер от инфаркта в 1942 г., Г. Клюге, В. Модель и Э. Роммель покончили жизнь самоубийством, Э. Вицлебена повесили. Ф. Бок погиб вместе с женой и дочерью во время воздушного налета 4 мая 1945 г., когда ехал в штаб Денница. Почти все остальные оставшиеся в живых фельдмаршалы, в том числе Манштейн, Браухич, Рундштендт, Лееб, Лист были привлечены к суду. Их судили за военные преступления и за участие в подготовке и ведении агрессивных войн. Три фельдмаршала (Бломберг, Браухич, Буш) скончались в английских и американских тюрьмах, один (Клейст) умер в советском плену. Остальные были приговорены к различным срокам тюремного заключения, но некоторые из них вскоре были помилованы или досрочно освобождены английскими и американскими оккупационными властями. Фельдмаршал Паулюс после освобождения из советского плена жил в Германской Демократической Республике, где и умер в 1957 г.¹⁹.

Главные японские военные преступники были преданы суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока, учрежденного правительствами СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Нидерландов и Новой Зеландии, к которым присоединились Индия и Филиппины. Его заседания проходили в столице Японии Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Обвинения в подготовке и развязывании агрессивных войн, нарушении международных договоров, правил и обычаев ведения войны (в том числе убийств военнопленных) были предъявлены 28 бывшим руководителям Японии. В их числе находились четыре бывших премьер-министра, 11 министров, командующие армией и флотом.

¹⁸ См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 307.

¹⁹ Там же. С. 307.

Трибунал приговорил семь обвиняемых, в том числе двух бывших премьер-министров Х. Тодзио и К. Хирота, к смертной казни через повешение, 16 подсудимых (включая командующего Квантунской армией генерала И. Умэдзу) – к пожизненному тюремному заключению, бывших министров иностранных дел С. Того и М. Сигемицу (подписывавшего акт о капитуляции Японии), соответственно, к 20 и 7 годам лишения свободы.

Тодзио, вылеченный американскими врачами от раны, полученной при попытке самоубийства, был повешен вместе с остальными. Министр иностранных дел Е. Мацуока, который в 1941 г. подписывал советско-японский договор о нейтралитете, и начальник морского генерального штаба адмирал О. Нагано умерли во время процесса²⁰.

Император Японии Хирохито, в соответствии с условиями капитуляции, сохранил свой титул, но потерял почти все властные полномочия. Согласно японской конституции 1947 г., подготовленной американской военной администрацией, он остался только «символом государства и единства народа». Оккупационные власти и правительство США, заинтересованные в использовании авторитета императора, воспротивились требованиям о его отречении и предании суду как военного преступника. Они поддержали выдвинутую самим императором версию, согласно которой император только царствовал, но не управлял государством и поэтому не может нести ответственность за действия правительства и вооруженных сил. По-прежнему окруженный уважением и почетом, Хирохито дожил до глубокой старости. Он скончался в 1989 г. в возрасте 88 лет.

Император Маньчжоу-Го Пу И, захваченный 17 августа 1945 г. советскими десантниками на аэродроме, где он ожидал самолета, чтобы бежать в Японию, провел в советском плену почти пять лет. В 1950 г. его передали властям Китайской Народной Республики. Там он два года находился в заключении, а потом – на поселении. В 1959 г. Пу И был освобожден по амнистии, а в 1962 г. даже стал депутатом Всекитайского Народно-Политического Консультативного Совета. В 1967 г. он скончался.

Глава самозванного Временного индийского «правительства» Чандра Бос погиб в 1945 г. в авиационной катастрофе²¹.

Во многих странах Европы **состоялись судебные процессы** над оккупантами и коллаборационистами. Глава вишистского государства маршал Петэн был приговорен к смертной казни, но генерал де Голль, возглавлявший Временное правительство Франции, помиловал его, заменив смертную казнь пожизненным заключением. В 1951 г. Петэн скончался в тюрьме в возрасте 95 лет. Председателя Совета министров Виши Пьера Лавалья приговорили к смертной казни. Он пытался отравиться, но его выходили, а затем расстреляли. Все министры правительства Виши были привлечены к суду по обвинению в государственной измене, и многие из них приговорены к тюремному заключению или другим видам

²⁰ См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 307–308.

²¹ Там же. С. 308.

наказания. Свыше 2 тыс. французских коллаборационистов приговорили к смертной казни, 39 тыс. – к лишению свободы²².

Глава коллаборационистского правительства Норвегии В. Квислинг в октябре 1945 г. был казнен по приговору суда на той самой площади в столице Норвегии, где он в 1940 г. объявил о создании своего правительства. В Бельгии, Голландии, Дании, Люксембурге коллаборационистов арестовывали, судили, приговаривали к тюремному заключению, а иногда и к смертной казни.

В странах Восточной и Юго-Восточной Европы были организованы судебные процессы над их бывшими руководителями, которые вели войну на стороне нацистской Германии. Маршал Антонеску в Румынии и бывший премьер-министр Венгрии Салаша были казнены. Регент Хорти, интернированный сначала немецкими оккупантами, а затем западными оккупационными властями, в 1949 г. переехал в Португалию, где и умер в возрасте 89 лет. Главу «протектората Богемия и Моравия» Э. Гаху арестовали; он умер в тюрьме. Главу коллаборационистского правительства Сербии генерал-полковник Недич был арестован и в тюрьме покончил с собой. Главу хорватского государства А. Павелича заочно приговорили к смертной казни, но он сумел скрыться за границей и в 1959 г. умер в эмиграции. Премьер-министра марионеточного правительства Греции генерала Цолакоглу приговорили к тюремному заключению. Арестованный коммунистическими властями Югославии генерал Михайлович был предан суду и расстрелян по обвинению в сотрудничестве с оккупантами.

В СССР в 1946–1947 гг. судили, приговорили к смертной казни за измену и повесили генерала Власова и еще 11 руководителей РОА, а также белогвардейских генералов Краснова и Шкуро, выданных Советскому Союзу США и Англией. Рядовых военнослужащих власовской армии и национальных «легионов», переданных союзниками или захваченных в плен Советской Армией, судили и отправляли на «спецпоселение» в отдаленные районы сроком на шесть лет²³.

Важное значение для победы народов СССР над фашистской Германией имели «второй фронт» в Европе со стороны США и Великобритании, их материальная и техническая помощь Советскому Союзу, включая **ленд-лиз**. Поставки союзников по ленд-лизу хотя и поступали нерегулярно, и составляли лишь 4% от общего объема промышленной продукции, выпускаемой в СССР, по отдельным видам техники и вооружения были значительными: 17% – по самолетам, 10,4% – по танкам и более 200% – по автомобилям ²⁴ (таблица 1).

²² См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 308–309.

²³ Там же. С. 309.

²⁴ См.: Семин В.П. Россия и мир: учебное пособие. М., 2012. С. 437.

Таблица 1 – Помощь СССР по ленд-лизу

Номенклатура поставок	Произведено в СССР в 1941–1945 гг.	Поставлено по ленд-лизу	Доля импорта, %
Бронетранспортеры	0	7 172	100
Паровозы	92	1 981	95
Грузовики	265 000	375 833	58
Взрывчатка (тыс. т.)	1 700	900	52
Джипы	100 000	50 000	50
Авиационный бензин (тыс. т.)	8 091	2 670	33
Шины (тыс. шт.)	14 561	3 786	26
Истребители	60 000	13 875	18
Зенитные орудия	38 000	8 218	17,7
Бомбардировщики	18 000	3 633	17
Танки и САУ	109 100	12 755	10,4
Автомобили всех видов и марок	205 000	467 000	более 200

В ценах 1946 г. Америка прислала в Россию по ленд-лизу товаров на общую сумму в 13 с лишним миллиардов долларов, Великобритания – на 430 миллионов фунтов стерлингов. Суммируя все поставки по ленд-лизу, их объем в собственном советском производстве аналогичных товаров можно оценивать примерно в 25%²⁵. Война доказала, что при возникновении общей для всех угрозы, народы, живущие в условиях различных политических режимов, приверженные различным системам ценностей и идеологиям, способны к сотрудничеству и взаимопониманию. Не умоляя важности западной помощи, надо все же отметить, что она не играла решающей роли. Основной поток грузов пошел в СССР только в 1943–1944 гг., объем поставок боевой техники был сравнительно не велик и не всегда высокого качества.

На 1944–1945 гг. пришелся основной объем помощи союзников для СССР: 9,9 млн т, или $\frac{3}{5}$ всех грузов военного времени. В состав этих поставок включены и грузы, ввезенные Канадой, подписавшей самостоятельно третий протокол. В отличие от поставок по второму и особенно первому (часто называемому «британскому») протоколам почти 90% всех материалов и оружия поступило в конце войны из США. Кораблей и самолетов, переданных по последним Протоколам, хватило бы для того, чтобы полностью восполнить потери в ходе всех стратегических операций, проведенных советскими вооруженными силами в конце войны, артиллерийских стволов – на четверть, танков – на 11%. Каждая вторая бронемашина и каждый десятый танк, направленные в этот период во фронтовые соединения, были импортного производства. Благодаря союзным поставкам по сути были созданы еще два флота, равные по составу Северному и Тихоокеанскому. Почти вся поставленная техника была ис-

²⁵ См.: Залесский С., Тучкова С. Ленд-лиз: 25 процентов победы ? // Труд. 2007. 19 июня. С. 11.

пытана на фронтах войны и с учетом этого заказывалась советскими специалистами. Высоким качеством отличались средства связи и специальная аппаратура. Поэтому они занимали в советских заявках особое место. Радиостанциями и телефонными аппаратами, поставленными в СССР в 1944–1945 гг., можно было бы оснастить от 300 до 500 дивизий. Свыше 80% радиолокационной аппаратуры в войсках и на флоте также были англо-американского производства.

Однако самолеты, танки, корабли и другие военные грузы в общем объеме ввезенных в СССР в конце войны материалов по-прежнему занимали незначительную часть тоннажа – всего лишь 9%. Остальная часть была отведена под промышленное оборудование, продовольствие, металлы, нефтепродукты. Четверть всего тоннажа занимало продовольствие. Его в калорийном исчислении было бы достаточно для содержания 10-миллионной армии в течение более чем трех лет. Другая четверть была отведена под средства транспорта – автомобили, локомотивы, вагоны и специальное оборудование. Во многом благодаря им значительно возросла скорость продвижения Красной Армии по Европе, наладились устойчивые связи регионов в тылу²⁶.

Победу в войне, отмечено в **томе 9 («История Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в 12 томах)**, Красная армия одержала прежде всего своим, советским оружием. Тем не менее многие типы поставленного союзниками вооружения, военной техники и снаряжения были особенно ценны для советской стороны благодаря их высокому качеству или по причине их острой нехватки или даже отсутствия соответствующего собственного производства: например, истребители «Аэрокобра» и «Кингкобра», бомбардировщики «Бостон» и «Митчел», транспортные самолеты «Дуглас», гидросамолеты «Каталина», бронетранспортеры, боевые корабли, а также автомобили, средства связи, радиолокаторы, гидроакустическое оборудование и многое другое. Эти поставки, в частности, сыграли очень заметную роль в наращивании мощи советских ВВС и ВМФ, в моторизации армии, оснащении ее современными средствами радио- и телефонной связи и прочим. К тому же изучение ленд-лизинговской военной техники способствовало решению собственных технических проблем, позволило заметно продвинуть свою науку в тех областях, где было очевидно ее отставание от Запада. В октябре 1942 г. ГКО принял постановление «Об обмене с США и Великобританией военно-технической информацией».

Большое значение имели поставки в СССР высокооктанового бензина. Его использовали для заправки ленд-лизинговских самолетов и для разбавления бензина собственного производства с целью повышения его октанового числа. К тому же американцы предоставили Советскому Союзу комплектное оборудование для нескольких нефтеперерабатывающих заводов. Очень своевременно поступили большие партии пороха и взрывчатки.

²⁶ См.: Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои // Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф., Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 113.

В общем объеме ленд-лизских грузов военные поставки составили примерно пятую часть. Причем по ходу войны их удельный вес снижался, уступая место промышленному оборудованию, транспортным средствам, металлам, химическим веществам, нефтепродуктам и продовольствию. Общий объем поставок составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР. По отдельным видам вооружений и оборудования он был намного выше. Так, самолетов всех типов по ленд-лизу поступило 15% всего самолетного парка, танки союзников составили 12% от выпуска советских танковых заводов. Существенную помощь получил советский ВМФ – 596 боевых кораблей и судов, или 22,3% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью. Причем 80% кораблей и судов приняли затем участие в боевых действиях с Германией и Японией²⁷.

Большое значение ленд-лиз имел для железнодорожного транспорта. Союзники поставили 1 981 паровоз и 11 156 железнодорожных вагонов, в то время как в СССР в годы войны было построено 92 паровоза и более 1 тыс. грузовых вагонов. Следует иметь в виду, что первый заказ на 200 паровозов советское правительство сделало лишь летом 1943 г. До войны в СССР имелось 25 тыс. локомотивов, 14% – потери в начале войны, но и 40% железных дорог оказались на оккупированной врагом территории. Лишь в 1944 г. начались поставки самой крупной партии – 1 600 паровозов, которые продолжали идти в СССР и после войны.

Не все так просто и с автомобильным транспортом. На 1 января 1944 г. из находившихся в Красной Армии 496 тыс. автомобилей 78% были отечественного производства. К концу войны автопарк увеличился до 666,5 тыс., из которых 58,1% – советского производства, 32,8% – импортного, 9,1% – трофейные. Другими словами, большая часть автомобилей поступила по ленд-лизу лишь в последний год-полтора войны²⁸.

В настоящее время мало кто ставит под сомнение масштабы, разнообразие и ценность военно-экономической помощи союзников. Однако вряд ли допустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов, какова бы ни была необходимость в них СССР, и жертвы советского народа, который прокладывал путь к победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль не раз подчеркивали государственные деятели США. Так, **Г. Гопкинс**, ближайший советник президента Ф. Рузвельта, отмечал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии».²⁹

Государственный секретарь **Э. Стеттиниус** подчеркивал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в

²⁷ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2014. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. С. 600.

²⁸ Там же. С. 600.

²⁹ Там же. С. 600–601.

плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями»³⁰.

Оценивая поставки в СССР по ленд-лизу, следует иметь в виду, что наивысшего пика они достигли в 1944 г. Первые же грузы по ленд-лизу зимой 1941–1942 гг. пришли в СССР очень поздно. Именно в эти критические дни сопротивление оказывала практически одна Красная Армия, не получая какой-либо помощи со стороны западных стран. К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., после коренного перелома в войне. Осенью и зимой 1941 г., когда решалась судьба не только Москвы, но и всего Советского государства, в самый тяжелый период войны, по ленд-лизу из США пришли поставки всего на 541 тыс. долларов, в то время как общая помощь США в 1941 г. странам антигитлеровской коалиции в денежном выражении достигла 741 млн долларов. Таким образом, СССР в самое тяжелое время из этих поставок досталось менее 0,1%.

Ленд-лиз не является дорогой с односторонним движением. По признанию американцев, ленд-лиз приносил выгоды и самим США, которые получили из СССР 300 тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота и прочего на общую сумму 2,2 млн долларов. Ленд-лиз оказался источником обогащения американских монополий. Американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»³¹.

Всего в 1941–1945 гг. СССР получил от западных союзников 18 млн тонн грузов различного назначения, в том числе через Персидский залив – 23,8%, через Дальний Восток – 47,1%, через советскую Арктику – 2,5%, через Черное море – 3,9%, через порты Северной России – 22,7%. Более четверти (свыше 4,5 млн тонн) составили продукты питания, металлы, в основном для авиастроения, и рельсы – 3,6 млн тонн. По всем направлениям, в том числе и через Аляску, в СССР из США, Великобритании и Канады поступило 22 206 самолетов различных типов (в том числе 14 203 из США), 12 980 танков, 14 тыс. орудий, 427 386 грузовых автомобилей и 51 тыс. джипов, 6 135 638 винтовок и пулеметов, 8 тыс. тракторов и тягочей, 345 тыс. тонн боеприпасов, а также значительное количество промышленного оборудования, горючего и смазочных материалов, взрывчатых веществ, химического сырья и других материалов, столь необходимых для успешного ведения войны.

³⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2014. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. С. 600.

³¹ Там же. С. 601.

График, номенклатура и объемы поставок поначалу не всегда выдерживались. Первые два протокола не были выполнены в полном объеме. Но поставки шли по нарастающей, и в 1943–1945 гг. союзники выделили для Советского Союза то, что они недопоставили в начале войны. На два последних протокола (то есть с июля 1943 г. и до конца войны) пришлось 57% всех грузов военного времени³².

Ленд-лиз цифрах (1941–1945). Общий объем поставок в СССР по ленд-лизу составил 11 млрд 260 млн 344 тыс. долларов, в том числе 9,8 млрд долл. из США. Четверть всех грузов составило продовольствие.

Некоторые грузы, поставленные СССР по ленд-лизу в 1941–1945 гг.

Из Великобритании: 7 400 самолетов, 4 292 танка, 5 000 противотанковых орудий, 472 млн снарядов, 1 800 комплектов радиолокационного оборудования, 4 000 радиостанций, 55 тыс. км телефонного кабеля, 12 тральщиков. Кроме того, продовольствия, медикаментов и заводского оборудования – на 120 млн фунтов стерлингов.

Из Канады: 1 188 танков, автомобили, промышленное оборудование, продовольствие.

Из США: 14 795 самолетов, около 7 500 танков, 376 тыс. грузовых автомобилей, 51 тыс. джипов, 8 тыс. тягачей, 35 тыс. мотоциклов, 8 тыс. зенитных орудий, 132 тыс. пулеметов, 345 тыс. т взрывчатых веществ, 15 млн пар солдатской обуви, 69 млн кв. м шерстяных тканей, 1 981 локомотив, 11 156 железнодорожных вагонов, 96 торговых судов, 28 фрегатов, 77 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 166 торпедных катеров, 60 сторожевых катеров, 43 десантных судна, 3,8 млн автомобильных шин, 2 млн км телефонного кабеля, 2,7 млн т бензина, 842 тыс. т различного химического сырья. Кроме того, продовольствия – на 1,3 млрд долл., а также станки, дизель-генераторы, радиостанции, шинный завод, обмундирование, медикаменты, различное оборудование и запасные части. Что касается боевых кораблей, то основная их масса (кроме 12 английских тральщиков, поступивших в 1942–1943 гг.) была получена лишь начиная со второй половины 1944 г.

Тральщики из США и Канады вошли в состав Балтийского и Черноморского флотов уже после победы над Германией. Значительная часть кораблей, поступивших на Тихоокеанский флот, также не могла быть использована в военных действиях против Японии.

Хотя общий объем поставок составлял примерно 4% валового промышленного производства в СССР в 1941–1945 гг., ленд-лизированная техника по отдельным видам вооружений составляла весьма значительный процент. В частности, по автомобилям – около 70%, по танкам – 12%, по самолетам – 10%, в том числе морской авиации – 29%. Следует отметить, что некоторые виды поступавшей по ленд-лизу техники (десантные суда, не контактные тралы, отдельные образцы радиолокационной и гидроакустической аппаратуры) в СССР в годы войны не выпускались вообще.

Взято из: Северные конвои. 1941–1945: В документах Архивного фонда Российской Федерации. М., 1993. С. 4–6.

³² См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2014. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. С. 599.

Эпоха «Холодной войны», как отмечают **А.С. Орлов** и **В.П. Кожанов**, наложила свой отпечаток на исследования роли ленд-лиза как в СССР, так и на Западе. Идеологическое противостояние военно-политических блоков обусловило различные, порой полярные, подходы к освещению темы помощи союзников Советскому Союзу в годы войны. В 60–80-е годы многие западные историки по обе стороны Атлантики разработали версию, по которой решающую роль в победе СССР над гитлеровской Германией сыграл ленд-лиз. Таких взглядов придерживались, например, американские историки Л. Роуз, Р. Лукас, английские – Г. Моль, М. Говард и др. Типичной для тех лет является оценка Л. Роуз, что помощь Красной Армии и обороноспособность СССР были полностью обеспечены «щедрой американской помощью по ленд-лизу»; или Г. Инфилда: без ленд-лиза «Советский Союз не мог выстоять против натиска фашистских армий». В этих и подобных высказываниях отразились идеологизированные подходы того времени, хотя в трудах указанных ученых и их коллег содержалось немало сведений, раскрывавших истинную картину значения поставок западных держав Советскому Союзу.

В свою очередь советские историки делали упор на то, что поставки по ленд-лизу составляли всего 4% по отношению к продукции отечественной промышленности и сельского хозяйства, приводили сравнительные данные производимых в СССР военной техники и оружия и поступавших из США, Англии и Канады, где шестизначным цифрам выпущено в Советском Союзе военной техники противостояли скромные, от 10 до 20 тыс., показатели по вооружению, присланному союзниками в нашу страну³³. И это тоже была правда. Но не вся.

Ставшие доступными в последние годы документы и свидетельства дают возможность более объективно оценить роль ленд-лиза. Если общий объем поставок и составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР, то по отдельным видам вооружения и оборудования, причем порой весьма ценного, он был значительно выше. Так, в годы войны советская авиационная промышленность выпустила более 122 тыс. самолетов всех типов. По ленд-лизу поступило 22 195 самолетов, т.е. 18% всего самолетного парка. При этом фронтовые бомбардировщики составили 20% этого рода советской авиации, по фронтовым истребителям от 16 до 23%, а по морской авиации до 29%. По своим летно-техническим характеристикам эти самолеты не уступали аналогичным типам Люфтваффе, а порой и превосходили их.

Танки, поставленные союзниками, составили 12 % от выпуска советских танковых заводов (98,3 тыс. машин, включая самоходные артиллерийские установки). И хотя по боевым качествам даже лучшие из них (например, М4-А2 «Шерман») уступали лучшим советским танкам Т-34, Кв-1, ИС, но их первые партии, поступившие в конце 1941 г. – 501 танк – явились неплохим подспорьем малочисленному танковому

³³ См.: Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и Новейшая история. 1994. № 3. С. 186–187.

парку Красной армии в тот период. Ведь это было время, когда Сталин в специальном блокноте учитывал каждый танк, выходящий из ворот танковых заводов. Огромной помощью войскам Красной Армии и народному хозяйству стали поставки автомобилей: 427 тыс. машин (в СССР за войну было произведено 219 тыс. машин) придали советским войскам подвижность, столь необходимую в наступательных операциях 1943–1945 г. Они составили 70% всех автомобилей, находившихся в распоряжении Красной Армии. Следует отметить также, что некоторые виды поступавшей по ленд-лизу военной техники – десантные суда, неконтактные тралы, отдельные образцы радиолокационных станций, гидроакустической аппаратуры и т.д. – в СССР в годы войны не выпускалось вообще. Большую роль, особенно в первый период войны, сыграли зенитные и противотанковые орудия, прибывшие в СССР по ленд-лизу³⁴.

Большую помощь для ведения боевых действий оказали поставки мотоциклов, средства радио- и телефонной связи, автоматического оружия и противотанковых ружей, боеприпасов и взрывчатых веществ, колючей проволоки и металлических сборно-разборных полевых аэродромов и других средств ведения вооруженной борьбы. Так, например, до 1944 г. американской стороной было поставлено 189 тыс. полевых телефонов и свыше 670 тыс. миль кабеля. Трудно переоценить особенно в первый период войны, когда Красная Армия вела оборонительные операции, значение поставок союзниками колючей проволоки. До конца 1942 г. Красная Армия получила ее 45 тыс. т, или 216 тыс. миль³⁵.

Но, может быть, еще большую роль ленд-лиз играл в экономике нашей страны, полностью подчиненной нуждам военного времени. Поставки вооружения и военного снаряжения, которые были сравнительно небольшими в первый период войны, постепенно увеличивались.

Всего с 1 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в нашу страну было направлено 17,5 млн т различных грузов на сумму 9,8 млрд долл. Доставлено к месту назначения 16,6 млн т (1,3 млн т составили потери при потоплении судов). Пик доставок импортных грузов был достигнут в 1944 г. Распределение ленд-лизированных поставок, в тоннах (по американским данным), по годам выглядит следующим образом: июнь – декабрь 1941 г. – 360 778; 1942 г. – 2 453 077; 1943 г. – 4 794 545; 1944 г. – 6 217 622; январь – сентябрь 1945 г. – 3 673 819.

По признанию американцев, ленд-лиз не был филантропией.

«Поставками из СССР, – отмечал бывший министр торговли США **Дж. Джонс**, – мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами». Ленд-лиз был и крупным источником обогащения американских монополий. Подводя итоги в своей книге, посвященной помощи США Советскому Союзу в годы

³⁴ См.: Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и Новейшая история. 1994. № 3. С. 187–188.

³⁵ Там же. С. 188.

войны, американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»³⁶.

Но был еще один немаловажный фактор взаимодействия по ленд-лизу – сближение народов, воевавших против фашистского блока. В борьбе за победу над общим врагом вместе с советскими людьми сражались и погибали англичане, американцы, представители других стран. В своей книге «Курсом к победе» бывший нарком ВМФ СССР **Н.Г. Кузнецов** писал: «Команды английских или американских транспортов... являлись нашими искренними союзниками в борьбе с фашизмом... Им, нашим добрым друзьям, простым и отважным морякам, хочется отдать должное и сейчас».

В России и в странах «ближнего зарубежья» и поныне помнят ту помощь, которую оказывали жителям СССР американцы, англичане, канадцы. Известно, что в 1943 г. 10 млн американцев отдали свои сбережения в пользу советского народа. Английский «Фонд помощи России» собрал немалые средства.

Сотрудничество государств, организаций, тысяч простых людей, совместно работавших в годы войны в рамках программ ленд-лиза, свидетельствовало о том, что, выступая против общего врага человечества – фашизма, люди, разделенные океанами и городами, идеологиями и религиями, образом жизни и цветом кожи, хорошо понимали друг друга, верили, что одолев фашизм, они обеспечат мирную жизнь себе и грядущим поколениям.

Невозможно точно определить, какую долю в разгроме фашистской Германии занимали боевая техника и оружие, боеприпасы и обмундирование, обувь и продовольствие, медикаменты и другое военное имущество, поступившее в нашу страну. Нельзя подсчитать, какая часть в каждой единице советской военной техники и оружия произведена на импортном оборудовании и с использованием импортного сырья и приборов. Но совершенно очевидно, что помощь союзников сыграла немалую роль в деле достижения Победы над общим врагом. Импортные поставки средств производства помогли в развитии мощностей отечественной военной промышленности и обеспечивающих отраслей экономики в годы войны.

Оценки различны. Если советские историки считают, что поставки по ленд-лизу в СССР составили 4% от объема промышленной продукции Советского Союза, то на Западе называют 10–11%, а известный американский ученый **У.Ф. Кимболл** – 7%.

Наиболее значимыми были поставки автомобилей, станков, технологического оборудования, нефтепродуктов, продовольствия, некоторых видов сырья. Что касается поступления в Красную Армию военной техники и боеприпасов, то они играли немалую роль в первом периоде войны, ко-

³⁶ См.: Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и Новейшая история. 1994. № 3. С. 192.

гда советская военная промышленность еще не развернулась на полную мощность и даже то небольшое количество станков, которые прибыли из США и Англии, было крайне важно для фронта. И не только в материальном, но и в моральном отношении: они показывали советским людям, что СССР не одинок в своей борьбе против гитлеровского фашизма.

Нужно отметить, что и Советский Союз, как мог, помогал союзникам. США получили из СССР 300 тыс. т хромовой руды, 32 тыс. т марганцевой руды, значительное количество платины, золота³⁷.

Объективно оценивая помощь СССР по ленд-лизу, необходимо признать, что она была весьма существенной. В то же время нельзя назвать ее решающим фактором нашей победы, как пытаются изобразить ленд-лиз некоторые зарубежные и отечественные авторы. **Джон Хазард**, бывший в 1941–1946 гг. заместителем директора советского отделения управления по ленд-лизу, уже в 90-х годах, писал: «Полагаю, что теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечивающим победу советского народа и Красной Армии в этой войне». В свою очередь, Сталин в послании президенту США от 11 июля 1945 г. признал, что «соглашение, на основе которого Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага – гитлеровской Германии»³⁸.

Как свидетельствует история Великой Отечественной войны, сотрудничество трех ведущих держав антигитлеровской коалиции оказалось в годы войны весьма плодотворным, доказало свою жизнеспособность и сыграло огромную роль в достижении победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией.

Линия на сотрудничество, отвечавшая интересам народов и диктовавшаяся обстановкой, встречала в то же время сопротивление со стороны определенных сил в странах Запада. Стараниями антисоветских кругов США и Англии не раз тормозились поставки в СССР по ленд-лизу. В 1942 г. США вместо запланированных 8 млн т стратегических материалов поставили 2,5 млн т, объясняя это необходимостью подготовки войск США для открытия второго фронта (который в 1942 г. так и не был открыт). В самый тяжелый период начала Сталинградской битвы, в августе 1942 г., были прекращены рейсы северных конвоев из-за больших потерь конвоев PQ-16 и PQ-17. Весной 1943 г. вновь была приостановлена отправка в СССР конвоев через Арктику, что мотивировалось подготовкой операции по высадке в Италию. В результате по Вашингтонскому протоколу было недопоставлено 1,5 млн т грузов. Только после восьмимесячного перерыва, в ноябре 1943 г., прибыл в советские север-

³⁷ См.: Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и Новейшая история. 1994. № 3. С. 193.

³⁸ Там же. С. 193–194.

ные порты очередной конвой. Известно, какую роль играли для народов СССР поставки продовольствия. Они составили 25% всех направляемых по ленд-лизу грузов. Но и здесь вместо 10% от общего числа произведенных в США продовольственных товаров, обещанных Рузвельтом в 1943 г., поставки составили 3%³⁹.

Но следует помнить главное, что наиболее важным был конечный результат – полный разгром фашистского блока, а также тот факт, что всему миру была наглядно продемонстрирована возможность и необходимость политического, экономического и военного сотрудничества государств с различным социальным строем. «Теперь можно с полным основанием говорить, что курс на сотрудничество с Россией оправдал себя», – писала американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 19 марта 1945 г.⁴⁰

Ленд-лиз – система передачи Соединенными Штатами Америки займы или в аренду военной техники, оружия, боеприпасов, снаряжения, стратегического сырья, продовольствия и т.п. странам-союзницам по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны

Поставки по ленд-лизу получили 42 государства – всего на 46 млрд долларов. В СССР поставки США по ленд-лизу начались в ноябре 1941 г. и на 30 сентября 1945 г. составили 9,8 млрд долларов. По ленд-лизу в Советский Союз до 1945 г. было поставлено 14,8 тыс. самолетов, свыше 7 тыс. танков, 8,2 тыс. зенитных орудий, 131,6 тыс. пулеметов, а также радиолокационные, транспортные средства и т.д., что составило примерно 4% от произведенного в СССР вооружения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Взято из: Степанищев А.Т., Филипповых Д.Н. Словарь-справочник по военно-исторической терминологии. М., 2004. С. 123.

Вторая мировая война началась, как известно, 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу. Но на Дальнем Востоке война Японии против Китая шла с 1937 года, а в ограниченных масштабах – даже с 1931-го. В Китае считают, что Вторая мировая началась, как минимум, в 1937 году. С учетом этих лет потери Китая превысили даже советские и составляют не менее 35 млн человек⁴¹. Цена войны была исключительно велика. Война разорила многие государства. Огромны были людские потери: около 60 млн человек.

Больше всего пострадал **Советский Союз**: общие потери страны составили 26,6 млн человек. Из них на фронтах погибло 8,6 млн военнослужащих Красной Армии и Флота. Около 4,5 млн оказались в плену.

³⁹ См.: Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // Новая и Новейшая история. 1994. № 3. С. 194.

⁴⁰ Там же. С. 194.

⁴¹ См.: Нарочницкая Н.А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 14.

Из них возвратились на Родину только 1,8 млн человек. Почти все остальные были уничтожены в гитлеровских концлагерях. Большинство погибших на фронтах и пленных приходится на 1941–1942 гг. В то трагическое время, когда враг дошел до берегов Волги и предгорий Кавказа, советские люди не щадили своей жизни, чтобы отстоять Родину, которой угрожала смертельная опасность. Уместно вспомнить слова древнегреческого полководца Фемистокла по поводу войны между персами и греками (480 г. до н.э.): «Мы бы погибли, если бы не погибали». Немалую цену заплатиланаша страна и в борьбе за освобождение 13 стран Европы и Азии. Более миллиона советских воинов погибли в сражениях в Восточной и Центральной Европе, на Балканах, в Китае и Корее. Из них 600 тыс. – в Польше, 140 тыс. – в Чехословакии, столько же в Венгрии, более 100 тыс. – в Германии⁴².

Миллионы советских граждан погибли в результате массовой принудительной депортации в Германию, были уничтожены захватчиками на оккупированной территории СССР. Их общее число достигло 13,7 млн человек. Много людей было уничтожено в захваченной нацистами Европе, в том числе были убиты: в Польше – 4,1 млн человек, Югославии – 1 700 тыс., Греции – 450 тыс., Нидерландах – 210 тыс., Бельгии – 88 тыс. Миллионы людей погибли в азиатских и других странах, оккупированных агрессорами.

Потери убитыми в странах антигитлеровской коалиции составили: в Китае – 10 млн человек, в США – 405 тыс., Великобритании – 375 тыс., Франции – 600 тыс., Канаде – 37 тыс., Австралии – 35 тыс., Новой Зеландии – 12 тыс., Южно-Африканском Союзе – 7 тыс.

Пленными вооруженные силы Великобритании (включая войска доминионов и колоний) потеряли около 350 тыс. человек; сухопутные войска США – 125 тыс.

Главные противники антигитлеровской коалиции также понесли крупные потери. В Германии убитыми и пропавшими без вести они составили до 9,4 млн человек, в том числе в вермахте до 7,0 млн, Японии – 2,3 млн, Италии – 500 тыс.

На советско-германском фронте безвозвратные людские потери вооруженных сил Германии, включая пленных, составили 7,2 млн человек, а вместе с вооруженными силами стран – ее союзниц – более 8 млн (при этом Венгрия потеряла 809 тыс. человек, Румыния – 475 тыс., Италия – 92 тыс., Финляндия – 84 тыс., Словакия – 67 тыс. человек)⁴³.

За годы войны общее количество взятых в плен немецких войск превысило 7 млн человек. Число военнослужащих Германии и ее европейских союзников, плененных Красной Армией, составило около 3,5 млн человек.

Военные действия со стороны стран фашистского блока сопровождались невиданными зверствами по отношению к народам, попавшим в немецкую или японскую оккупацию. Не было такой страны, где бы каждый шаг захватчиков ни был отмечен убийствами, зверским обращением с военнопленными,

⁴²См.: Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: ист. очерк. М., 2002. С. 548.

⁴³Там же. С. 548–549.

взятием и уничтожением заложников, грабежом общественной и частной собственности, тактикой выжженной земли. 11 млн мужчин, женщин и детей из всех стран Европы погибли в фашистских лагерях смерти.

Гитлеровцы уничтожили национальное достояние целых народов – индустрию, города, пути сообщения, центры национальной культуры. Только в Европе было разрушено 23,6 млн жилых домов, 14,5 млн общественных зданий и промышленных предприятий, свыше 200 тыс. км железнодорожных путей. В Югославии гитлеровцы разгромили 350 тыс. домов, 80% транспортных средств, 60% заводов и мастерских, 70% скота. В Польше фашисты разрушили около 40% национального богатства страны, почти 65% промышленных предприятий.

Наибольший материальный ущерб был нанесен **советскому народу**. 25 млн человек остались без крова. Было разрушено 1 710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, 6 млн зданий, 32 тыс. промышленных предприятий, 4 100 железнодорожных станций, около 63 тыс. км железнодорожных путей, 1 870 железнодорожных мостов и других сооружений⁴⁴.

Тотальная война, которую вели государства-агрессоры, была тотальным ограблением человечества. Она стала новой, невиданной по масштабам и жестокости исполнения формой геноцида.

В апреле 1988 г. при министерстве обороны СССР была образована **комиссия**, занявшаяся подсчетами людских потерь на советско-германском фронте в 1941–1945 годах. В результате тщательного изучения и обобщения всех выявленных документов и материалов комиссия установила, что безвозвратные потери личного состава вооруженных сил, в том числе пограничных и внутренних войск НКВД, в 1941–1945 гг. составили 11 440 100 человек. Из них: 1) убито и умерло от ран на этапах эвакуации и в госпиталях – **6 329 600**; 2) пропало без вести, попало в плен – **4 559 000**; 3) небоевые потери (погибло в результате происшествий, несчастных случаев, умерло от болезней и др.) – **555 500**.

При анализе людских потерь государств в войне необходимо иметь в виду, что безвозвратные потери личного состава вооруженных сил и безвозвратные людские военные потери государства в целом неравнозначны. Потери вооруженных сил всегда больше, поскольку включают раненых, ставших инвалидами и выбывших из вооруженных сил по ранению и болезни, а также военнопленных. Эти категории потерь для страны безвозвратными не считаются⁴⁵.

В результате проделанной работы **людские потери Советского Союза во время Великой Отечественной войны**, высчитанные методом демографического баланса, были оценены в 27 млн человек, в том числе потери военнослужащих Вооруженных Сил – 8 700 тыс. человек.

⁴⁴См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: ист. очерк. С. 549.

⁴⁵См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 220.

Эти данные были обнародованы в докладе Президента СССР **М.С. Горбачева** на торжественном собрании, посвященном 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Война унесла почти 27 миллионов жизней советских людей». Эта цифра названа также в выступлениях министра иностранных дел и министра обороны СССР⁴⁶.

Отсутствие официальных данных о потерях Советских Вооруженных Сил способствовало появлению на страницах книг и периодической печати различных толкований и домыслов о соотношении людских потерь противоборствующих сторон на советско-германском фронте. В ряде публикаций приводятся соотношения потерь 1 : 5, 1 : 7 и даже 1 : 10 в пользу противника. Об этих несоответствиях сказано в статье **М.А. Гареева**. В дополнение к его доказательствам добавим следующее.

Во многих публикациях сравниваются несоразмерные величины. У противника берутся потери солдат и офицеров фашистской Германии (без ее союзников и граждан других государств, воевавших на стороне Германии), а у Советского Союза – безвозвратные потери всего населения, в том числе гражданских лиц, умерших от голода и болезней, в концлагерях и на принудительных работах в Германии и в оккупированных ею странах. При этом не учитывается, что военные действия на территории нашей страны продолжались свыше трех лет, а на территории Германии – менее 5 месяцев. Поэтому потери гражданского населения Советского Союза от боевых действий во много раз превысили потери немецкого населения⁴⁷. Кроме того, в отличие от СССР гитлеровской Германии сознательно проводили политику геноцида по отношению к населению Советского Союза.

Что касается ошибок, допускаемых в публикации о людских потерях в войне, то они связаны, главным образом, с нежеланием авторов исследовать необходимые документы. Многие из них идут по легкому пути, используя в своих работах ранее публиковавшиеся данные, в основном из иностранной литературы, без должной проверки и анализа.

Вернемся к **потерям советских вооруженных сил**.

В зарубежной печати, прежде всего в Германии, количество советских военнопленных определяется в пределах 5 200 000 – 5 750 000 человек, причем основная их масса приходилась на первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.). Вероятно, авторы используют сведения о захваченных фашистами пленных, полученные от штабов групп армий, действовавших на советско-германском фронте в 1941 г. Так, в сводках германского верховного командования сообщалось, что в котлах под Белостоком, Гродно и Минском было взято в плен 300 000 человек, под Уманью – 103 000, под Витебском, Оршей, Могилевом, Гомелем – 450 000, под Смоленском – 180 000, в районе Киева – 665 000, под Черниговом – 100 000, в районе Мариуполя – 100 000, под Брянском и Вязьмой – 663 000 человек. Итого в 1941 г. взято в плен 2 561 000 человек.

⁴⁶См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 220–221.

⁴⁷Там же. С. 221.

Данные внушительные, но не совсем точные, так как фашистское командование в состав военнопленных включало всех сотрудников партийных и советских органов, а также мужчин, независимо от возраста, отходивших вместе с отступавшими и выходившими из окружения войсками.

В итоге подсчитано таким образом количество взятых в плен советских военнослужащих порой превышало численность армий и фронтов, участвовавших в той или иной операции. Например, немецкое командование сообщило, что восточнее Киева было взято в плен 665 000 советских солдат и офицеров. Между тем количество войск Юго-Западного фронта к началу Киевской оборонительной операции составило 627 000 человек, из которых 150 000 человек в окружении не попали. Аналогичное положение о захвате 100 000 военнопленных в Севастополе. Видимо, гитлеровцы подсчитали и все население города, которое не смогло эвакуироваться.

В этой связи напомним высказывание английского историка **Д. Фуллера**, утверждавшего, что «верить немецким коммюнике о победах нельзя, ибо в них зачастую приводились астрономические цифры»⁴⁸.

Все это показывает, что данные о людских потерях в минувшей войне, публикуемые в зарубежной печати, следует тщательно проверять и только после соответствующего анализа давать в печать.

Необходимо иметь в виду, что в немецких лагерях для военнопленных находилось большое число советских граждан, не относившихся к военнослужащим и захваченных гитлеровцами в нарушение Гаагской и Женевской конвенций. Это подтвердил бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа К. Остеррайх. В показаниях, данных им в декабре 1945 г., он указывал, что в подчиненных ему лагерях на Украине одновременно с военнопленными содержалось до 20 тыс. советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов Украины, охваченных партизанским движением⁴⁹.

Комиссией, созданной в 1988 г., как говорилось выше, было определено, что в годы Великой Отечественной войны пропало без вести и попало в плен 4 559 000 военнослужащих. Из этого числа достоверно известно об участии 3 448 500 человек (1 836 000 вернулись из плена после войны, 937 700 были призваны вторично из оказавшихся на освобожденной территории, 673 000 погибли в плену по данным противника). Неизвестна судьба 1 110 500 военнослужащих.

По расчетам комиссии из этого количества около 610 000 умерли в плену и не вернулись на родину (в немецких документах не учтены) и более 500 000 человек, вероятно, погибли на поле боя, но в донесениях фронтов они были показаны в числе пропавших без вести. Таким образом, в немецком плену было примерно 4 млн советских военнослужащих.

Анализируя и сопоставляя все документы, следует утверждать, что с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. Советская Армия захватила в плен

⁴⁸См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 221–222.

⁴⁹Там же. С. 222.

3 777 300 солдат и офицеров противника. Из этого числа учтено: немцев – 2 389 500, австрийцев – 156 800, венгров – 513 800, румын – 201 800, итальянцев – 48 900, финнов – 2 400 человек. Остальные 464 100 военнопленных – других национальностей (французы, словаки, чехи, поляки, испанцы, хорваты, бельгийцы, голландцы и другие) из состава добровольных формирований, служивших в вермахте⁵⁰.

На основании немецких документов **расход людских мобилизационных ресурсов Германии** в годы Второй мировой войны выглядит следующим образом (таблица 2):

Таблица 2 – Потери фашистской Германии во Второй мировой войне

1. Призвано в вооруженные силы и войска СС за период с 1 июня 1939 по 30 апреля 1945 г. Из них:	17 893 000 чел.
2) Демобилизовано из вооруженных сил для использования в военной экономике	2 000 000
3) Демобилизовано из вооруженных сил по ранению и болезни на длительный срок и инвалидов	2 310 000
4) Раненые и больные, находившиеся в госпиталях на конец войны	700 000
5) Погибло в боях, умерло в госпиталях	3 810 000
6) Попало в плен	3 357 000
Всего:	12 177 000
2. Состояло в вооруженных силах и войсках СС на 1 мая 1945 г.	4 500 000
Итого:	16 677 000

Из приведенных цифр видно, что до 17 893 000 человек, мобилизованных в Германии в годы войны, недостает 1 216 000, судьба которых неизвестна. Видимо, они погибли на поле боя, умерли на пересыльных пунктах, а также в пути следования в лагеря военнопленных, располагавшихся в глубоком тылу.

Анализ выявленных архивных материалов и последние публикации в советской и зарубежной печати по вопросам военного ущерба во Второй мировой войне стран, участвовавших в войне, показывает, что безвозвратные **людские потери фашистской Германии** на советско-германском фронте составили 6 923 700 человек (включая Австрию, Люксембург, Эльзас, Лотарингию, судетских немцев, добровольные формирования из других государств) и ее союзников (Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии) – 1 725 800 человек.

Таким образом, людские военные потери Германии и ее союзников, воевавших в Европе против СССР, были очень велики и в значительной

⁵⁰См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 223.

мере предопределили полный разгром и капитуляцию их вооруженных сил. Только безвозвратные потери составили 8 645 500 человек. Следовательно, соотношение по людским потерям на советско-германском фронте составляет не более чем 1:1,3 в пользу противника. Общие же людские потери вооруженных сил Германии во Второй мировой войне равны 13 448 000 человек, или 75,1% от числа мобилизованных и 46% от всего мужского населения Германии на 1939 г., включая Австрию⁵¹.

В апреле 2016 г. помощник министра обороны Российской Федерации, член Центрального совета Российского военно-исторического общества, генерал-майор **Александр Кириллин** заявил, что в ходе Великой Отечественной войны СССР потерял более 8,8 млн военнослужащих – 8 866 400 солдат и офицеров. Он подчеркнул, что в это число входят боевые потери, погибшие в плену, пропавшие без вести. А. Кириллин сказал, что на Родину из плена вернулись примерно 1,8 млн человек. В свою очередь, начальник управления министерства обороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества **Владимир Попов** сообщил, что потери германского вермахта в ходе войны составили 6,7 млн человек⁵².

Боевые потери – потери в личном составе, оружии, технике и материальных средствах от воздействия всех видов оружия противника и сопутствующих поражающих факторов.

К боевым потерям относятся также потери в личном составе в результате обморожения, ожогов, отравлений, заболеваний и травм, связанных с боевыми действиями войск, а также пропавшие без вести и попавшие в плен. Потери могут быть безвозвратными, когда личный состав после выздоровления возвращается в строй, а оружие, военная техника и другие материальные средства – после восстановления становятся пригодными для использования. Возвратные боевые потери в личном составе являются частью санитарных потерь.

С развитием и непрерывным совершенствованием средств ведения войны наблюдается постоянная тенденция к росту боевых потерь. Так, если в Первой мировой войне боевые потери российской армии составили 7 402 549 человек, из них безвозвратные – 2 254 369 человек, то в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. боевые потери военнослужащих только списочного состава Красной Армии составили 30 995 305 человек, из них безвозвратные – 8 668 400 человек.

«По своему характеру потери распределены на боевые и неболевые. Боевые – это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен» (Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 8).

Взято из: Степанищев А.Т., Филипповых Д.Н. Словарь-справочник по военно-исторической терминологии. М., 2004. С. 29.

⁵¹ См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 224.

⁵² См.: В Минобороны уточнили данные по потерям СССР в Великой Отечественной войне (электронный ресурс) // Интерфакс. 2016. 30 апреля.

По утверждению академика РАН (г. Москва) Геннадия Осипова, на первые шесть с небольшим месяцев войны приходится 27,8% от общего числа погибших за войну. Германская армия в начале войны была объективно сильнее. Нельзя забывать, что кроме вермахта и войск СС в войну против СССР сразу же включились 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии: Финляндии, Венгрии и Румынии. 22 июня их солдаты составили 20% армии вторжения. Затем к ним примкнули итальянцы и словаки и к концу июля 1941 г. войска сателлитов Германии насчитывали около 30% сил вторжения. Но потом немцы научились хорошо воевать и на заключительном этапе войны потери германской армии были в 1,4 раза больше, чем советских вооруженных сил⁵³.

По **Александру Осокину** (писатель и публицист) до конца 1941 г. в плен попало от 3,5 до 3,8 млн советских солдат и офицеров.

По данным, опубликованным группой исследователей под руководством консультанта Военно-мемориального центра ВС РФ **Григория Кривошеева** в 1993 г., потери в ВОВ следующие:

1) Людские потери СССР – 6,8 млн военнослужащих убитыми, 4,4 млн попавшими в плен и пропавшими без вести. Общие демографические потери (включающие погибшее мирное население) – 26,6 млн человек.

2) Людские потери Германии – 4,046 млн военнослужащих погибшими, умершими от ран, пропавшими без вести (включая 442,1 тыс. погибших в плену), еще почти 3 млн вернулось из плена после войны. Общие демографические потери Германии и ее сателлитов (включая погибшее мирное население) – 11,8 млн человек.

3) Людские потери стран-союзниц Германии – 806 тыс. военнослужащих погибшими (включая 137,8 тыс. погибших в плену), еще 662,2 тыс. вернулись из плена после войны.

4) Безвозвратные потери армий СССР и Германии (включая военнопленных) – 11,5 млн и 8,6 млн человек (не считая 1,6 млн военнопленных после 9 мая 1945 г.) соответственно. Соотношение безвозвратных потерь армий СССР и Германии с сателлитами составляет 1,3 : 1. т.е. ни о каком «завале немцев трупами» и «несоразмерном уровне военных потерь» речи не идет⁵⁴.

Безвозвратные потери – часть боевых потерь.

Включают: убитых, пропавших без вести, попавших в плен, умерших от ран, умерших от болезней, полученных на фронте и уволенных вследствие получения инвалидности военнослужащих, а также военные материальные средства, которые нельзя восстановить и обратить на нужды вооруженных сил.

⁵³ См.: Война живых и мертвых. Дебаты о наших потерях в Великой Отечественной войне не утихают до сих пор // Московская неделя. 2010. 6 мая. № 80(28095). С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 4.

«За годы войны общие безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил с пограничными и внутренними войсками составили 11 444 100 человек (1087 тыс. убитых и умерших и 3 343 900 пропавших без вести и оказавшихся в плену)».

Взято из: Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты: справочник / под ред. О.А. Ржешевского. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 417.

По **Н. Плеханову**, за всю историю человечества ни одна страна не понесла такой урон в результате военных действий. Советский Союз потерял около 30% национального богатства и десятки миллионов человек. Нацисты планировали выселить в Сибирь с Украины 65% украинцев, из Белоруссии – 75% белорусов. Освобожденные территории подлежали заселению немецкими колонистами.

Западногерманский экономист **Б. Эндрукс** рассчитал, что если на Первую мировую войну было израсходовано 260 млрд долларов, то на Вторую – 3 300 млрд. Бюджетные ассигнования на военные цели составили в США 275 млрд долларов, в Германии – 272 млрд, в Англии вместе с Канадой – 120 млрд, во Франции – 15 млрд, в Италии – 94 млрд, в Японии – 56 млрд, в СССР – 357 млрд долларов.

А расчеты французского экономиста **А. Клода** свидетельствуют, что общая стоимость разрушений, произведенных в ходе войны в европейских государствах, составила 260 млрд долларов (в ценах 1938 года). Из этой суммы на СССР приходится 128 млрд (679 млрд рублей).

На территориях, подвергшихся временной оккупации, в 1941 году проживали 88 млн человек, или 40% всего населения СССР, 32% рабочих и служащих. На этих территориях находилось 33% основных фондов предприятий, производивших 33% валовой продукции всей промышленности страны. Также была захвачена территория с плодородными землями, на которой до войны было занято посевами зерновых и технических культур свыше 70,8 млн га, или 47% всего пахотного поля страны, собиралось 38% зерна, 53% льна-долгунца, выращивалось 45% поголовья крупного рогатого скота, 68% свиней, 29% овец и коз.

О том, чем и сколько заплатила после войны Германия за материальный ущерб, нанесенный нацистами экономике СССР, до сих пор известно немногим. Однако по информации военного историка, профессора, действительного члена Академии военных наук **Михаила Семиряги**, советские трофейные команды отправили из Германии в СССР более 2,5 тыс. демонтированных промышленных предприятий, свыше 2 млн голов рогатого скота, почти 100 тыс. вагонов со стройматериалами, мебелью, вещами, различным оборудованием, около 3 млн пар обуви, 0,5 млн радиоприемников, 60 тыс. одних только роялей и пианино и многое другое.

Но все равно, по данным и российских, и западных экспертов, с учетом выплаченных сумм долг Германии по репарациям все еще составляет 3 трлн 271 млрд долларов⁵⁵.

⁵⁵ См.: Плеханов Н. Ах, война! Что ты сделала, подлая! // СБ. Беларусь сегодня. 2015. 7–13 мая 2015. № 18 (609). С. 3.

Как отмечает **В.П. Смирнов**, победа над Германией, была достигнута ценой огромных усилий и жертв, и поэтому вопрос о «цене победы» стал предметом напряженных и далеко еще не завершенных дискуссий. По сообщению советской Чрезвычайной Государственной комиссии, оккупанты полностью или частично разрушили 1 710 городов и поселков СССР, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий, лишив крова около 25 млн человек. СССР потерял за годы войны 30% своего национального богатства.

Германия также тяжело пострадала от военных действий и разрушений, осуществленных по приказу Гитлера о «выжженной земле». 25% жилого фонда Германии и вся ее транспортная система были разрушены. Промышленное производство остановилось, 20% промышленных предприятий оказались непригодными к восстановлению, $\frac{2}{3}$ библиотечных и архивных фондов погибли. 12 млн немцев были выселены с территорий, которые отошли к Польше, Чехословакии и Советскому Союзу⁵⁶.

Особенно тяжкими были безвозвратные людские потери, сведения о которых до сих пор остаются противоречивыми и неточными. Как в СССР, так и в Германии их учет был крайне затруднен условиями войны. Данные о потерях долго считались секретными, каждая сторона стремилась приуменьшить свои потери и преувеличить потери противника.

В 1946 г. **Сталин** впервые назвал официальную цифру советских потерь – более 7 млн человек. Эта явно заниженная цифра вызвала критику за рубежом, но в Советском Союзе открыто обсуждать ее тогда не могли. Лишь через полтора десятка лет **Н.С. Хрущев**, сменивший Сталина у руководства Коммунистической партии и советского государства, объявил, что потери СССР в войне составили более 20 млн человек – почти в три раза больше, чем говорил Сталин. С тех пор цифра «более 20 млн человек» не раз повторялась в выступлениях советских руководителей, однако какие-либо более точные данные о потерях оставались строго секретными.

Открытое обсуждение размеров советских потерь и их сопоставление с потерями Германии стало возможным только в результате «перестройки» и падения советской власти. В 1990 г. инициатор «перестройки» Генеральный секретарь ЦК КПСС **М.С. Горбачев** обнародовал новую цифру советских потерь, полученную в результате длительных исследований ученых-демографов, – «почти 27 млн человек». Такие гигантские потери примерно в три раза превышали потери России в Первую мировую войну и Гражданскую войну вместе взятые⁵⁷.

Некоторые журналисты и историки публиковали еще более страшные цифры: 40 млн, 44 млн и даже 46 млн советских граждан, погибших в войну, в том числе 22 млн солдат и офицеров.

В появившейся в 1991 г. книге **Б.В. Соколова** прямые советские военные потери исчислялись примерно в 30 млн человек (в том числе

⁵⁶ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. С. 287.

⁵⁷ Там же. С. 287–288.

14,7 млн военнослужащих), а «действительные и потенциальные потери СССР в Великой Отечественной войне» – в 46 млн человек (включая 16 млн неродившихся детей). Автор был уверен, что «получить иные результаты просто невозможно», хотя уже через два года снизил общую сумму потерь на 4 млн человек.

Как и при подсчете жертв политических репрессий, авторы обычно применяли балансовый метод. Они исходили из сравнения численности населения СССР в 1941 г. (которая известна только приблизительно, потому что последняя перепись населения проводилась в 1939 г.) с предположительной численностью послевоенного населения СССР, которая, по их мнению, могла бы существовать, если бы не было войны, а коэффициенты рождаемости и смертности не менялись. Всю разницу между этими цифрами они относили к военным потерям. Сведения о потерях Германии брали из работ немецких историков и генералов, полагавших, что Германия потеряла около 6 млн человек, в том числе примерно 3 млн военнослужащих⁵⁸.

В 1993 г. под редакцией генерал-полковника **Г.Ф. Кривошеева** вышло в свет первое, основанное на ранее недоступных архивных документах, фундаментальное статистическое исследование потерь Советского Союза в войне под характерным названием «Гриф секретности снят».

В 2001 г. появилось его значительно расширенное переиздание: «Россия и СССР в войнах XX века», где большая группа специалистов подробнейшим образом рассмотрела данные о потерях СССР и России во всех вооруженных конфликтах XX в., в том числе людские и материальные потери во всех крупных операциях Великой Отечественной войны. Балансовый метод они дополнили донесениями войск о потерях и извещениями военкоматов о погибших и пропавших без вести, которые рассылали родственникам по месту жительства. Согласно этим данным, воспроизведенным также в коллективном труде сотрудников Института Российской истории РАН под редакцией академика **Ю.А. Полякова**, общее количество людских потерь СССР за годы Великой Отечественной войны составило 25,3 млн человек, к которым авторы добавили 1,3 млн детей, умерших из-за повышенной по сравнению с мирным временем смертностью. В общей сложности получилось 26,6 млн человек. На долю вооруженных сил приходится меньше половины этих потерь – 11 млн 441,1 тыс. человек, включая 4 млн 559 тыс. военнопленных, из которых 1 млн 836 тыс. вернулись в СССР после войны. Таким образом, погибли в бою или умерли от ран и болезней 8 млн 668,4 тыс. советских военнослужащих⁵⁹.

Германия потеряла на советско-германском фронте 7 млн 181,1 тыс. солдат и офицеров. 3 млн 576,3 тыс. из них попали в плен (главным образом в 1944–1945 гг.), а 2 млн 910,4 тыс. вернулись из плена. Следовательно, всего погибло 4 млн 270,7 тыс. немецких солдат и офицеров.

⁵⁸ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. С. 287–288.

⁵⁹ Там же. С. 288–289.

Армии Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии потеряли 1 млн 468,2 тыс. человек убитыми, умершими и пленными, а за вычетом вернувшихся из плена – 806 тыс. человек. В итоге за время боев на советско-германском фронте Германия и ее союзники потеряли убитыми, умершими от ран и пленными 8 млн 649,3 тыс. военнослужащих, а за вычетом вернувшихся из плена – 5 млн 076,7 тыс. человек⁶⁰.

Советские потери существенно больше: 8 млн 668 тыс. убитых и умерших военнослужащих в СССР против 5 млн 076,7 тыс. убитых и умерших в Германии и у ее союзников.

Потери военной техники в СССР также значительно больше, чем в Германии: по танкам в три раза, по самолетам в 1,5 раза, по орудиям и минометам в 1,1 раза. Надо, однако, иметь в виду, что численность населения Советского Союза в 1941 г. (196,7 млн человек) почти в 2,5 раза превышала численность населения Германии в границах 1941 г. (около 80 млн человек), и поэтому доля потерь вооруженных сил (включая пленных) по отношению к общей численности населения в Германии (7,9%) выше, чем в СССР (5,8%). Потери СССР убитыми в бою и умершими от ран составили 4,6% от общей численности населения, потери Германии – 4,7%.

Потери мирного населения Советского Союза были гораздо больше, чем в Германии, потому что немецкие оккупанты в течение 4-х лет массами уничтожали мирное население, вывозили советских людей на принудительные работы в Германию, принуждали к непосильному труду, морили голодом. Безвозвратные потери мирного населения СССР составляют, по крайней мере, 13,7 млн человек, включая 7,4 млн истребленных оккупантами и 2,1 млн погибших на принудительных работах в Германии. Потери мирного населения Германии, по-видимому, превышают 3 млн человек.

Очень болезненным является вопрос о советских военнопленных, которые, освободившись из плена и вернувшись в СССР, нередко оказывались в советских тюрьмах и лагерях – в соответствии с приказом 1941 г., предписывавшим считать пленных «злостными дезертирами» или по подозрению в сотрудничестве с оккупантами. На 1 марта 1946 г. в СССР состояли на учете 1 млн 539 тыс. 475 человек, вернувшихся из плена. Из них 659 тыс. 190 человек (42,82%) снова призвали на военную службу; 281 тыс. 780 чел. (18,31%) направили к месту жительства, 344 тыс. 448 (22,37%) зачислили в «рабочие батальоны», а 226 тыс. 127 чел. (14,69%), в том числе более 177 тыс. военнослужащих армии Власова, «передали в распоряжение НКВД», то есть отправили в лагеря, тюрьмы и ссылки.

В плен попали 83 советских генерала, 15 из них были казнены гитлеровцами, еще 10 умерли от голода и болезней. В СССР вернулись 57 генералов. Судьба многих из них была трагичной: 23 присудили к смертной казни, двое умерли в тюрьме, пять человек приговорили к

⁶⁰ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. С. 289.

тюремному заключению на срок от 10 до 25 лет. 27 генералов продолжили службу в Советской Армии⁶¹.

М. Луканин отмечает, что среди историков до сих пор не утихает спор: какой же все-таки ценой досталась нам победа в Великой Отечественной войне. Тем более что и методы подсчета у разных исследователей разные.

Официальные данные о потерях СССР менялись три раза. В 1946 году Сталин объявил, что всего Советский Союз потерял 7 млн человек. В другую эпоху – при Хрущеве и Брежневом – говорили уже о 20 млн. В конце 1980-х годов, при Горбачеве, эта цифра увеличилась до 26,6 млн человек. У некоторых историков в период «перестройки» появилось собственное мнение: число жертв войны составило якобы не менее 40 млн. Однако до сих пор официально признанными являются «горбачевские» 26,6 млн человек. Эту цифру получили в результате исследований, проведенных во второй половине 1980-х годов Госкомстатом, Центром по изучению проблем народонаселения при МГУ и Генштабом Вооруженных сил.

– Это суммарные потери гражданского населения и военнослужащих, – пояснил известный военный историк генерал-майор запаса **Александр Кириллин**, длительное время возглавлявший управление Минобороны РФ по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества. Это управление является в России главным по подсчету военных потерь (раньше оно называлось Военно-мемориальным центром)⁶².

По мнению Александра Кирилина, цифру 26,6 млн, конечно, нельзя назвать абсолютно точной, но в отличие от всех предыдущих она является документально обоснованной. С ним согласен профессор Историко-архивного института Российского университета **Иван Иван Анферьев**:

– В серьезных научных кругах, в том числе зарубежных, официальную оценку общих потерь Советского Союза в 26,6 млн человек считают вполне правдоподобной. Но эта цифра обозначает, скорее всего, нижний предел всех потерь. О верхнем мы никогда не узнаем, объективно рассчитать его невозможно. Понятно только, что погибших было гораздо больше.

Проще всего подсчитать потери личного состава Вооруженных сил. Специалисты считают, что здесь установить количество погибших можно с точностью до человека. Сегодня известно, что с 22 июня 1941 года по 8 мая 1945 года погибли 8 668 400 солдат и офицеров. Учитывались даже те, кого расстреляли по приговорам военных трибуналов. Последних было 103 тысячи.

В послевоенные годы постепенно стала проясняться судьба пленных и тех, кто считался пропавшим без вести. Их тоже причисляли к военным потерям. Но позже из 4 млн пленных живыми в СССР вернулся 1 млн 836 тыс. человек. Их в итоге исключили из числа так называемых безвозвратных потерь, но зато внесли туда тех, кто был мобилизован, но

⁶¹ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. С. 289–290.

⁶² См.: Луканин М. Счеты с войной не окончены // СБ. Беларусь сегодня. 2015. 14–20 мая. № 20(611). С. 6.

до фронта так и не доехал и поэтому не был зачислен в списки воинских частей. Это те, кто погиб под бомбежками по дороге на фронт. Сведения до сих пор корректируются.

Работа по уточнению списков погибших военнослужащих продолжается. Для этого создана межведомственная комиссия, в которую кроме Минобороны вошли представители Росархива, Росстата, ФСБ и МВД.

И все же, считает генерал **Александр Кириллин**, проблемы не в цифрах, а в установлении судеб погибших. Ведь огромное их количество лежат в земле как неизвестные солдаты. По некоторым данным, это примерно 4,5 млн человек. Их розыском занимаются добровольные поисковые отряды, а также созданный в Западном военном округе специальный штатный батальон.

В начале войны потери были настолько массовыми, что бойцов или вовсе не хоронили, или же закапывали во временных могилах. Потом их перезахоранивали в другом месте, и так бывало по 5–6 раз. К сожалению, многие безымянные могилы так и останутся навеки безымянными.

Кстати сказать, проблемы с подсчетом своих потерь остались сейчас только у Германии. Там, как и в России, установлена лишь приблизительная цифра фронтовых потерь, такая же запутанная ситуация с захоронениями. Немцы считают, что во Второй мировой войне они потеряли 5,3 млн военнослужащих, а вместе с гражданским населением – 8,4 млн человек⁶³.

Наконец, в журнале «**Военно-исторический архив**» за 2012 год была опубликована статья, в которой доказательно отмечалось, что на самом деле прямые людские потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составляли около 16 млн человек; из них – 11,5 млн – военные и 4,5 млн – гражданские⁶⁴.

Ближайшим и наиболее очевидным **итогом Второй мировой войны** были гигантские разрушения и людские потери. Война опустошила целые страны, обратила в развалины города и села, привела к гибели многих миллионов людей. Самые большие людские потери – 26,6 млн человек – понес Советский Союз. Германия и ее европейские союзники потеряли, по разным оценкам, от 8 до 13 млн человек. Погибли не менее 6 млн граждан Польши, 6 млн евреев, 2–3 млн японцев, 1,7 млн жителей Югославии.

Военные потери Китая составляют приблизительно 5 млн человек, а всего за годы войны в Китае погибло около 18 млн человек – главным образом, от голода и болезней. Потери коренных жителей азиатских и африканских стран, на территории которых велись военные действия: Бирмы, Индонезии, Вьетнама, Малайи, Туниса, Сирии, Эфиопии, Сомали – никто не считал. Военные потери Франции, США и Великобритании были относительно невелики: 635 тыс. убитых во Франции, около

⁶³ См.: Луканин М. Счеты с войной не окончены // СБ. Беларусь сегодня. 2015. 14–20 мая. № 20(611). С. 6.

⁶⁴ См.: О масштабах людских потерь в СССР в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.

300 тыс. – в США, свыше 400 тыс. – в Великобритании. Англия серьезно пострадала от воздушных бомбардировок; в США военных разрушений не было. По отношению к общей численности населения самые тяжелые людские потери понесли Польша (17,2%), Советский Союз (13,5%) и Югославия (11%).

Взято из: Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 310.

Что касается **советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.**, то позиции советской стороны в пользу его подписания были изложены еще в 1948 г. в исторической справке «**Фальсификаторы истории**». Доводы Москвы сводились к тому, что пакт 23 августа 1939 года дал Советскому Союзу почти двухгодичную отсрочку от войны, в которую иначе он был бы втянут уже в 1939 году; остановил продвижение Германии на восток и позволил начать войну с ней на более выгодных рубежах, на 200–300 км западнее прежних советских границ⁶⁵.

В беседе с Феликсом Чуевым 24 мая июля 1978 г. **В.М. Молотов** говорил, что «поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились. Они должны были согласиться. Это их инициатива – Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно принадлежит Советскому Союзу»⁶⁶.

В последние годы, отмечает **В.П. Смирнов**, были выдвинуты еще два существенных аргумента в пользу соглашения с Германией. Во-первых, благодаря ему СССР значительно расширил свою территорию, а это во всех странах всегда считалось важнейшей целью государственной политики; во-вторых, советскому руководству удалось столкнуть две враждебные ему группировки воюющих держав, заняв излюбленную политиками маккивеллиевского склада позицию «третьего радующегося»⁶⁷.

Пакт, отмечает известный российский историк и политик, внук В.М. Молотова, **Вячеслав Никонов**, позволил Москве создать серьезный геополитический задел, чтобы вернуть отторгнутые в 1918–1920 годах земли. Граница советской сферы «обоюдных интересов» точно укладывалась в наши геополитические приобретения XVIII–XIX веков. Оставаясь формально нейтральной страной, Советский Союз в течение года

⁶⁵ См.: Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1948. С. 55–56, 64,66.

⁶⁶ Чуев Ф. Сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 16.

⁶⁷ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны М., 2005. С. 60–61.

после пакта присоединил (вернул) территории с населением в 23 миллиона человек и обеспечил благоприятные условия для переговоров о будущем Европы и мира после войны. На несколько сотен километров будут отодвинуты на запад границы Советского Союза. Эти сотни километров германские войска будут вынуждены преодолевать в 1941 году, теряя время и силы при наступлении, а тогда каждый день мог быть и был решающим для определения исхода войны. Черчилль подчеркивал, что «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».

Критика пакта насчитывает тысячи томов в нашей стране и особенно за рубежом. В качестве его наиболее негативных последствий называют усиление антисоветских тенденций на Западе и снижение международного престижа СССР, подталкивание Германии к войне с Польшей, дезориентацию антифашистских сил и свертывание антигитлеровской пропаганды, возможность для Германии получать советское сырье, попрание ленинских принципов внешней политики, нарушение норм международного права, решение судьбы суверенных стран без их участия, превращение Советского Союза в невоюющего союзника Германии. Что ж, критика имеет под собой основания.

Были ли причины для возмущения у Польши и прибалтийских государств? Безусловно. Их территории, которые войдут в последующие месяцы в состав СССР, не только лишились суверенитета, но и испытали на себе всю строгость революционной законности, знакомой советским людям с 1917 года. Было много трагедий для государств и их граждан. Другой вопрос: если бы эти территории уже в августе 1939 года оказались оккупированы нацистами, им было бы лучше?

Для Сталина и Молотова 23 августа линия разграничения интересов означала не новую границу СССР, а в первую очередь ту черту, которую не должен был переступить сапог немецкого солдата в ближайшие дни. Советский Союз вовсе не стал союзником Германии, он вырвал передышку. Сталин ни на миг не поверил Гитлеру – он даже самым близким соратникам не верил. СССР не был виновен в развязывании войны – ее развязали Германия и ее настоящие союзники – Япония и Италия, что и было достоверно установлено Нюрнбергским трибуналом.

Пакт не был безупречным решением, если такие тогда были вообще возможны. Но в тех условиях он был, пожалуй, лучшим из возможных решений. Молотов говорил об этом 31 августа, когда вынес договор на ратификацию в Верховный Совет:

– Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Разве трудно понять, что СССР проводит и будет проводить свою собственную, самостоятельную политику, ориентирующуюся на интересы

народов СССР и только на эти интересы? Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза⁶⁸.

«Некоторые противники пакта 23 августа 1939 г., – пишет **В.П. Смирнов**, – ныне утверждают, что Советский Союз, несмотря на недоверие к политике Англии и Франции, все же должен был заключить союз с ними, и тогда Германия не решилась бы напасть на Польшу, а если бы и напала, то была бы быстро разбита, так как в 1939 г. она якобы еще не была готова к войне. Эта аргументация основана на предположениях, которые невозможно проверить и которые мало обоснованы. Гораздо более правдоподобно вытекающее из хода Московских переговоров другое предположение: если бы СССР, Англия и Франция начали войну против Германии без согласия Польши и Румынии на проход советских войск, то Советскому Союзу пришлось бы нести всю ее тяжесть, ибо Англия обещала предоставить для военных действий всего пять дивизий, а Франция намеревалась лишь обороняться за линией Мажино. Германия тогда имела 103 пехотных и 6 танковых дивизий и была готова к войне гораздо лучше, чем Англия, Франция и СССР.

Конечно, СССР мог не заключать соглашения о разделе «сфер интересов» и просто остаться нейтральным государством, но тогда он не получил бы никаких территориальных приращений.

Следовательно, пакт 23 августа 1939 г. и секретный протокол к нему, нарушавший нормы международного права и суверенитет соседних стран, с геополитической точки зрения соответствовал государственным интересам Советского Союза, как их традиционно понимали политики и дипломаты»⁶⁹.

Нападение на Польшу началось в 4.45 утра 1 сентября. По плану «Вайс» группа армий «Север» генерал-полковника фон Бока прорывалась через «польский коридор», овладевала Данцигом, соединялась с 3-й армией в Восточной Пруссии и стремительно наступала на Варшаву с севера. Еще более мощная группа армий «Юг» фон Рунштедта наносила удар на восток – в сторону Львова и на север – на Варшаву. План блицкрига удался: немецкие войска разрезали польские оборонительные порядки и на сходящихся направлениях устремились к польской столице.

Германия торопила руководство СССР со вступлением советских войск на польскую территорию, чтобы снять с себя единоличную ответственность за развязывание войны и окончательно испортить отношения Москвы с западными странами. Москва не намерена была выглядеть союзником Берлина и продолжала зондажи в Лондоне и Париже. Англия и Франция объявили состояние войны с Германией, но ни один их солдат еще не сделал ни шагу. 5 сентября Молотов вручил Шуленбургу памят-

⁶⁸ См.: Никонов В.А. Молотов. М., 2017. С. 319–320.

⁶⁹ Смирнов В.П. Указ. соч. С. 61.

ную записку: «Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел»⁷⁰.

В тот день польский посол **Гжибовский** впервые за два месяца соблаговолил дойти до Молотова. Заговорил о торговле, снабжении Польши военными материалами и о транзите военных материалов из других стран через СССР. Молотов подтвердил готовность выполнять торговое соглашение, остальное «маловероятно в данной международной обстановке, когда в войне уже участвуют Германия, Польша, Англия и Франция, а Советский Союз не хочет быть втянутым в эту войну на той или на другой стороне».

Вместе с тем темпы наступления вермахта в Польше стали для всех неожиданностью. 8 сентября армия Райхенау вышла к окрестностям Варшавы. 9 сентября Риббентроп опять отправил Шуленбурга к Молотову с предложением в спешном порядке «возобновить обмен мнениями о военных намерениях советского правительства». Предсовнаркома заверил посла:

– Скоро начнем.

Подготовленный для Сталина к 10 сентября сводный пакет аналитических документов приводил к выводам: экономически Польша вести войну уже не в состоянии, она потеряла 40 процентов территории, основные промышленные центры и порты. Военное поражение неизбежно. В советском политическом лексиконе появились термин «линия Керзона» и тема украинского и белорусского меньшинств в Польше. Молотов вызвал Шуленбурга и пояснил, что Советскому Союзу нужны две-три недели для подготовки. «Далее Молотов перешел к политической стороне вопроса, заявив, что советское правительство имеет намерение воспользоваться дальнейшим продвижением немецких войск, чтобы заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия», – записал Шуленбург. Естественно, такая мотивировка советской позиции была совершенно неприемлема для Берлина⁷¹.

Запад, как и следовало ожидать, Польше ничем не помог. Польская военная миссия, прибывшая в Лондон 3 сентября, смогла встретиться с начальником английского Генштаба генералом Айронсайдом только 9-го. И узнала об отсутствии у Лондона каких-либо планов содействия Польше. В ночь на 6 сентября французские войска перешли границы Германии по фронту протяженностью 15 миль на глубину пять миль с захватом десятка покинутых немецких деревень. Германские войска без боя отошли за «линию Зигфрида». 9 сентября во Франции появилась передовая эскадрилья британских ВВС, а на следующий день начали прибывать подразделения английских экспедиционных сил. К 10 сентября французские вооруженные силы закончили развертывание по штатам военного времени, насчитывавшим около пяти миллионов человек. 110 француз-

⁷⁰ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 321.

⁷¹ Там же. С. 321–322.

ским и английским дивизиям на Западе противостояли 23 второсортные германские, имевшие запас боеприпасов на три дня. 12 сентября во французском Абвиле Чемберлен и Даладьё пришли к выводу о бесполезности усилий по спасению Польши. Гитлеру не придется снять ни одного солдата с Восточного фронта⁷².

14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока». Спешить заставляло и то обстоятельство, что в Берлине существовали планы создания подконтрольных Германии государств в Польской Украине и Галиции, если туда не войдут советские войска, чем Риббентроп недвусмысленно шантажировал СССР в телеграмме Молотову от 15 сентября. В ряде мест наступавшие германские войска уже перешли линию Керзона⁷³.

Перед тем как начать движение войск, Кремль проявил большую дипломатическую активность, по максимуму снимая спорные моменты в отношениях с соседями. 3 сентября Молотов предложил Анкаре договориться о «помощи Турции в случае нападения на нее извне в районе проливов или Балкан и об эквивалентной помощи нам со стороны Турции». Молотов встретился с финским посланником Ирие-Коскиненем и заявил, что «положительно относится к вопросу об улучшении отношений между СССР и Финляндией». Москва признала Словакию.

Но больше всего времени в дни, предшествовавшие вводу войск в Польшу, Молотов уделил Японии. Важно было поставить точку в войне на Халхин-Голе, одновременно не испортив отношения с китайцами, уверенными в том, что после сближения Москвы с Германией последует сближение и с Японией. 9 сентября к Молотову пришел Того, который был наделен полномочиями действовать по собственному усмотрению. Несколько дней шли жесткие споры. «Какое-то время я опасался краха переговоров, – припишет себе заслугу японский посол, – но 16 сентября Молотов внял моим доводам и согласился на прекращение военных действий при сохранении позиций, занимавшихся обеими армиями, а также на создание комиссии по демаркации границы»⁷⁴.

Теперь Москва готова была действовать на Западе. С начала сентября были предприняты чрезвычайные меры по военной мобилизации. Политбюро приняло решение увеличить РККА на 76 стрелковых дивизий с доведением их общего числа до 173. IV сессия Верховного Совета приняла Закон «О всеобщей воинской обязанности», определявший порядок призыва по мобилизации. Был взят «курс на окончательный отказ от смешанной системы (сочетание регулярных частей с милиционно-территориальными)» и ориентацию «только на кадровую армию». 3 сентября ПБ задержало на месяц демобилизацию отслуживших свой срок младших офицеров и красноармейцев – это касалось 311 тысяч человек.

⁷² См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 322.

⁷³ Там же. С. 322–323.

⁷⁴ Там же. С. 323.

В ночь на 7 сентября в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении скрытой мобилизации под видом «Больших учебных сборов». В тот же день решением Совнаркома вводились в действие мобилизационный план по продфуражному довольствию и план доснабжения РККА вещевым довольствием. Всего будет призвано 2,61 миллиона человек. К двадцатым числам сентября численность Красной Армии превысит пять миллионов человек.

10 сентября Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК, четко разделившее функции Комитета Обороны и Экономсовета. КО по-прежнему возглавлял Молотов, его заместителем становился Вознесенский, членами – нарком ВМФ Кузнецов, Жданов, Микоян, Берия, Кулик, Шапошников и начальник разведывательного управления Проскуров. На Комитет Обороны было возложено снабжение армии и флота вооружением, техникой и автотранспортом, удовлетворение нужд армии по железнодорожным и водным перевозкам. На Экономсовет, который возглавили Микоян в качестве председателя и Булганин – его заместителя, возложили «обеспечение армии и флота продовольствием, сетевым и обозным довольствием, а также социально-ветеринарным и топливным довольствием (горючее) и политпросветимуществом»⁷⁵.

В два часа ночи 17 сентября Шуленбург, Хильгер и военный атташе генерал Кёстринг были приглашены к Сталину, в кабинете которого находились Молотов и Ворошилов.

Хильгер рассказывал: «В шесть часов утра, через четыре часа, – объявил Сталин, – Красная Армия пересечет границу Польши на всем ее протяжении, и Военно-воздушные силы нанесут бомбовые удары восточнее Львова». Он просил нас немедленно предупредить германские вооруженные силы, чтобы избежать инцидентов. Генерал Кёстринг пришел в возбуждение от столь позднего предупреждения и почти с отчаянием уверял, что времени недостаточно для предупреждения войск в поле. Столкновений между германскими и советскими войсками не удастся избежать. Тем не менее, все эти возражения были отмечены Ворошиловым»⁷⁶.

В ноте Молотова, врученной польской стороне Потемкиным, говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства... Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В пять утра в движение пришли силы Украинского и Белорусского фронтов, насчитывающие 466 тысяч человек, около 4 тысяч танков, 5,5 тыся-

⁷⁵ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 323–324.

⁷⁶ Там же. С. 323–324.

чи орудий и 2 тысячи самолетов. Польская пограничная охрана была без труда сметена. Прозвучало выступление Молотова по радио:

– Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие. В Польше создано положение, требующее со стороны советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства.

Маршал Рыдз-Смиглы издал приказ: «С Советами не воевать». Правительство Польши признало, что состояния войны с СССР не было. Москва тоже не объявляла войны Польше. Было решено не отзываться посла и не разрывать отношения.

В ночь на 22 сентября Красная Армия заняла оставленный поляками Гродно, 6-я кавдивизия приняла у немцев Белосток, а войска 4-й армии – Брест, где состоялся парад советских и германских войск, принятый комбригом Кривошеиным и генералом Гудерианом. Сталин и Молотов предложили пересмотреть сферы интересов, включив в советскую зону Литву и предложив взамен расширить германскую зону на восток до линии Керзона. Риббентроп ответил принципиальным согласием, но изъявил желание вновь приехать в Москву, чтобы самому провести переговоры⁷⁷.

И. Риббентроп прибыл в Москву 27 сентября. Его первая встреча со Сталиным и Молотовым началась в 22.00 и продолжалась три часа. Риббентроп, заявив, что «настоящий враг Германии» – Англия, предложил на антибританской основе выстроить долгосрочное германо-советское партнерство.

Сталин подтвердил, что «Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии», а «самостоятельная урезанная Польша всегда будет представлять постоянный очаг беспокойства в Европе». Поэтому было бы лучше «оставить в одних руках, именно в руках немецких, территории, этнографически принадлежащие Польше», а земли, населенные в основном украинцами и белорусами, передать Советскому Союзу. И включить в сферу советских интересов Литву. Риббентроп, согласовав по телефону вопрос с фюрером, передал его слова: «Я хотел бы установить совсем тесные отношения». Сталин в ответ лаконично произнес: «Гитлер свой гешефт понимает»⁷⁸.

Переговоры закончились подписанием семи документов, в том числе двух секретных дополнительных протоколов и доверительного протокола. Договор о дружбе и границе от 28 сентября предусматривал: «Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение... Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии произво-

⁷⁷ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 324.

⁷⁸ Там же. С. 325–326.

дит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР». Заметим, договор определял не границу между СССР и Германией, а границу между их «обоюдными государственными интересами» на территории теперь уже бывшей Польши. Она прошла, как и предлагал Наркоминдел, примерно по линии Керзона. Один из секретных протоколов изменял протокол от 23 августа «в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии». Как заметил академик **А.О. Чубарьян**, исконные русские земли были возвращены «фактически без единого выстрела».

4 октября Молотов и Шуленбург подписали дополнительный протокол к договору о дружбе и границе, где детально ее описали. Польша временно исчезла с карты мира. Польское правительство в эмиграции, созданное 30 сентября генералом Сикорским, однозначно квалифицировало договор как четвертый раздел Польши и заявило о борьбе за полное восстановление независимости и суверенитета страны в границах на 1 сентября 1939 года. Советскими войсками было взято в плен 454 тысячи 700 солдат и офицеров Войска польского. Большая часть из них была сразу распушена по домам. В лагерях НКВД оказалось 126 тысяч человек. Политбюро ЦК 2 октября приняло постановление «О военнопленных», согласно которому было организовано несколько лагерей для размещения в них польских граждан, считавшихся военнопленными. Согласно официальному заявлению советского правительства от 14 апреля 1990 года, весной 1940 года было расстреляно 15 тысяч 131 пленный польский офицер и жандарм. Впрочем, детали катынской истории у ряда историков вызывают вопросы⁷⁹.

Возвращаясь к событиям августа 1939 г. сошлемся на **В.М. Фалина**, который в одной из своих статей отмечал, что всем спекуляциям вопреки, следует подчеркнуть, что по ходу переговоров с Риббентропом советская сторона акцентировала заинтересованность в политическом урегулировании мирового кризиса и в частности, в дипломатическом улаживании конфликта с Польшей. С этой целью Москва выдвигала идею созыва соответствующей международной конференции. Под присягой директор правового департамента МИД Ф. Гаус показывал: «С советской стороны по этому пункту не было сделано никаких заявлений, которые заключали бы в себе одобрение подобного конфликта или побуждение к нему. Напротив, советские представители ограничились в этом отношении тем, что просто приняли к сведению высказывания германского представителя». Риббентроп уверял, что военное столкновение с поляками не являлось предрешенным. Согласно его показаниям на Нюрнбергском процессе, Гитлер утаил, что агрессия против Польши начнется 26 августа.

⁷⁹ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 326.

Следует отметить, что решение идти войной на Польшу и установление начальной даты нанесения удара высшее руководство Германии приняло не после, а до встречи Риббентропа со Сталиным и Молотовым и, следовательно, до подписания договора о ненападении. Черчилль приветствовал заключение советско-германского пакта о ненападении как формирование Москвой «восточного фронта» против нацизма⁸⁰.

И, наконец, любопытно послушать главного «архитектора перестройки» и разрушения Советского Союза **А.Н. Яковлева**, который утверждал, что «ситуация была такой, что сполохи Второй мировой войны вспыхивали то тут, то там, международная обстановка активно и быстро заряжалась на всеобщий конфликт. Пожар близился. И в 1939 году, когда угроза большой войны в Европе буквально стучалась в дверь, советское руководство в очередной раз пыталось создать антифашистский фронт в составе, прежде всего СССР, Англии и Франции. В тех условиях это могло быть единственной силой, способной спасти мир. Но тщетно.

Серьезные исследователи – советские, польские, британские, западногерманские и другие – признают, что 19–20 августа 1939 года, в момент согласия Сталина на приезд в Москву Риббентропа для окончательного прояснения намерений Германии, Советскому Союзу не было оставлено выбора. В одиночку СССР предотвратить войну не мог. Союзников в лице Англии и Франции ему обрести не удалось. Оставалось думать о том, как не попасть в водоворот войны, к которой в 1939 году СССР был готов еще меньше, чем в 1941 году.

Правда, есть и другая точка зрения на этот счет. Некоторые историки говорят, что Германия тоже не была готова в 1939 году к нападению на СССР. Возможно, оно и так. Вместе с тем нельзя было не считаться с весьма очевидной вероятностью сделок нацистского Берлина с другими западными державами и против Советского Союза.

Примем во внимание в качестве исторического факта – оперативный план “Вайс”, утвержденный Гитлером 11 апреля 1939 года, предусматривал, что вслед за нанесением военного поражения Польше Германия захватит Литву и Латвию. Следовательно, война против Советского Союза началась бы – тогда же или чуть позже – с еще более предпочтительных для агрессора рубежей, чем два года спустя.

И это не все. В августе 1939 года Красная Армия уже вела тяжелые бои на Халхин-Голе с японскими милитаристами. Последние, терпя крупную неудачу, настаивали перед Берлином на выполнении им своих союзнических обязательств по “антикоминтерновскому пакту”.

К 20 августа военные переговоры между СССР, Англией и Францией зашли в тупик и фактически провалились. По просьбе англичан и французов в переговорах был объявлен перерыв на неопределенный срок, хотя в Лондоне так же хорошо, как и в Москве, знали, что германская

⁸⁰ Фалин В.М. «История – наш наилучший учитель, а мы – нерадивые её ученики» // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 30.

агрессия против Польши назначена на период с 25 по 28 августа и в любом случае не позднее 1 сентября.

Замечу, что у немцев был запасной вариант действий на случай, если советское руководство откажется принять Риббентропа (кстати, первые просьбы о его приеме были отклонены). На тайных переговорах в середине августа Лондон и Берлин сговорились о поездке 23 августа второго по рангу деятеля “третьего рейха” Геринга на Британские острова на негласную встречу с Чемберленом. Судя по документам, две империи собирались выработать “исторический компромисс” глобального масштаба, игнорируя интересы не только СССР, Польши и ряда других восточноевропейских стран, но даже Франции.

В чем состоял смысл, как мне представляется, двойной игры Гитлера: продолжать тайные контакты с британским руководством на предмет соглашения “а ля Мюнхен”, давая на англичан перспективой заключения договора о ненападении с Советским Союзом. Гитлера устраивали в то время оба варианта – и принятие в Москве предложения по договору, и отклонение его. Последнее позволило бы Гитлеру заявить в нужный момент своим подданным: я протянул России руку дружбы, большевистский режим не принял ее, он доказал, что является врагом германского рейха, а с врагом надлежит говорить языком силы. Видимо, примерно по такой схеме развернулись бы события. Причем явно к удовлетворению Лондона и Парижа, заранее предвкусивших, что Германия и СССР обескровят друг друга, а западные демократии затем продиктуют им свои условия мира.

Понятно, я анализирую документы, логику предшествовавших конкретных событий, в которых СССР оставляли на обочине, а его интересы превращали в разменную монету.

Другой разговор, что сама по себе договоренность с фашистской Германией оставляет неприятный осадок нравственного свойства, идеологического порядка. Трудно отделаться от желания задать себе вопрос: а не имелось ли других возможностей, все ли было сделано для того, чтобы, с одной стороны, оттянуть войну, а с другой – уклониться от объяснений с нацистским режимом? История, однако, есть история, она сослагательных наклонений не признает. Кроме того, вряд ли оправданно брать лишь нравственный масштаб за мерило случившегося (прилагая его исключительно к СССР). Нельзя из анализа вычеркнуть определяющий факт – не Советский Союз напал на Германию, а Германия на Советский Союз»⁸¹. Во время Ялтинской конференции И.В. Сталин сказал У. Черчиллю, что если бы не было Мюнхена в 1938 г., не было бы и советско-германского пакта 1939 года.

Вторая мировая война явилась крупнейшим военным столкновением в истории человечества. Она длилась 6 лет, численность населения участвовавших государств составила 1,7 млрд человек, в рядах вооруженных сил находилось 110 млн человек. Военные действия велись на

⁸¹ Альтернативы 1939 года. Документы и материалы. М., 1989. С. 6–8.

территории Европы, Азии, Африки, в Атлантическом, Тихом, Индийском и Северном Ледовитом океанах. Она была самой разрушительной и кровопролитной из войн. В ней погибло свыше 55 млн человек. Ущерб от уничтожения и разрушения материальных ценностей на территории СССР составил около 41% потерь всех стран, участвовавших в войне. Советский Союз вынес на себе основную тяжесть войны, понес наибольшие человеческие жертвы (погибло около 27 млн человек). Большие жертвы понесли Польша (около 6 млн человек), Китай (свыше 5 млн человек), Югославия (около 1,7 млн человек) и др. государства. Советско-германский фронт был главным фронтом Второй мировой войны. Именно здесь была сокрушена военная мощь фашистского блока. В разные периоды на советско-германском фронте действовало от 190 до 270 дивизий Германии и ее союзников. Британо-американским войскам в Северной Африке в 1941–1943 годах противостояли от 9 до 20 дивизий, в Италии в 1943–1945 – от 7 до 26 дивизий, в Западной Европе после открытия второго фронта – от 56 до 75 дивизий. Советские вооруженные силы разгромили и взяли в плен 607 вражеских дивизий, союзники – 176 дивизий. Германия и ее союзники потеряли на советско-германском фронте около 9 млн человек (общие потери – около 14 млн человек) и около 75% боевой техники и оружия. Протяженность советско-германского фронта за годы войны составляла от 2 тыс. км до 6,2 тыс. км, североафриканского – до 350 км, итальянского – до 300 км, западноевропейского 800–1000 км. Активные действия на советско-германском фронте велись 1 320 дней из 1 418 (93%), на фронтах союзников из 2 069 дней – 1 094 (53%). Безвозвратные потери союзников (убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести) составили около 1,5 млн солдат и офицеров, в т.ч. США – 405 тыс., Великобритании – 375 тыс., Франции – 600 тыс., Канады – 37 тыс., Австралии – 35 тыс., Новой Зеландии – 12 тыс., Южно-Африканского Союза – 7 тыс. человек. Важнейший итог войны – разгром наиболее агрессивных реакционных сил, что коренным образом изменило расстановку политических сил в мире, определило все его послевоенное развитие. От физического уничтожения были спасены многие народы «неарийского» происхождения, которым была уготована участь сгинуть в нацистских концлагерях или превратиться в рабов⁸².

Цена войны и ее людских потерь исключительно велика. Советский Союз, потерял убитыми и погибшими 26,6 млн человек, Германия 6,5 млн, Япония 2,3 млн, в том числе 270 тыс. от атомных бомбардировок, Италия – 500 тыс., Китай потерял убитыми 38 млн человек (1931–1945), Польша – 4,1 млн, Югославия – 1,7 млн, Франция 600 тыс., США – 405 тыс., Великобритания – 350 тыс. человек. Трагической

⁸² См.: Большая Российская энциклопедия (БРЭ). Т. 6. М., 2006. С. 76.

была судьба военнопленных. Национальное богатство нашей страны сократилось почти на 30% (в Великобритании – на 0,9%, в США – на 0,4%).

Судом международных военных трибуналов в Нюрнберге (20 ноября 1945 – 1 октября 1946) (см. Нюрнбергский процесс) и Токио (3 мая 1946 – 12 ноября 1948) (см. Токийский процесс) главные немецкие и японские военные преступники, развязавшие войну, ответственные за ее жертвы и трагедию человечества, были приговорены к смертной казни через повешение. Трибуналом в Нюрнберге – 12 чел., в том числе рейхсмаршал Г. Геринг, министр иностранных дел И. Риббентроп, начальник штаба верховного командования фельдмаршал В. Кейтель (А. Гитлер, Г. Гиммлер и Й. Геббельс покончили жизнь самоубийством до суда), трибуналом в Токио 7 человек, в том числе премьер-министры А. Тодзио и Х. Хирота, военный министр С. Итагаги. Их тела были сожжены, а прах развеян по ветру. Различным наказаниям подверглись и многие другие военные преступники.

Итоги В. м. в. привели к крупным политическим изменениям на международной арене и перераспределению сфер влияния, восстановлению суверенитета стран, захваченных фашистским блоком.

Взято из: Российская историческая энциклопедия (РИЭ). Т. 4. М., 2017. С. 381.

По **В.В. Беспалову**, в войну было втянуто 61 государство, более 80% населения земного шара...Однако решающей частью Второй мировой войны явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Именно здесь была сокрушена мощь фашистского блока... Красная Армия разгромила и взяла в плен 607 вражеских дивизий, а англо-американцы – всего 170 дивизий. Во Второй мировой войне погибло свыше 55 млн человек. СССР потерял 27 млн человек, в том числе потери вооружённых сил – 8,7 млн человек. Общие потери вермахта – 13,7 млн человек, в том числе на советско-германском фронте – 10 млн человек⁸³.

Восемь с половиной миллионов (8,5 млн) советских воинов вели ожесточённую борьбу с фашистской Германией и империалистической Японией за рубежом нашей Родины, полностью или частично освободив 13 стран Европы и Азии с населением около 150 млн человек⁸⁴. В ходе заграничного освободительного похода Красной Армией было потеряно около 4 млн человек, в том числе за освобождение европейских стран – более 1 млн солдат и офицеров. При освобождении Польши погибло 600 тыс. советских воинов, Чехословакии – 139 918, Венгрии – 140 004, Румынии – 68 993, Югославии – около 8 тыс. человек..., нацистской Германии – 101 961 человек⁸⁵.

⁸³ См.: Беспалов В.В. Правда и вымысел о победе советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 33.

⁸⁴ См.: Ржешевский О.А. Великая победа советского народа // Ежегодник германской истории. 1985. М., 1986. С. 17.

⁸⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 5. Победный прицел. М., 2013. С. 410.

В ходе проведенных Красной Армией завершающих операций Великой Отечественной войны на территории европейских стран были разгромлены значительные силы вермахта. Например, на территории Польши – свыше 170 дивизий противника, в Румынии – 25 немецких и 22 румынские дивизии, в Венгрии – более 56 дивизий, в Чехословакии – 122 дивизии, в Германии – 93 дивизии⁸⁶.

Великая Отечественная война явилась главной и решающей частью всей Второй мировой войны. Ни на одном из других ее фронтов (североафриканском, итальянском, западноевропейском, американо-японском) не было столь продолжительных, непрерывных и напряженных военных действий, как на советско-германском. Именно здесь в течение всей войны действовало в среднем до 70% дивизий фашистской Германии. Образно говоря, из четырех солдат гитлеровского вермахта трое постоянно воевали на Востоке и только один – на Западе. На советско-германском фронте было уничтожено, разгромлено или пленено до 607 немецко-фашистских дивизий. Советские войска уничтожили примерно две трети боевой техники противника: 167 тыс. орудий, 48 тыс. танков и штурмовых орудий, до 77 тыс. самолетов.

Не менее 100 дивизий потеряли на советско-германском фронте союзники фашистской Германии. Людские потери Германии на советско-германском фронте составили три четверти ее общих потерь во Второй мировой войне. Здесь потерпела полное банкротство стратегия гитлеровской Германии и была сокрушена ее военная машина⁸⁷.

В результате всемирно-исторических побед советских вооруженных сил в гигантских битвах под Москвой, Сталинградом и Курском у врага была вырвана стратегическая инициатива, что явилось основным показателем коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войне в целом. Общие потери противника в этих битвах превысили и 2,5 млн солдат и офицеров. Хребет гитлеровского вермахта и всей фашистской коалиции был сломан. «Саламины и Марафон, спасшие в прошлом человеческую цивилизацию, – писала в те дни подпольная греческая печать, – называются сегодня Москва, Вязьма, Ленинград, Севастополь и Сталинград»⁸⁸.

Советский Союз внес решающий вклад в эту победу. Его армия уничтожила на советско-германском фронте 607 дивизий противника, вывела из строя 72% его личного состава и 75% военной техники. Победные салюты в мае 1945 г. возвестили конец войны в Европе. В августе того же года совместными усилиями западных союзников и СССР была одержана победа над милитаристской Японией⁸⁹.

Героическая борьба Советского Союза звала и воодушевляла народы поработанных стран на активные действия против оккупантов. К лету

⁸⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2013. Т. 5. Победный прицел. С. 410.

⁸⁷ См.: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 14.

⁸⁸ Там же. С. 15.

⁸⁹ См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн.3. Вторая мировая война: ист. очерк. М., 2002. С. 548.

1944 г. в народно-освободительной войне Югославии, которая началась после нападения Германии на СССР, а также в движении Сопротивления Польши, Чехословакии, Греции, Франции, Болгарии и Италии участвовало более 2,2 млн человек. Главной формой сопротивления фашизму становилась вооруженная борьба.

Когда в 1944 г. советские вооруженные силы, изгнав фашистов с родной земли, развернули свой освободительный поход в Европе, плечом к плечу с советскими воинами сражались воины Войска Польского, Чехословацкого корпуса, а также армии Югославии, Болгарии, Румынии и отдельные части других стран.

Политика Советского Союза в отношении освобождаемых народов была ясной и четкой. В заявлении Советского правительства в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши указывалось, что советские войска преисполнены решимости разгромить вражеские германские армии и «помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической республики Польши»⁹⁰.

Такие же цели лежали в основе **освободительной миссии Советского Союза** в каждой из стран, поработанных фашистскими захватчиками. Вступление Красной Армии на территории этих государств стало подлинным праздником для многих миллионов людей.

Радиостанция «Свободная Югославия» передавала: «Каждый день приходят письма из Сербии и Воеводины, описывающие небывалое воодушевление нашего народа, который восторженно встречает Красную Армию». «Роль, которую играет Советский Союз в уничтожении нацизма, никогда не будет забыта в Норвегии», – телеграфировал в Москву норвежский премьер-министр И. Нюгорсволл. Подчеркивая, что победы Красной Армии открыли путь к свободе всем поработанным народам Европы, генерал Ш. де Голль говорил: «Французы знают, что сделала Россия, и знают, что именно Россия сыграла главную роль в их освобождении»⁹¹.

Даже без учета оккупированных и зависимых стран Европы в Германии добывалось больше угля, выплавлялось больше стали, алюминия, свинца, магния, чем в Советском Союзе. Химическая, станкостроительная, автомобильная и некоторые другие отрасли промышленности Германии выпускали больше продукции, чем соответствующие отрасли советской промышленности. Станочный парк Германии более чем в два раза превосходил станочный парк Советского Союза. Экономическая база фашистской агрессии против СССР была значительно расширена за счет производственных мощностей оккупированных европейских государств и стран-союзниц Германии. Ресурсы фашистской Германии за счет этих стран увеличились по электроэнергии в 2,1 раза, по добыче каменного угля – в 1,9 раза, производству стали – в 2 раза, алюминия – в 1,7 раза,

⁹⁰ См.: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 15.

⁹¹ Там же. С. 16.

по сбору зерновых – в 4 раза. Из оккупированных немецко-фашистскими войсками европейских стран поставлялась в Германию рабочая сила, необходимая для военного производства. На конец сентября 1944 г. в промышленности и сельском хозяйстве Германии использовалось 7,5 млн рабочих, насильственно угнанных из оккупированных стран⁹².

Настоящий подвиг совершили **советская экономика и труженики тыла**.

В расчете на каждый миллион тонн стали, выплавленной в Советском Союзе в годы войны, производилось самолетов в 1,5 раза больше, чем в Англии, в 2,6 раза больше, чем в Германии, в 3,2 раза больше, чем в США; танков и САУ в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, в 6,3 раза больше, чем в США; артиллерийских орудий в 5,4 раза больше, чем в Англии, в 7,7 раза больше, чем в США и в 4 с лишним раза больше, чем в Германии⁹³.

В конце 1942 г. было ликвидировано преимущество немецко-фашистской армии по основным видам боевой техники. Советские заводы дали Красной Армии оружие, с помощью которого была раздавлена военная машина гитлеровского фашизма, на которую работала промышленная мощь многих стран Европы. В конце войны советские вооруженные силы превосходили вермахт в танках и самоходно-артиллерийских установках, а также в артиллерийских орудиях и минометах в 3 с лишним раза, в боевых самолетах – почти в 8 раз. За годы войны в СССР было произведено 112,1 тыс. боевых самолетов, 102,8 тыс. танков и САУ, 482,2 тыс. артиллерийских орудий, 70 боевых кораблей основных классов. Самоотверженный труд советских людей в тылу и героическая борьба бойцов Красной Армии на фронте воплотились в беспримерном подвиге советского народа во имя защиты социалистического Отечества.

Нет и не может быть речи о «решающей» роли американских поставок по ленд-лизу ни на одном из этапов Великой Отечественной войны и тем более в достижении окончательной победы над врагом.

670 советских танков действовали в труднейшее для СССР время в конце 1941 г. в битве под Москвой. Более 6 тыс. танков и самоходных орудий, 41,6 тыс. орудий и 7,5 тыс. самолетов участвовали в Берлинском сражении. Это была боевая техника советского производства. Неумолимая логика исторических фактов все расставляет на свои места⁹⁴.

Сражающийся народ Советского Союза представлял собой прочную единую семью всех наций и народностей, населяющих обширные территории нашей страны. Защита социалистической Родины стала общим делом всех граждан СССР любой национальности. В рядах Советской Армии плечом к плечу сражались представители больших и малых народов страны, их подвигами и ратными делами гордились все советские люди.

В 1944 г. в составе 200 стрелковых дивизий, насчитывавших в своих рядах 1 млн человек, было 58,3% русских, 22,3 – украинцев, 2,7 – бе-

⁹² См.: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 18–19.

⁹³ Там же. С. 19.

⁹⁴ Там же. С. 19–20.

лорусов, 2,0 – узбеков, 1,5 – армян, 1,0% – киргизов, а также представители других наций и народностей СССР. В годы войны были сформированы эстонский корпус, три казахские дивизии, латышская, литовская, азербайджанская, грузинская, армянская, башкирская дивизии и другие национальные части⁹⁵. Защита социалистической Родины была общим делом всех народов, населяющих СССР.

Ярким выражением **глубокого патриотизма советских граждан** стала самоотверженная всенародная борьба в тылу немецко-фашистских оккупантов. Даже в условиях жесточайшего террора, под угрозой смерти подавляющее большинство советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, не покорились захватчикам, участвовали в саботаже и срыве экономических и политических мероприятий германских властей. Десятки тысяч боролись в подполье. Сотни тысяч сражались с врагом в партизанских отрядах.

Всего в годы войны в тылу врага в оккупированных областях и краях Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии действовало 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось более 1 млн партизан. К началу 1944 г. более 30% партизан были рабочие, около 41 – колхозники, свыше 29% – служащие. Почти десятую часть партизан составляли женщины. В партизанских формированиях сражались представители всех национальностей Советского Союза.

Борьба советских людей в тылу врага нанесла захватчикам большой урон и способствовала разгрому немецко-фашистских оккупантов. По далеко не полным данным, советские партизаны и подпольщики организовали более 21 тыс. крушений поездов с войсками и боевой техникой врага, вывели из строя 1618 паровозов, 170,8 тыс. вагонов, взорвали и сожгли 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили и взяли в плен до 1,5 млн гитлеровских солдат, офицеров и их пособников, доставили много ценнейших разведывательных данных командованию Красной Армии⁹⁶.

Наша Победа в 1945 году нравится сегодня далеко не всем. Сегодня можно, пожалуй, говорить о нескольких направлениях подкопа под нашу Победу над гитлеризмом.

Во-первых, пытаются доказать, что Советский Союз и фашистская Германия несут равную ответственность за возникновение Второй мировой войны. Подобные рассуждения вздорны и абсурдны. Кто больше нашей страны сделал в 30-е годы для противодействия нараставшей фашистской агрессии? Не мы снисходительно позволили Гитлеру перевооружиться, не мы потакали аншлюсу Австрии, не мы способствовали чехословацкой трагедии, позволили искалечить Литву. Политики-мюнхенцы сделали возможной мировую катастрофу, демонстративно отвергнув в 1938 и 1939 гг. предложения СССР о сотрудничестве.

⁹⁵ См.: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 21.

⁹⁶ Там же. С. 22.

Во-вторых, рассуждают о некоем якобы органически присущем нашей стране милитаристском экспансионизме. При этом вновь муссируются риббентроповские бредни о каких-то советских планах вторжения, будто бы сорванных только немецким превентивным наступлением. За всем этим нет ничего, кроме апологетики вероломной немецко-фашистской агрессии. Хотя, оставшись один на один с вермахтом, наш народ, конечно, готовился к решительной и бескомпромиссной борьбе с гитлеризмом. Это в итоге и предопределило Победу.

В-третьих, кощунственно сравнивают освободительную миссию нашей армии в Европе с фашистской оккупацией⁹⁷. А на самом деле было так: в 1931 г. Япония напала на Китай и захватила Маньчжурию. На Дальнем Востоке образовался первый очаг войны. В 1933–1935 гг. в связи с приходом Гитлера к власти и установлением в Германии фашистской диктатуры в Европе образовался второй очаг войны. Германия вышла из Лиги Наций, отказалась от выполнения существовавших договоров, заключенных после Первой мировой войны, и начала открыто готовиться к войне.

В 1935 г. фашистская Италия совершила агрессию против Абиссинии (Эфиопия), а в 1936–1939 гг. Германия и Италия приняли участие в войне против испанского народа.

Продолжая расширять очаг войны на Дальнем Востоке, Япония в 1937 г. развернула захватнические действия в Центральном Китае. В центре Европы гитлеровская Германия в 1936 г. перевела экономику Рейнской области на военные рельсы, в 1938 г. — аннексировала Австрию. В марте 1939 г. германские войска оккупировали Чехословакию, затем 1 сентября 1939 г. они вероломно напали на Польшу. Англия и Франция, чтобы окончательно не потерять своего влияния в Европе, вынуждены были под давлением общественного мнения 3 сентября объявить войну Германии. США решили остаться в стороне, заявив 5 сентября 1939 г. о своем нейтралитете.

В апреле 1940 г. гитлеровцы вторглись в Данию и Норвегию, в мае захватили Бельгию, Голландию и Люксембург, а в июне, разгромив французскую и английскую армии, оккупировали значительную часть Франции. Весной 1941 г. под гитлеровским игом оказались Югославия и Греция.

Результатом агрессивных действий нацистов явилось установление так называемого «нового порядка» в 11 европейских странах, площадь которых составляла около 2 млн кв. км, а население — более 129 млн человек.

И, наконец, яростным нападкам подвергаются исторические решения, принятые державами-победителями в Ялте, а также Потсдаме. Подобные нападки безосновательны и иррациональны. СССР, США и Великобритания в 1945 г. не делили Европу; ее раскол — следствие иных исторических реалий. Однако под занавес Второй мировой войны державы-победительницы заложили фундамент переустройства континента, обеспечивший европейцам исторически едва ли не рекордный

⁹⁷ См.: Чурилин А.А. О дискуссии в связи с юбилеем победы над фашистской Германией // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 356.

по длительности период мира⁹⁸.

По **М.А. Гордееву**, историческая правда о войне и нашей Победе состоит в следующем.

Во-первых, это военно-политические и стратегические цели воюющих сторон и их реализация. Известно, что цель фашистской Германии состояла в захвате и ликвидации СССР, как государства, порабощении и истреблении огромных масс славянских и других народов, составляющих «низшую расу», в завоевании мирового господства. Советский Союз и другие страны антигитлеровской коалиции ставили главной задачей защиту свободы и независимости своих государств и других народов, разгром и искоренение фашизма. Как известно, Германия, Япония и их союзники потерпели полное поражение, был ликвидирован навязанный народам фашистский режим. Советский Союз и другие страны антигитлеровской коалиции сокрушили агрессоров на Западе и Востоке и освободили оккупированные врагом территории.

И не фашисты пришли в Москву, Лондон и Вашингтон, как планировали, а войска союзных стран вступили как победители в Берлин, Рим и Токио.

Во-вторых, в каком состоянии оказалась страна и армия после окончания войны. Советский Союз, несмотря на огромные потери и разрушения, вышел из войны окрепшим и более мощным государством, чем был до ее начала, как в экономическом, так и в военном отношении. Фашистский рейх и бундесвер, милитаристская Япония и их армии были сокрушены и вообще перестали существовать, территории государств-агрессоров оккупировали союзные войска.

В-третьих, это «качество победы», ее цена. Среди экстремистски настроенных историков, писателей идет настоящее соревнование, кто больше придумает потерь, понесенных советскими войсками. Э. Володарский в своем интервью газете «Московский комсомолец» (от 26 ноября 2004 г.) назвал цифру 56 млн. человек. Однако согласно официальным данным, общие потери СССР в Великой Отечественной войне составляют 26,5 млн человек, из них 18 млн – это мирное население, погибшее в результате фашистских зверств на оккупированной территории, при этом безвозвратные потери, включая войска КГБ, МВД (погибли, умерли от ран, пропали без вести, не вернулись из плена и небоевые потери) – 8 668 400 человек. Значительная часть всех потерь приходится на 1941–1942 гг. (3 048 800 человек) ввиду крайне неудачно сложившихся для страны обстоятельств в первом периоде войны. Потери фашистского блока – 9,3 млн человек (7,4 млн потеряла фашистская Германия, 1,2 млн – ее сателлиты в Европе, 0,7 млн – Япония в Маньчжурской операции), не считая потерь вспомогательных частей из числа иностранных формирований, воевавших на стороне рейха (по некоторым данным, до 500–600 тыс. человек).

В общей сложности безвозвратные потери Красной Армии на 1–1,5 млн превышают соответствующие потери Германии. Но это, в основном, за

⁹⁸ См.: Чурилин А.А. О дискуссии в связи с юбилеем победы над фашистской Германией // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 357.

счет того, что в фашистском плену было 4,5 млн советских военнопленных, а возвратилось в СССР после войны только 2 млн. человек. Остальные погибли в плену в результате фашистских злодеяний. Тогда как немецкие военнопленные из СССР в подавляющем большинстве (тоже около 2 млн человек) были после войны возвращены в Германию⁹⁹.

Огромный вклад в нашу Победу внесла **Беларусь (тогда БССР)**.

С началом Великой Отечественной войны, по официальным данным, на территории Беларуси были призваны по мобилизации в Красную Армию 500 тыс. человек, примерно 70 тыс. призваны в 1940–1941 гг. Определенная часть из них летом и осенью 1940 г. была демобилизована. С начала освобождения Беларуси (осень 1943 – май 1945) в вооруженные силы влилось еще более 700 тыс. ее жителей¹⁰⁰.

С первых дней войны на территории Беларуси действовала армия партизан и подпольщиков, насчитывающая более 440 тыс. человек (374 тыс. партизан плюс 70 тыс. подпольщиков), которую поддерживал невооруженный резерв, насчитывающий около 440 тыс. человек¹⁰¹.

Летом 1944 г. на территории Беларуси была начата и блестяще проведена одна из самых ярких операций Второй мировой войны, вошедших в сокровищницу военно-стратегического искусства, – операция «Багратион». Белорусский народ бесконечно признателен сотням тысячам советских людей, отдавших свои жизни при освобождении республики от немецко-фашистских захватчиков, всем тем, кто внес свой посильный вклад в разгром фашизма.

Вклад Беларуси в Победу в определенной степени характеризуют и такие показатели, как количество награжденных высшими наградами, орденами и медалями СССР и других стран. Газета «Правда» 21 декабря 1944 г. привела данные о награждении боевыми наградами и медалями представителей 172 национальностей и народностей СССР. Среди них на тот период было 2 183 326 русских, 441 806 украинцев, 111 253 белоруса, 59 500 татар, 59 003 еврея, 34 342 казаха, 24 856 армян, 24 185 узбеков, 19 337 башкир и многие тысячи воинов других народов. За весь период войны звание Героя Советского Союза было присвоено 11 525 воинам и партизанам. Среди награжденных представители 195 национальностей и народностей¹⁰².

⁹⁹ См.: Гареев М.А. Под видом поиска исторической правды // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 453–454.

¹⁰⁰ См.: Коваленя А.А., Литвин А.М. Вклад Беларуси в победу в Великой Отечественной войне // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 246.

¹⁰¹ См.: Коваленя А.А., Литвин А.М. Вклад Беларуси в победу в Великой Отечественной войне // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 247.

¹⁰² См.: Коваленя А.А., Литвин А.М. Вклад Беларуси в победу в Великой Отечественной войне // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 248.

За героические подвиги, совершенные в Великой Отечественной войне, звания Героя Советского Союза были удостоены более 11 600 человек, 98 из них награждены двумя медалями «Золотая Звезда», а 3 – тремя медалями. Четыре Героя Советского Союза – А.В. Алешин, И.Г. Драченко, П.Х. Дубинда и Н.И. Кузнецов – полные кавалеры ордена Славы. В числе Героев Советского Союза военного времени 87 женщин.

Неоценим вклад в нашу Великую Победу героического **белорусского народа**. 1 миллион 100 тысяч белорусов находились в рядах сражающейся Красной Армии. 217 белорусских генералов и адмиралов были во главе соединений, которые вели боевые действия с врагом. Свыше полутора миллионов жителей Белоруссии, эвакуировавшихся в восточные районы страны, участвовало в героическом подвиге советского тыла. 400 тысяч белорусских партизан и 70 тысяч подпольщиков в тяжелых условиях фашистской оккупации возглавляли всенародную борьбу с захватчиками. За три года всенародной партизанской войны было уничтожено 11 128 эшелонов, 1 323 километра железнодорожных путей, 500 тысяч солдат и офицеров фашистской армии.

В истории освободительных войн не было такого массового партизанского движения, какое развернулось в Беларуси.

В славной кагорте Героев Советского Союза 309 белорусов.

Навсегда золотыми буквами в нашу историю вписаны имена Константина Заслонова, Николая Гастелло, Федора Смолячкова, Тихона Бумажкова, Миняя Шмырева, Марии Осиповой, Елены Мазаник, Зинаиды Портновой, Веры Хоружей, Александра Горовца, Николая Кедышко, Петра Куприянова и многих других.

Белорусский народ выдвинул из своей среды выдающихся военачальников и полководцев – маршалов Советского Союза В. Соколовского, И. Якубовского, генерала Л. Доватора, адмирала В. Дрозда.

Вклад белорусского народа в борьбу с фашизмом признан мировым сообществом. Беларусь вошла в число основателей и стала членом Организации Объединенных Наций (ООН).

За годы войны гитлеровские захватчики нанесли народному хозяйству БССР колоссальный ущерб. Они разрушили и сожгли 209 из 270 городов и поселков городского типа, уничтожили 10 773 тыс. (80%) кв. м жилого фонда городов и райцентров. Минск, Гомель, Витебск были разрушены на 80–90%. Огромный урон понесли и другие города.

Оккупанты сожгли свыше 9,2 тыс. деревень, из них 619 вместе с жителями. В деревнях было уничтожено более 1200 тыс. строений. В городах и деревнях без крова остались около 3 млн человек. Многие районы республики – Освейский, Чаусский, Бегомльский, Кличевский, Лельчицкий и др. – были почти полностью разрушены. Огромнейший ущерб был

нанесен сельскому хозяйству. Были полностью разрушены 10 тыс. колхозов и 92 совхоза. Посевная площадь в 1944 г. сократилась в сравнении с 1940 г. на 43%. Более 1 млн га земли заросло кустарником и пустозельем. Были уничтожены общественное животноводство, птицеводство и пчеловодство колхозов и совхозов, государственные племястанции, госкочюшники и инкубаторные станции, полностью ликвидированы МТС, мелиоративные сооружения. Ко времени освобождения на территории Беларуси сохранилось от довоенной численности 31% крупного рогатого скота, 11% свиней, 22% овец и коз, 39% лошадей. Более 60% крестьян не имели своей живности¹⁰³.

Однако самыми страшными были человеческие потери. Война забрала миллионы жизней жителей Беларуси. К сожалению, до настоящего времени является открытым вопрос, сколько жителей Беларуси погибло в этой войне. Долгое время считалось, что на ее территории погиб каждый четвертый житель республики. Однако эта цифра включает в себя только 1 409 225 человек мирных жителей и 810 091 военнопленных. Сюда не включены более 399 тыс. человек, насильно вывезенных на принудительные работы в Германию (более 275 тыс. из них не вернулись домой), а также те, кто погиб, сражаясь на фронтах, во вражеском тылу и умер в эвакуации. Известно, что 1,3 млн жителей Беларуси сражались на фронтах войны. В 1941 г. она дала фронту более 500 тыс. мобилизованных, не считая тех, кто находился в армии на действительной воинской службе (это примерно 50–150 тыс. человек с учетом находившихся на службе в армии Польши). Более 700 тыс. влились в ряды Красной Армии после освобождения Беларуси. Определенная часть была призвана в армию в эвакуации. Таким образом, цифра погибших будет складываться из 1 409 225 уничтоженных гитлеровцами, 170 тыс. не вернувшихся из Германии, 40 тыс. партизан, 330 тыс. фронтовиков, 320 тыс. военнопленных, что составляет примерно 2 млн 269 тыс. человек.

По данным на 21 июня 1941 г. на территории Беларуси (в нынешних границах) насчитывалось 9,2 млн жителей. На конец 1944 г. их осталось только 6,3 млн. Таким образом, население уменьшилось на 2,9 млн, или на 32%.

Именно место и роль территории и народа Беларуси в войне, а также те процессы, которые проходили здесь в годы войны, определяли и будут в дальнейшем определять интерес к истории Беларуси периода Второй мировой войны как в республике, так и за ее пределами¹⁰⁴.

¹⁰³ См.: Коваленя А.А., Литвин А.М. Вклад Беларуси в победу в Великой Отечественной войне // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 249.

¹⁰⁴ Там же. С. 249–250.

СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ УНЕСЛА ВТОРАЯ МИРОВАЯ

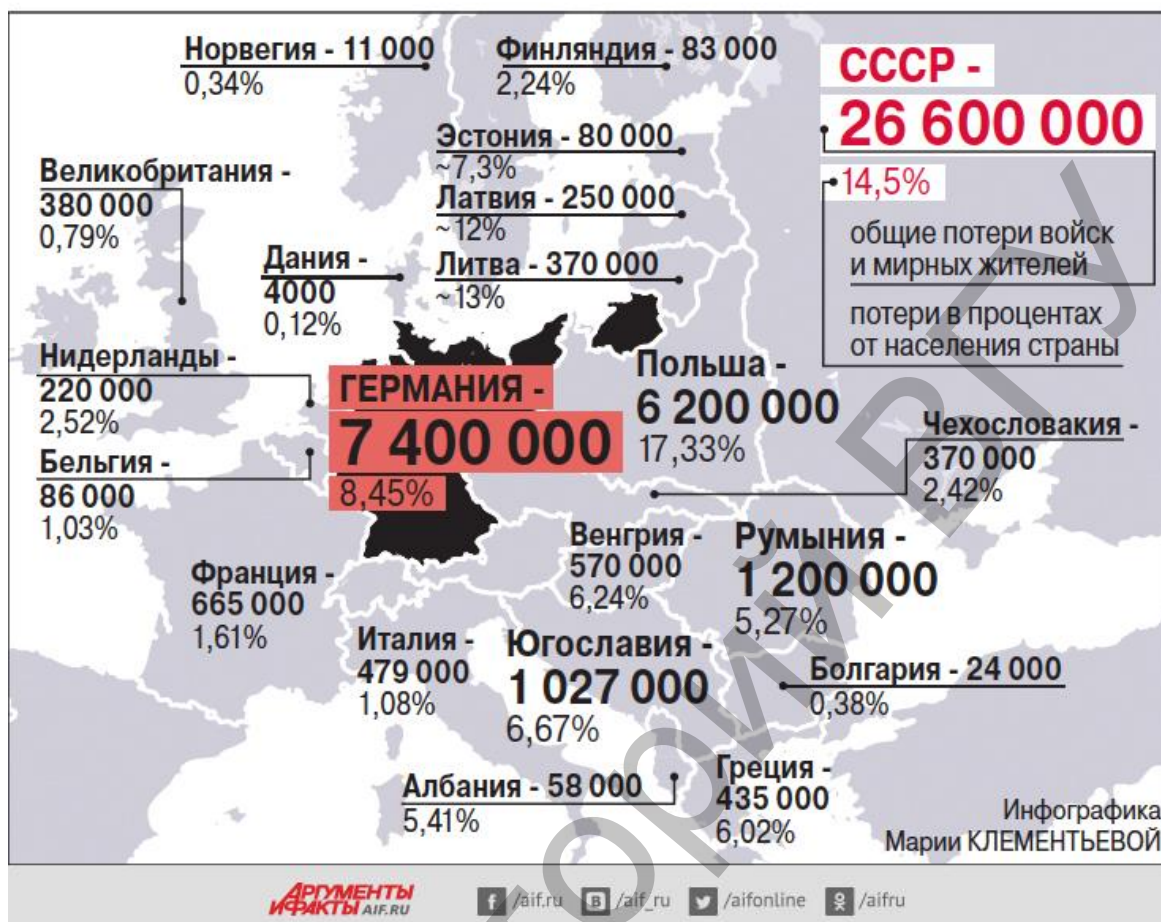

Рисунок 1 – Карта Европы на 1938 г. Расчет потерь

Эстония, Латвия и Литва – пока еще независимые государства, потери считаются отдельно от общих потерь СССР.

Великобритания – с учетом колониальных войск и ирландских добровольцев, но без учета населения доминионов (Канада, Австралия и т.д.).

Франция – с учетом колониальных войск, но без учета населения Индокитая.

Австрия, Испания – их потери прибавлены к Германии.

Бельгия – без учета населения колоний.

Нидерланды – без учета населения колоний.

Италия – с учетом африканских призывников.

Взято из:

https://aif.ru/dontknows/about/skolko_zhizney_unesla_vtoraya_mirovaya_voyna

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАРАД

24 июня 1945 года в Москве состоялся легендарный парад в ознаменование победы СССР над Германией в Великой Отечественной войне. Около 40 000 человек торжественным маршем прошли по Красной площади столицы. В параде участвовали 24 маршала, 249 генералов, 2 536 офицеров, кроме того, по брусчатке прошло более 1 850 единиц военной техники. 200 знамен и штандартов разгромленных немецких частей бойцы несли в перчатках, подчеркивая то, что даже в руки древки этих штандартов брать омерзительно. И бросали на специальный помост, чтобы штандарты не коснулись мостовой Красной площади. Первым швырнули личный штандарт Гитлера, последним – знамя армии Власова. А вечером того же дня помост и все перчатки были сожжены.

Взято из:

https://aif.ru/society/gallery/70_let_spustya_udivitelnye_kadry_s_legendarnogo_parada_pobedy_1945_goda

Г Л А В А 8. ВЕЛИЧИЕ ПОБЕДЫ: ГЛАВНЫЕ ИТОГИ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН 1939-1945 ГГ.

9 мая 1945 г. московское радио сообщило москвичам и всем жителям Советского Союза о **Великой Победе**. В стране был объявлен праздник. Три миллиона москвичей, надев все лучшее, собрались на Красной площади и на прилегающих улицах. Гремел тысячепушечный салют. Это было всенародное ликование тех, кто победил и выстоял, несмотря на те страшные испытания и жертвы, которые коснулись каждой советской семьи. Это был знаменательный для всех советских людей и Великого государства (Советского Союза) день, незабываемый триумф и для России, внесшей решающий вклад в Победу. Через полтора месяца, 24 июня 1945 г. маршал Г.К. Жуков, восседая на белом коне, принял Парад Победы, которым командовал маршал К.К. Рокоссовский. Когда 200 воинов резко повернули направо и у Мавзолея бросили наземь знамена гитлеровского вермахта, Красная площадь замерла. В тот день лил дождь, но в ту великую минуту торжества все забыли о ненастье и трагедиях, которые принесла война в каждый наш дом.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» под председательством главнокомандующего союзными войсками американского генерала Д. Макартура состоялось подписание акта о капитуляции Японии. С капитуляцией Японии закончилась Вторая мировая война. Важнейшим итогом войны стал разгром держав, вставших на путь откровенной агрессии, пренебрегших нормами международного права, пытавшихся вернуть человечество к временам варварства, диктата грубой силы и произвола.

В мае – сентябре 1945 г. завершились Великая Отечественная и Вторая мировая войны. **Великая Отечественная война 1941–1945 гг.** советского народа с германским фашизмом шла почти 4 года – долгих

1 418 дней и ночей. **Вторая мировая война** продолжалась 2 194 дня или 6 лет и один день, в ней участвовало 61 государство или почти 80% населения мира. Военные действия велись на территории 40 государств. Обе войны были настоящей глобальной катастрофой в истории человечества. Они унесли жизни более 60 млн человек¹. Это в 5–6 раз больше, чем в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Материальный ущерб, причиненный Второй мировой войной, в 10–12 раз превысил ущерб от Первой мировой войны. Военные расходы и военные убытки составили 4 трлн долларов. Прямые военные расходы равнялись 1 117 млрд долларов, в том числе стран антигитлеровской коалиции – 695 млрд долларов, Германии и ее союзников – 422 млрд. долларов (таблица 1)².

Таблица 1 – Вторая мировая война (1939–1945)

Участвовало 61 государство	Военные действия шли на территории 40 государств	Общие затраты на войну составили от 2,5 до 4 трлн долларов.
Население стран, вовлеченных в войну – 1,7 млрд человек	Вторая мировая война (1939–1945)	Население стран, вовлеченных в войну – 80% населения планеты
Продолжительность – 2 194 дня	Число погибших более 60 млн человек (возможно около 100 млн человек)	Материальные затраты СССР – 2600 млрд руб.; БССР – 75 млрд руб. (в ценах 1941 г.)
СССР потерял 27 млн человек. Уничтожено 30% национальных богатств. Разрушено: 1 710 городов, 70 тыс. сел и деревень, 31 850 заводов и фабрик, выведено из сельскохозяйственного оборота 36,8 млн га посевных площадей.	Самые пострадавшие государства: Китай – 35 млн; СССР – 27 млн; Германия – около 14 млн человек	БССР потеряла более половины национального богатства страны. Разрушено и сожжено 209 городов и райцентров (из 270), 9 200 деревень, разрушено 100,5 тыс. предприятий, 10 тыс. колхозов, 8 825 (из 12 294) школ, все вузы, НИЦы, АН БССР и т.д.

Самым пострадавшим государством и одновременно государством – победителем оказался **Советский Союз**. Вторая мировая война унесла

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 548–551.

² История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 12. Итоги и уроки Второй мировой войны. М.: Наука, 1982 с. 147; Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. №2 (36). С. 3–8; Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова – практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232–237; Кульков Е.Н. Победа советского оружия и крах фашистской коалиции // Ежегодник германской истории. 1985. М., 1986. С. 28–43; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 548–550; Орлов А.С. Крушение «третьего рейха» // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 3–19; Ржешевский О.А. Великая Победа советского народа // Ежегодник германской истории. 1985. М., 1986. С. 9–27.

жизни 27 млн советских людей³. Но это была Победа – великая и трагическая одновременно. После освобождения Пскова 23 июля 1944 г. перед войнами Красной Армии предстала ужасная картина: города, как такового, не существовало. Всюду были только развалины, территория города от железнодорожного вокзала до Троицкого собора просматривалась насквозь. Из имевшихся в довоенном Пскове 3 тыс. зданий было полностью разрушено 1 380, остальные – полуразрушены. За годы оккупации сохранилось лишь 15% одноэтажных зданий⁴. Особенно сильные разрушения пришлось на центральную часть города, где были взорваны практически все здания. Были уничтожены многие промышленные предприятия, водопровод, трамвайный парк, 45 лечебных учреждений, 15 общеобразовательных и специализированных школ. Оставшиеся дома были заминированы.

Более половины своего национального богатства потеряла **Беларусь**. Каждый третий, а по некоторым данным, каждый второй житель Республики Беларусь погиб или пострадал от этой страшной войны и оккупации. В городе Витебске, например, в день освобождения в живых осталось лишь 118 человек⁵.

В числе других наиболее пострадавших государств от Второй мировой войны оказались Китай (10 млн 35 тыс. погибших), Польша (около 5,6 млн), Югославия (1,8 млн). Германия потеряла 7,5 млн, Япония – 2,6 млн человек⁶ (таблица 2).

Главный урок обеих разрушительных войн XX века может быть только один – подобных войн, как и войн вообще, допускать категорически нельзя. К сожалению, история свидетельствует об обратном. Если взять период от заключения Амфиктионова трактата (первый в истории мирный договор между воюющими сторонами) в 1496 г. до н.э. по 1861 г., то есть временной отрезок в 3 357 лет, то на 227 лет мира

³ Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2(36). С. 3; Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232.

⁴ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1219. Оп. 1. Д. 93. Л. 49; Филимонов А.В. Поднятый из руин: Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.). Псков, 2008. С. 12.

⁵ Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. №2 (36); Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009; Скопцов С.Г., Мельцер Д.Б. Белорусская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Мн.: БГУ им. В.И. Ленина, 1968.

⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2013. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 548–550; Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. №2 (36); Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232–237.

приходится 3 130 лет войны или 1 год мира на 13 лет войны. К сожалению, государства больше воевали друг с другом, чем жили в мире.

Таблица 2 – Разрушения и жертвы Второй мировой войны

Потери СССР	Страна (потери убитыми)
Погибло 27 млн человек	СССР – 27 млн человек
Уничтожено 30% нац. богатств	Германия – 13,5 млн человек
Разрушено:	Польша – 6 млн человек
1 710 городов	Китай – 10 млн человек
70 тыс. сел и деревень	Япония – 2,5 млн человек
31 850 заводов и фабрик	Индонезия – 2 млн человек
1135 шахт	Югославия – 1,7 млн человек
16 тыс. паровозов	Филиппины – 1 млн человек
420 тыс. вагонов	Франция – 600 тыс. человек
65 тыс. км железнодорож. путей	Англия – 375 тыс. человек
Выведено из с/х оборота:	США – 300 тыс. человек
36,8 млн га посевных площадей	

Главное историческое значение и глобально-геополитическое последствие Второй мировой войны – это разгром фашистской Германии, крах и уничтожение германского национал-социализма, других фашистских и полуфашистских режимов, освобождение Европы и Азии от «коричневой чумы». Решающий вклад во все это внесли народы Советского Союза, и в особенности, по словам **И.В. Сталина**, русский народ. Великая Отечественная война советского народа с германским фашизмом, советско-германский фронт и известные «10 сталинских ударов» в ходе войны на восточном фронте стали главной составляющей всей истории Второй мировой войны. Они же определили ее главные всемирно-исторические итоги и геополитические последствия⁷.

В годы Второй мировой войны **Советский Союз и народы СССР** продемонстрировали всему миру, что такое сильная страна и сильная армия. Известно, что на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. было разгромлено 607 дивизий вермахта (на западном фронте фашистская Германия потеряла 176 дивизий). На восточном фронте погибло более 6 млн солдат и офицеров вермахта (из 7,5 млн общих потерь), было потеряно более 75% танков и авиации. Несомненно, что все это – свидетельство превосходства советских вооруженных сил в войне с фашистской Германией, начиная уже с 1942 г. Потери в личном составе, нане-

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2013. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 548; Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2 (36); Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232–237.

сенные вермахту на советско-германском фронте, были в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, вместе взятых, а по числу убитых и раненых – в 6 раз. На советско-германском фронте было задействовано до 70% всех дивизий фашистской Германии, 52–81% – орудий и минометов, 54–67% – танков и штурмовых орудий, до 60% – самолетов. Вплоть до лета 1944 г. здесь находилось в 15–20 раз больше вражеских дивизий, чем перед войсками США и Великобритании в Северной Африке и Италии⁸ (таблица 3).

Таблица 3 – Роль Восточного фронта во Второй мировой войне

Дата	Всего войск у Германии (дивизий)	На советско-германском фронте	в %	Другие фронты	в %	Оккупированные территории	в %
22.06. 1941	217	153	69,6	2	0,9	62	29,5
01.07. 1942	241	184	76,3	3	1,2	54	22,5
01.07. 1943	296	196	66,0	8	2,7	92	31,3
01.07. 1944	337	172	51,8	98	28,8	64	19,2
01.01. 1945	300	179	60,6	107	34,9	14	4,5

На советско-германском фронте было уничтожено не менее $\frac{2}{3}$ сухопутных сил Германии. В свою очередь, союзники нанесли поражение основным силам фашистской Италии, вели активные бомбардировки территории нацистской Германии, которые разрушали ее военно-стратегический и экономический потенциал. Он оставался весьма значительным даже в конце войны. Вплоть до середины 1944 г. выпуск вооружения, боеприпасов в Германии неуклонно возрастал, а ее способность к сопротивлению была еще не исчерпана. Только победы Красной Армии, Советского Союза, руководимых И.В. Сталиным, и, в какой-то степени, высадка США и Великобритании в Нормандии помешали Германии затянуть войну, что привело бы к появлению у нее ядерного оружия. Кроме того, СССР и союзники по антигитлеровской коалиции вынесли основную тяжесть войны на Тихом океане. При этом большая часть сухопутных сил Японии была занята в Китае. О роли, которую он сыграл во Второй мировой войне, часто вообще не упоминают.

Советские войска не только отстаивали свободу и независимость своей Родины, но и участвовали в освобождении от фашистского ига 11 стран Европы, а также Северо-Восточного Китая и Северной Ко-

⁸ Сёмин В.П. История: Россия и мир: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 435; Сёмин В.П. История России: учебник. М.: КНОРУС, 2013. С. 315–316.

реи от японской оккупации. Были восстановлены национальная независимость и территориальная целостность тех стран, которые утратили ее в результате агрессии в 1930–1940-е гг. Это Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Югославия, Греция, Эфиопия и другие. Их границы были восстановлены или установлены с учетом ранее принятых союзниками решений. Так, Польше были переданы Силезия, Померания и часть Восточной Пруссии. Это компенсировало ее отказ от Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу Советского Союза в 1939 г. Но это уже была другая Польша. СССР получил большую часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом (Калининградом), Закарпатскую Украину, сохранил территориальные приобретения 1940 г. – Бессарабию, республики Прибалтики, приграничные районы Финляндии с городом Выборг. Однако эта победа была оплачена огромной ценой. Как уже было сказано выше, Вторая мировая война унесла 27 млн жизней советских людей, в том числе 11,3 млн воинов погибли на фронтах, около 6 млн оказались в плену, свыше 4 млн из них были уничтожены фашистами⁹.

Как бы ни нагтели в наши дни недобитые нашими дедом фашисты в Украине, Польше, странах Балтии, им следует помнить одно – **Победа не за ними, возмездие настигнет фашизм как тогда, в 1945 году.** В Великой войне против фашизма объединились все советские люди, независимо от национальности, кроме предателей (таблица 4).

Таблица 4 – Как воевали наши деды

Национальность	Погибли за Родину*	Участников ВОВ-Героев Советского Союза**
Титульные нации союзных республик		
Русские	5 756 000	7 998
Украинцы	1 377 400	2 021
Белорусы	252 900	299
Казахи	125 500	96
Узбеки	117 900	67
Армяне	83 700	89
Грузины	79 500	90

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2013. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией; Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2 (36); Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232–237; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 548.

Окончание таблицы 4

Национальность	Погибли за Родину*	Участников ВОВ-Героев Советского Союза**
Азербайджанцы	58 400	43
Молдаване	53 900	2
Киргизы	26 600	12
Таджики	22 900	15
Туркмены	21 300	16
Эстонцы	21 200	9
Латыши	11 600	12
Литовцы	11 600	15
Другие народы СССР		
Татары	187 700	161
Евреи	142 500	107
Мордва	63 300	63
Чуваши	63 200	45
Башкиры	31 700	38
* Даны лишь боевые потери, а также погибшие от ран и обморожений в госпиталях. Потери гражданского населения в таблице не учтены.		
** По данным МО СССР на 1 ноября 1947 года.		

Огромный вклад в победу внесло **движение Сопротивления**. Антифашисты действовали на оккупированных территориях СССР, Югославии, Польши, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии и многих других стран. На протяжении первых лет войны Германия направляла на борьбу с партизанами на Востоке больше сил, чем против стран Запада. Интернациональным по своему характеру в годы войны являлось движение Сопротивления на территории Беларуси. Только в рядах партизан Беларуси сражались против общего врага многие интернационалисты из 13 зарубежных стран, в том числе около 2 500 поляков, более 400 чехов и словаков, свыше 200 югославов, около 100 немцев, свыше 60 французов, 81 бельгиец, 24 австрийца, 16 голландцев, 6 итальянцев. За активное участие в партизанском движении в Беларуси правительственными наградами Советского Союза отмечены по неполным данным 703 поляка, 184 словака, 36 греков, 33 чеха, 25 немцев, 24 испанца, 14 французов, 8 австрийцев, 6 югославов, 2 венгра¹⁰. В свою очередь немало белорусов приняли активное участие в движении Сопротивления в Польше, Чехословакии, Югославии, Италии, Франции, Греции и других стран.

Важное значение для победы народов СССР над фашистской Германией имели **«второй фронт» в Европе** со стороны США и Великобритании, их материальная и техническая помощь Советскому Союзу, включая американский **ленд-лиз**. Поставки союзников по ленд-лизу хотя и поступали нерегулярно, и составляли лишь 4% от общего объема про-

¹⁰ Сёмин В.П. История: Россия и мир: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 66–67.

мышленной продукции, выпускаемой в СССР, по отдельным видам техники и вооружения были значительными: 17% – по самолетам, 10,4% – по танкам и более 200% – по автомобилям¹¹ (таблица 5).

Таблица 5 – Постановка по ленд-лизу

Номенклатура поставок	Произведено в СССР в 1941–1945 гг.	Поставлено по ленд-лизу	Доля импорта, %
Бронетранспортеры	0	7 172	100
Паровозы	92	1 981	95
Грузовики	265 000	375 833	58
Взрывчатка (тыс. т.)	1 700	900	52
Джипы	100 000	50 000	50
Авиационный бензин (тыс. т.)	8 091	2 670	33
Шины (тыс. шт.)	14 561	3 786	26
Истребители	60 000	13 875	18
Зенитные орудия	38 000	8 218	17,7
Бомбардировщики	18 000	3 633	17
Танки и САУ	109 100	12 755	10,4
Автомобили всех видов и марок	205 000	467 000	более 200

В ценах 1946 г. Америка прислала в Россию по ленд-лизу товаров на общую сумму в 13 с лишним миллиардов долларов, Великобритания – на 430 миллионов фунтов стерлингов. Суммируя все поставки по ленд-лизу, их объем в собственном советском производстве аналогичных товаров можно оценивать примерно в 25%¹². Война доказала, что при возникновении общей для всех угрозы народы, живущие в условиях различных политических режимов, приверженные различным системам ценностей и идеологиям, способны к сотрудничеству и взаимопониманию. Не умоляя важности западной помощи, надо все же отметить, что она не играла решающей роли. Основной поток грузов пошел в СССР только в 1943–1944 гг., объем поставок боевой техники был сравнительно не велик и не всегда высокого качества.

Историческим уроком Второй мировой войны должен стать и урок «**созидательного патриотизма**», который исключал бы великодержавный шовинизм и радикальный национализм, неприязнь к другим нациям и народам, любые рассуждения об «элитном» или «титულном» этносе и т.д. Самый антигуманный вариант «патриотизма» был сформирован в национал-социалистической Германии. Согласно его доктрине и планам национал-социалистического руководства Германии как «расово неполноценных», планировалось уничтожить 18 млн славян и 11 млн евреев. Когда удалось остановить этот страшный конвейер смерти, было уничтожено 12 и 6 млн соответственно. Особенно страшными и бесчеловечными вариантами геноцида по отношению к мирному населению оказались

¹¹ Сёмин В.П. История: Россия и мир: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 437.

¹² Залесский С., Тучкова С. Ленд-лиз: 25 процентов победы? // Труд. 2007. 19 июня. С. 11.

план «Ост», реализовавшийся нацистами на оккупированной части территории СССР, и «холокост» по отношению к евреям. В годы национал-социалистической диктатуры и Второй мировой войны Европа покрылась сетью концентрационных лагерей, самыми страшными из которых были Освенцим, Майданек, Трешлинка, Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Маутхаузен.

Нашим народам и государствам (и не только нашим) нужен сегодня именно «созидательный патриотизм», сердцевиной, основой которого остаются патриотические ценности и идеалы тех поколений советского народа, которые победили фашизм и спасли человечество от «коричневой чумы». Патриотизм, основанный на преувеличенных оценках истории, как и патриотизм, основанный на ложных идеалах из советского прошлого, могут оказаться политически, социально и духовно опасными для настоящего и будущего России и Беларуси, бывших республик СССР, что в Эстонии и других странах Балтии мы, к сожалению, наблюдаем в наши дни.

Вторая мировая война продемонстрировала мировому сообществу решимость навсегда покончить с фашизмом, национал-социализмом, геноцидом, расизмом и шовинизмом. Сегодня в числе самых серьезных угроз миру остаются радикальный национализм, международный терроризм и диктаторские режимы. К сожалению, оказалось, что и фашизм способен временами к ренессансу. Поэтому мировое сообщество должно обладать эффективными средствами сдерживания и наказания агрессии. И в этом плане исторические уроки Второй мировой войны и поучительны, и уникальны.

С ноября 1945 по октябрь 1946 г. в городе Нюрнберге, где ранее проводились съезды национал-социалистов, состоялся **Международный военный трибунал** – судебный процесс над лидерами фашистской Германии. К смертной казни было приговорено 12 лиц, признанных военными преступниками (Г. Геринг, Й. Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Штрейхер, А. Йодль, Ф. Заукель, А. Зейсс-Инкварт, М. Борман, заочно), 3 – к пожизненному заключению (Р. Гесс, В. Функ, Э. Редер), 4 – к различным срокам тюремного заключения (Б. Ширах, А. Шпеер, Нейрат, Денниц). Трое были оправданы (Я. Шахт, Ф. Папен, Фриче). Впоследствии оккупационные власти в Германии провели еще ряд судебных процессов и административных расследований. Виновными были признаны около 120 тыс. человек. Большинство из них отделалось денежными штрафами и ограничениями в занятии должностей на государственной службе¹³.

¹³ Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2 (36); Космач В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 18–19 чэрвеня 2009. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. С. 232–237; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 556–558.

Тем не менее решения трибунала стали основой международно-правовых норм, устанавливающих ответственность политических лидеров за преступления против человечества. В ноябре 1948 г. в Токио Международный военный трибунал после судебного процесса, продолжавшегося более двух лет, вынес обвинительные приговоры в отношении 28 преступников – организаторов агрессии Японии против народов стран Азии. Семеро из них были казнены, 16 – приговорено к пожизненному заключению, двое – к меньшим срокам заключения. Всего в Японии было признано виновными 4 200 человек, из них 720 были приговорены к смертельной казни. Во Франции за сотрудничество с оккупантами было привлечено к ответственности 126 тыс. человек, 11 тыс. из них были казнены, 40 тыс. отправлено в тюрьмы. Суды над коллаборационистами и местными фашистами прошли и в других странах Европы¹⁴.

На Параде Победы 9 Мая 2014 г. Президент Российской Федерации **В.В. Путин** подчеркнул: «Железная воля Советского народа, его бесстрашие и стойкость спасли Европу от рабства. Именно наша страна гнала фашистов до их логова, добилась их полного и окончательного разгрома, победила ценой миллионов жертв и страшных испытаний»¹⁵. Вручая ветеранам в преддверии Дня защитника Отечества юбилейные медали «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» в Георгиевском зале Кремля 20 февраля 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Ваши судьбы и подвиги – неотъемлемая часть славы России. Приняв бой в самый сложный час и в самой жестокой войне в истории человечества, вы выстояли и победили. Вы терпели лишения, жертвовали собой – и сберегли Отечество. Вы выполнили высокую освободительную миссию, о которой помнит весь мир. Вы шли на фронт по велению совести, бились насмерть за каждую пядь родной земли. А уничтожив врага, также самоотверженно восстанавливали страну. Сделали ее действительно великой державой. Ваш пример сплоченности, силы духа, бескорыстной отваги и готовности к работе во имя Отечества будет жить в наших сердцах. И именно к вам, у солдат – победителей, мы учимся любить Родину и гордиться ей»¹⁶.

Выступая на Параде в честь 65-й годовщины Великой Победы 9 мая 2010 г. Президент Республики Беларусь **А.Г. Лукашенко** заявил, что «в памяти народной навсегда останутся самоотверженность и мужество тех, кто выдержал тяжелейшие испытания и победил в самой жестокой войне прошлого столетия. Значение той Победы для всего человечества непреходяще. Она стала символом торжества жизни над смертью, свободы над рабством, гуманизма над расизмом. Воплотила в жизнь справедливое возмездие агрессии и насилию. Вынесла суровую оценку безумным амбициям и идеям о мировом господстве... Немало стран приняло участие в битве против агрессора. Но историческая правда состоит в том, что ре-

¹⁴ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 557–558.

¹⁵ Известия. 2014. 12 мая. С. 2.

¹⁶ Невское время. 2015. № 31 (5716). 21 февраля. С. 2.

шающую роль в антифашистской борьбе сыграл Советский Союз. Именно он стал той силой, которая изменила характер Второй мировой войны, предупредила ее исход. Решила судьбу не только нашей Родины, но и многих других государств и народов, по сути – всего международного сообщества»¹⁷.

Во время одного из своих визитов в Санкт-Петербург в январе 2014 г. посол США в Российской Федерации **Майкл Макфол** официально заявил: «Я бы хотел выразить свое глубокое уважение ныне живущим мужественным защитникам города ... Без вашей победы в Ленинграде и в других сражениях Второй мировой войны мировая история могла бы пойти совсем по другому пути. Спасибо вам»¹⁸.

Победа над фашистской Германией и ее сателлитами была достигнута совместными усилиями государств антигитлеровской коалиции, всех свободолюбивых народов¹⁹. Однако объективный ход и итоги войны свидетельствовали, что все ее тяготы легли на участников антигитлеровской коалиции далеко не в одинаковой степени. Главную роль в разгроме фашистской Германии, милитаристской Японии и их союзников сыграли советский народ и его вооруженные силы²⁰. 6 марта 1942 г. президент США **Ф.Д. Рузвельт** писал: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые»²¹.

¹⁷ СБ. Беларусь сегодня. 2010. 11 мая. С. 1.

¹⁸ Макфол М. «Без вашей победы мировая история могла бы пойти по другому пути»// Невское время. 2014. 25 января. С. 2.

¹⁹ Сёмин В.П. История: Россия и мир: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 435.

²⁰ Сёмин В.П. История России: учебник. М.: КНОРУС, 2013. С. 315.

²¹ Сёмин В.П. История: Россия и мир: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2012. С. 435–436; Сёмин В.П. История России: учебник. М.: КНОРУС, 2013. С. 316.

|| П Р И Л О Ж Е Н И Я

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АКТ О БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ, 8 МАЯ 1945 Г.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, – Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 часа по центрально-европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений парходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры, или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 г. в гор. Берлине

От имени Германского Верховного Командования:

Кейтель, Фридебург, Штумпф

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршал Советского Союза Жуков;

По уполномочию Верховного Командующего Экспедиционными силами Союзников Главный маршал авиации Теддер, Командующий Стратегическими Воздушными силами США генерал Спаатс.

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Французской армии генерал Делатр де Тассиньи.

Взято из: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 261–262 / Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 565–566.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБРАЩЕНИЕ ТОВ. И. СТАЛИНА К НАРОДУ, 9 МАЯ 1945 Г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем права верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это – действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы вашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развиваться великое знамя свободы народов мира и между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Взято из: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 192–194 / Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 526–527.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

АКТ О КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ, 2 СЕНТЯБРЯ 1945 Г. (ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился Советский Союз, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и другого военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены

верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления этих условий капитуляции.

Взято из: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 480–481 / Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 588–589.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ОБРАЩЕНИЕ И. СТАЛИНА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ, 2 СЕНТЯБРЯ 1945 Г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну.

Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам – Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 г. во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 г., когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 г. напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Перл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан – следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 г., после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, – вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 г. Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918–22 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано.

Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы.

Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава Вооруженным Силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам, Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

*Взято из: Правда. 1945. 3 сентября /
Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 4. Вторая мировая война. До-
кументы и материалы. С. 589–590.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Г.И. КОРОТКОВ

ПЕРЕЛОМНЫЕ СРАЖЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Поворотными событиями Великой Отечественной войны явились срыв гитлеровского плана «молниеносной войны» и разгром немецко-фашистских войск под Москвой, блистательные победы Красной Армии под Сталинградом зимой 1942/43 г., под Курском и на Днепре летом и осенью 1943 г. Важнейшее значение для завершения разгрома немецко-фашистских захватчиков имели победы Советских Вооруженных Сил в 1944 г. под Ленинградом и в Белоруссии, на Правобережной Украине и под Кишиневом, в Прибалтике и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Окончательную победу над врагом Красная Армия одержала в штурме Берлина в 1945 г. Именно благодаря этим победам были достигнуты крупные военно-политические результаты. Это были маяки на трудном пути к полному разгрому фашистского вермахта. В связи с 60-летием Великой Победы уместно напомнить, какие оценки победам советских Вооруженных Сил давали в годы войны зарубежные государственные и военные деятели.

Битва под Москвой. Она началась 30 сентября 1941 г. генеральным наступлением фашистских войск на столицу Советского государства.

К началу декабря наступление гитлеровцев выдохлось. Враг был остановлен на ближних подступах к Москве. В оборонительных боях под Москвой советские воины

покрыли свои боевые знамена неуязвимой славой. Американская газета «Балтимор сан» писала: «Никакая другая армия в Европе не выдержала бы такого невероятного повсеместного давления, неизбежно развалилась бы, открыв дорогу врагу к столице».

В ходе боев под Москвой советское Верховное Главнокомандование проявило высокое стратегическое искусство, создав благоприятные условия для перехода Красной Армии в контрнаступление. 5–6 декабря 1941 г. мощные удары обрушились на врага севернее столицы. Так же успешно началось наступление наших войск и южнее Москвы. Удары севернее и южнее столицы дополнились в последующие дни наступлением на других участках.

С огромным энтузиазмом встретили вести из России американцы. 16 декабря президент США Ф. Рузвельт в послании на имя И.В. Сталина писал: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации»¹. Начальник штаба армии США Дж. Маршалл охарактеризовал победу под Москвой так: «Это было стратегическим поражением германских вооруженных сил... поворотным пунктом всей войны»². Американский генерал Д. Макартур отмечал, что никогда не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбрасывающее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия, по его мнению, явились «величайшим военным достижением всей истории»³.

О международном значении этой первой крупной победы над немецко-фашистскими захватчиками Ф. Рузвельт писал М.И. Калинин: «Решительность и успешность, с которыми народы Советского Союза отбрасывают орды агрессоров, вдохновляют другие нации, борющиеся за сохранение своей независимости»⁴.

Контрнаступление под Москвой в январе 1942 г. переросло в общее зимнее наступление Советской Армии. Оно развернулось на фронте протяженностью 2 тыс. км и продолжалось до апреля 1942 г. За это время захватчики были изгнаны с территории общей площадью 150 тыс. кв. км. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили около 50 дивизий врага. 11 февраля 1942 г. Ф. Рузвельт писал И.В. Сталину: «Имеющиеся здесь сообщения указывают на то, что Вы успешно отгоняете нацистов»⁵.

Подчеркивая решающее значение событий на русском фронте, газета «Нью-Йорк тайме» писала 5 января 1942 г.: «Гитлер потерпел самое крупное поражение... Поражение немцев и успешное наступление русских затмевает события, происходящие на отдаленном театре военных действий в Тихом океане».

Английский военный историк Дж. Фуллер по этому поводу писал, что кампания в России «дала необходимую передышку Британии как в метрополии, так и на Среднем Востоке для приведения в порядок своих вооруженных сил. Англичане в Египте были избавлены от угрозы войны на два фронта»⁶.

¹Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее – Переписка...). 2-е изд., т. 1–2. М., 1976; т. 2, с. 12.

²Graven A. A Documentary History. New York, 1946, p. 821.

³MacArthur D. Reminiscences. New York, 1964, p. 188.

⁴Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1–3. М., 1946; т. 1, с. 464.

⁵Переписка..., т. 2, с. 13.

⁶Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1956, с. 168.

Анализируя обстановку в мире, американский журнал «Нью-Рипаблик» в апреле 1942 г. с полным основанием делал вывод, что «борьба Красной Армии против гитлеровской военной машины изменила всю стратегию войны».

В битве под Москвой Красная Армия развеяла миф фашистской пропаганды о непобедимости гитлеровского вермахта. Нацистская Германия потерпела первое большое поражение во Второй мировой войне. Свой подвиг под Москвой советские воины совершили в дни, когда многим на Западе, уstraшенным победами гитлеровцев в Европе, казалось, что господство нацизма неизбежно. Примечательным было заявление, которое сделал 16 декабря 1941 г. журнал «Стар»: «История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили “молниеносную войну”, но и сумели обратить противника в бегство».

В течение первого года Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – июнь 1942 г.) Красная Армия практически одна из числа армий стран антигитлеровской коалиции противостояла агрессору. Это подтвердил и Ф. Рузвельт в августе 1942 г. в письме И.В. Сталину: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы»⁷.

Сталинградская битва. Эта битва длилась с июня 1942 г. до начала февраля 1943 г. и по времени явилась самой продолжительной в ходе Великой Отечественной войны. Более полугода шли ожесточенные сражения, в которых участвовало 2 млн человек, 26 тыс. орудий и минометов, более 2 тыс. танков, свыше 2 тыс. самолетов⁸.

Красная Армия одержала великую победу. Она нанесла немецкой армии и войскам союзников гитлеровской Германии сокрушительное поражение. Обескровив противника в оборонительных сражениях, советские войска перешли в решительное наступление, продвинулись на запад от Сталинграда на сотни километров. Разгром врага под Сталинградом имел большое международное значение. Под влиянием победы Красной Армии возрос международный авторитет Советского Союза, укрепилась антифашистская коалиция. Многие государства, не имевшие до этого дипломатических отношений с СССР, спешили их установить. Обострились противоречия в блоке фашистских государств, упал военный престиж Германии. Разгром немецко-фашистской армии на берегах Волги и Дона отрезвляюще повлиял на политику так называемых «нейтральных» стран. Турция окончательно отказалась от своих намерений вступить в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии, а Япония отложила нападение на советский Дальний Восток. Разгром войск агрессора под Сталинградом укрепил надежду народов оккупированных стран Западной Европы на скорое освобождение от фашистского рабства. Эта победа дала новый толчок к расширению движения Сопротивления.

Значение победы Красной Армии в Сталинградской битве высоко оценили государственные и политические деятели США и Англии. Приведем здесь некоторые высказывания.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль об ударах по немецко-фашистским войскам на советско-германском и североафриканском фронтах писал 29 ноября 1942 г.: «Победы в Африке, какими бы быстрыми и важными они ни были, не должны отвлечь нашего внимания от изумительных ударов, которые наносят русские на восточном фронте». Он же о наступательных операциях Красной Армии:

⁷Переписка..., т. 2, с. 29.

⁸Битва под Сталинградом. М., 1969.

«Мы все с восхищением следим за великолепными наступательными операциями, которые проводит Красная Армия. Подвиги советских Вооруженных Сил, партизан, труды и страдания советского гражданского населения в обороне своего Отечества войдут в историю на все времена»⁹.

Ф. Рузвельт в письме к Сталину 26 ноября 1942 г. отметил: «Вести из района Сталинграда самые обнадеживающие, и я шлю Вам свои самые горячие поздравления»¹⁰. 30 декабря 1942 г. он писал: «Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить свое восхищение отвагой, стойкостью и воинской доблестью Ваших великих русских армий, о чем мне сообщал генерал Брэдли и что было продемонстрировано в Ваших великих победах прошлого месяца»¹¹. В письме от 8 января 1943 г. он выражал «высокую оценку продолжающегося наступления Ваших армий. Принцип постепенного перемалывания сил противника на всех фронтах начинает давать свои результаты»¹².

Приведем также высказывания военных деятелей США. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл 16 января 1943 г.: «Мы должны найти средства, которые позволили бы России продолжать наступательные действия в течение 1943 г.». Главнокомандующий американскими войсками на Тихоокеанском театре войны генерал Д. Макартур 22 февраля 1943 г.: «Красная Армия воплощает в себе то, что вызывает волнение, что движет всеми войнами: храбрость, готовность отдать свою жизнь за родину, стойкость в испытаниях, неугасимый огонь решимости... Это – основополагающие военные достоинства, которые составляют величие и порождают бессмертие»¹³. Заместитель военного министра США П. Паттерсон 23 февраля 1943 г.: «Мужество, искусство, решимость и дух самопожертвования, которыми проникнута эта армия, служат источником вдохновения для народов всего мира. Оборона Сталинграда, блестящая стратегия, приведшая к переходу от обороны к наступлению, ожесточенность атаки, отбросившей назад, а затем уничтожившей нацистские армии, имеет мало параллелей в истории. Только что мы были свидетелями одного из самых решительных сражений всех времен».

Героическая борьба советских воинов с главными силами германского агрессора вызвала восхищение у солдат и офицеров американской армии. Американские солдаты, воевавшие в бассейне Тихого океана, писали: «Из болот джунглей юго-западной части Тихого океана мы шлем братский привет нашим доблестным товарищам по оружию – бойцам могущественной Красной Армии. Ваша единая воля и героическая стойкость развеяли миф о непобедимости нацистов. Доблестной защитой Сталинграда, этого памятника человеческому мужеству, вы выиграли для нас драгоценное время. Пока мы собирали силы для будущих боев, вы сражались и проливали кровь. Теперь мы тоже готовы. Вы беспощадно гоните нацистских зверей из вашего дорогого отечества, а мы готовы ударить по общему врагу с запада, чтобы ускорить день победы. Вы со славой несли на себе главное бремя боев, но мы должны разделить эту славу с вами. Мы ведем общую борьбу, чтобы уничтожить все следы фашистской реакции и принести всему человечеству мир и свободу»¹⁴.

⁹Переписка..., т. 1, с. 100.

¹⁰Там же, т. 2, с. 37.

¹¹Переписка..., т. 2, с. 45.

¹²Там же, с. 47.

¹³Daily Worker, 22.11.1943.

¹⁴Международная солидарность трудящихся. М., 1962. С. 586.

Пресса США также исключительно высоко оценивала значение Сталинградской битвы. 3 февраля 1943 г. канзасская газета на первой странице опубликовала статью «Сталинград!», где сообщалось о том, что немецкие армии наголову разбиты под Сталинградом. Эта битва – «поворотный пункт в войне и величайшая катастрофа для немецких армий на протяжении всей Второй мировой войны»¹⁵.

Крупнейший в США специалист по изучению отношения американской общественности к СССР в годы войны Р. Леверинг цитировал статью из газеты «Нью-Йорк геральдтрибюн» от 24 декабря 1942 г.: «Американцы могут бросить взгляд на спокойные улочки своих городов и попытаться представить их в условиях страшных разрушений, которые обрушились на Сталинград».

Эйфория от этой победы отразилась в телеграмме Ф. Рузвельта И.В. Сталину от 22 февраля 1943 г. в связи с 25-й годовщиной Красной Армии: «От имени народа Соединенных Штатов я хочу выразить Красной Армии по случаю ее 25-й годовщины наше глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными во всей истории достижениями. В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и наконец в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта, от Балтики до Черного моря. Вынужденное отступление противника дорого обходится ему людьми, материалами, территорией и в особенности тяжело отражается на его моральном состоянии. Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и, прежде всего, решимостью победить противника, невзирая на собственные жертвы. В то же самое время я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берет свои истоки и от которого она получает своих мужчин, женщин и снабжение. Русский народ также отдает все свои силы войне и приносит высшие жертвы».

Король Великобритании Георг VI также очень высоко оценивал победу Красной Армии в Сталинградской битве: «Сегодня я и мои народы присоединяемся к народам Советского Союза в искреннем воздании должного героическим качествам и великолепному руководству, благодаря которым Красная Армия в своей борьбе против наших общих врагов своими славными победами вписала новые страницы в историю. Упорное сопротивление Сталинграда повернуло события и послужило предвестником сокрушительных ударов, которые посеяли смятение среди врагов цивилизации и свободы. Для того чтобы отметить глубокое восхищение, испытываемое мной и народами Британской Империи, я отдал приказ об изготовлении почетного меча, который я буду иметь удовольствие преподнести городу Сталинграду. Я надеюсь, что в грядущие счастливые дни этот дар будет напоминать о несгибаемом мужестве, в котором город-воин закалился в борьбе против сильных и упорных атак своих врагов, и что он будет символом восхищения не только народов Британской Империи, но и всего цивилизованного мира»¹⁶.

¹⁵The Kansas City Times, 3.II.1943.

¹⁶Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. 1, с. 486.

В тяжелейших сражениях с коварным и сильным врагом советский народ понес большие потери. В июне 1943 г. Ф. Рузвельт писал: «В течение последних двух лет свободолюбивые народы всего мира следили со все возрастающим восхищением за историческими подвигами вооруженных сил Советского Союза и почти невероятными жертвами, которые столь героически несет русский народ»¹⁷.

Миллионы граждан Соединенных Штатов Америки, настоятельно требовавшие открытия фронта в Западной Европе, справедливо считали, что «на полях России проходит главный фронт борьбы. Там идут непрерывные бои, в которых немецкая армия тает, как снег под весенними лучами. Там идет жестокая борьба, тогда как мы спокойно спим, работаем и отдыхаем у себя дома»¹⁸.

Летом и осенью 1943 г. Красная Армия одержала новые выдающиеся победы над агрессором.

Курская битва. Она началась 5 июля наступлением двух мощных ударных группировок противника на северном и южном участках Курской дуги. Сюда было стянуто 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных (до 2700 танков и штурмовых орудий). Здесь же действовало свыше 2 тыс. вражеских боевых самолетов. На отдельных участках гитлеровцам удалось вклиниться в оборону советских войск. Но вскоре они были отброшены на прежние позиции. Советская Армия перешла в решительное наступление. Последняя попытка Гитлера перехватить стратегическую инициативу не удалась. Он надеялся остановить наступление Красной Армии на Днепре, в оборонительных сражениях измотать и обескровить ее войска, выиграть время и найти пути компромиссного выхода из войны. Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Значение победы Красной Армии на Курской дуге и на Днепре отмечали в США. 6 августа 1943 г. Ф. Рузвельт писал И.В. Сталину: «В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия»¹⁹.

Многие американские военные и политические деятели говорили о прямой зависимости успехов англо-американских войск в Италии от побед Красной Армии. Так, Д. Эйзенхауэр писал, что активные действия советских войск «оказали огромную услугу уже в том смысле, что мы действовали уверенно, зная, что немецкое командование не сможет уделить должного внимания району Южной Италии»²⁰. По словам генерала О. Брэдли, союзники «не встретили никаких затруднений при высадке десанта»²¹.

Совершенно очевидно, что действия англо-американских войск на Средиземном море не могли коренным образом изменить ход Второй мировой войны, оказать решающее влияние на подрыв возможностей Германии продолжать войну. На Средиземноморском театре военных действий англичане и американцы не отвлекли на себя значительных сил гитлеровской Германии, не нанесли им тяжелых потерь. Действия американских войск на итальянском фронте метко охарактеризовал военный министр США Г. Стимсон, когда он сравнил их с «булавочными уколами».

¹⁷ Переписка..., т. 2, с. 72.

¹⁸ The New York Times, 17.III.1944.

¹⁹ Переписка..., т. 2, с. 77.

²⁰ The Papers of Dwight D. Eisenhower, T. 2. Baltimor, 1970, p. 892.

²¹ Брэдли О. Записки солдата. М., 1957, с. 150.

Указывая на крупные военно-стратегические успехи Советских Вооруженных Сил в летне-осенней кампании 1943 г., некоторые американские генералы отмечали в качестве одной из причин этих успехов высокое военное искусство. В частности, Дж. Маршалл писал, что действия советских войск на Курской дуге и на Днестре «могут быть по праву оценены как поучительные образцы целенаправленной и решительной стратегии»²². В одном из своих докладов начальнику штаба армии США Д. Эйзенхауэр писал: «Все, чего мы здесь достигли, имеет, несомненно, определенное политическое значение. Однако это не те результаты, если их рассматривать с позиции дальних целей нашей большой стратегии»²³.

В конце 1943 г. Ф. Рузвельт довольно точно определил возможные последствия того факта, что победы Красной Армии завершили коренной перелом во всей Второй мировой войне. Рассуждая о перспективах открытия второго фронта в Западной Европе, он заметил: «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится»²⁴.

Битвы 1944 г. В 1944 г. Советские Вооруженные Силы провели две кампании: зимне-весеннюю и летне-осеннюю. В этих кампаниях они нанесли по врагу новые сокрушительные удары, сыгравшие решающую роль в его окончательном поражении.

В январе 1944 г. гитлеровцы потерпели поражение под Ленинградом и Новгородом. Отмечая эти крупные победы, Ф. Рузвельт писал в феврале 1944 г.: «Героическая оборона Ленинграда была увенчана и вознаграждена недавним сокрушительным поражением врага у ворот этого города»²⁵.

С позиций профессионального военного Дж. Маршалл в феврале 1944 г. подчеркивал: «Празднование Дня Красной Армии в этом году проходит в условиях, когда немцы ведут катастрофическое отступление по всему восточному фронту. Под могучими ударами русской армии противник скоро будет полностью изгнан с русской земли. Его самолеты, танки и пехота понесли поражение и непрерывно отступают. Его контратаки провалились. Уничтожение десяти его дивизий на Украине, знаменательные успехи советских войск в районе Ленинграда являются ярким свидетельством приближающегося триумфа русского оружия... Мы разделяем вашу гордость и восхищение ее исключительными успехами, мужеством и выдержкой всех ее солдат и русского народа, который принес такие большие жертвы, чтобы одержать великую историческую победу над самым могущественным и жестоким врагом в мире»²⁶.

Командующий сухопутными войсками генерал Дж. Стилуэлл отмечал: «Мы наблюдали его (СССР. – Г.К.) в этой войне во время упорной, самоотверженной обороны против могущественной германской машины, во время его эпического сопротивления в Сталинграде и его первой великой победы там, когда он уничтожил 6-ю германскую армию и повернул ход войны к окончательной победе. Мы видели, как он гнал германскую армию обратно и очищал свою родину от захватчиков в самом великом и упорном в военной истории наступлении. В течение трех лет постоянной борьбы мы видели, как он выносил на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил

²² Marshall G. Report on the Army. Washington, 1943, p. 231.

²³ The Papers of Dwight D. Eisenhower, p. 417.

²⁴ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 161.

²⁵ Переписка..., т. 2, с. 129.

²⁶ За рубежом, 1975, № 12.

их... Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе – русского солдата»²⁷.

Интересно признание Д. Эйзенхауэра как верховного главнокомандующего англо-американскими войсками, которые готовились к высадке во Франции. «Сейчас, – писал он зимой 1944 г., – мы являемся свидетелями еще более великой военной эпопеи – гигантского наступления, в котором те же самые офицеры и солдаты русской армии наносят еще более ожесточенные удары, изгоняя врага с разграбленной им земли в его разваливающуюся берлогу»²⁸.

Блестящие победы Красной Армии на Украине, в Крыму и Молдавии весной 1944 г. вызвали новые восторженные отклики в США. Так, газета «Нью-Йорк геральд-трибюн» писала: «Приходится изумляться неимоверно быстрым темпам русского наступления в условиях распутицы»²⁹.

Операции, проведенные советскими войсками весной 1944 г. на южном участке советско-германского фронта, явились образцами военного искусства. В одном из американских военных обзоров того времени говорилось: «Быстроту, с которой была форсирована река Днестр и проведено дальнейшее наступление, следует считать просто удивительной. Этот район был сильно укреплен и представлял собой сложную сеть самых современных укреплений. Сам крутой берег реки являлся серьезным препятствием. Однако ничто не могло остановить Красную Армию в ее стремительном наступлении. Блестящими, смелыми операциями противник был отброшен на западный берег Прута. Преодолеть распутицу на Украине и труднопроходимую местность Молдавии является далеко не легким делом. Уже одно это надо считать блестящим достижением»³⁰.

19 апреля газета «Нью-Йорк пост» отмечала: «Высшие военные круги Вашингтона поражены мощью последних наступлений русских в Крыму и на Украине. Размах наступлений значительно превышает все то, что предполагали специалисты, разрабатывающие военные планы»³¹.

«В течение прошедшей зимы, – отмечал 20 мая 1944 г. Ф. Рузвельт, – армии Советского Союза изгнали нацистов почти из всей Украины, из Крыма, Ленинградской и Калининской областей и из обширных районов Белоруссии. Они вступили в Румынию и Чехословакию. Одесса и Севастополь взяты. Это великолепное зимнее и весеннее наступление завершило операции, почти непрекращавшиеся в течение более года со времени Сталинградской наступательной операции, в результате которых было освобождено свыше трех четвертей захваченной противником территории Советского Союза, а гитлеровские армии потеряли миллионы людей и огромное количество важнейшего военного снаряжения»³².

С июня по декабрь 1944 г. Красная Армия провела вторую военную кампанию. «Я отмечаю продвижение Красной Армии по карте, – говорил Д. Эйзенхауэр 7 июня 1944 г. – Естественно, я испытываю колоссальный трепет от той силы, с которой она уничтожает вооруженную мощь врага»³³. Чтобы сломить сопротивление гитлеров-

²⁷ Правда, 10.V. 1970.

²⁸ Правда, 21.11.1944.

²⁹ The New York Herald Tribune, 22.III.1944.

³⁰ Красный флот, 28.11.1944.

³¹ New York Post, 19. IV. 1944.

³² Правда, 24.IV. 1944.

³³ Feis W. pharchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace The Thought. Princeton, 1957, p. 313.

ского вермахта, основные силы которого по-прежнему находились на советско-германском фронте, Красной Армии пришлось провести крупные наступательные операции в Белоруссии и Прибалтике, на Украине и на Балканах, в Карелии, Польше, Чехословакии и Венгрии. В ходе летне-осенней кампании от ударов советских войск противник потерял 1,6 млн человек, 6 700 танков, более 12 тыс. самолетов.

Это была выдающаяся победа. Действующий фронт переместился на Вислу, Дунай, в Польшу, Чехословакию, Венгрию. Глубина продвижения советских войск достигала 1 200 км, а фронт одновременного наступления простирался от Балтийского моря до Югославии. Из войны вышли союзники гитлеровской Германии – Финляндия и Румыния. Были освобождены значительные территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии и целиком Болгария. Оценивая эти победы, Ф. Рузвельт писал И.В. Сталину 21 июля: «Стремительность наступления Ваших армий изумительна»³⁴.

В докладе начальнику штаба армии США (март 1944 г.) верховный главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр подчеркивал: «Русские армии продвигаются быстрыми темпами, что может неожиданно изменить обстановку и заставить пересмотреть наши планы»³⁵.

Решающие удары по вермахту были нанесены Красной Армией в январе – мае 1945 г. на заключительном этапе вооруженной борьбы народов антифашистской коалиции против гитлеровской Германии. Красная Армия провела ряд крупных наступательных операций. В январе – феврале 1945 г. была завершена Будапештская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов. Победа на Дунае открыла нашим войскам путь к «Альпийской крепости» гитлеровцев Южной Германии и Восточной Австрии. В это же время войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов во взаимодействии с 4-м Украинским и 2-м Белорусским фронтами провели Висло-Одерскую операцию. Они вышли на реку Одер, форсировали ее и оказались всего в 60 км от столицы «третьего рейха». 13 января началась Восточно-Прусская операция. Советские войска расчленили и уничтожили крупную вражескую группировку и заняли к началу апреля всю Восточную Пруссию с городом Кёнигсбергом. 16 марта 2-й и 3-й Украинские фронты развернули Венскую наступательную операцию. Сломив сопротивление противника в районе озера Балатон, советские войска перешли в стремительное наступление и к 4 апреля полностью освободили Венгрию. 13 апреля они овладели столицей Австрии – Венной, а к началу мая вышли в предгорье Австрийских Альп.

Берлинская операция. Решающий удар по «третьему рейху» нанесли войска 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов в ходе Берлинской операции. Враг потерял в ней 93 дивизии. Советские воины закончили свою освободительную миссию в Европе Пражской операцией.

В январе, когда советские войска взломали оборону гитлеровцев на Висле и стремительно продвигались к Одере, генерал Д. Эйзенхауэр писал: «Волнующая весть о продвижении могущественной Красной Армии, предпринявшей новое наступление, встречена в союзных войсках на Западе с энтузиазмом»³⁶.

Энтузиазм американцев легко понять. В канун Нового года гитлеровцы нанесли мощный танковый удар в Арденнах, рассекли стратегический фронт англо-американских войск, поставив их в критическое положение. Обстановка была

³⁴Переписка..., т. 2, с. 158.

³⁵The Papers of Dwight D. Eisenhower, p. 1895.

³⁶Ibid., p. 2428.

настолько опасной, что союзники срочно запросили помощи. По оценке генерала Дж. Паттона, сложилась ситуация, когда союзники на Западе «могли проиграть войну». Вот почему начатое раньше намеченного срока наступление советских войск явилось, по оценке Д. Эйзенхауэра, «необычайно мощным и чрезвычайно важным»³⁷.

Благодаря помощи Советской Армии англо-американские войска восстановили свои прежние позиции в Арденнах. Ф. Рузвельт писал И.В. Сталину 18 января 1945 г. о том, что наступление советских войск дает «все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах»³⁸.

Огромное впечатление в США произвело наступление Красной Армии между Вислой и Одером. Печать и радио единодушно отмечали стремительность и высокие результаты этого наступления. Пока союзные войска на Западном фронте продолжали все еще стоять на «линии Зигфрида» (с сентября 1944 г.), советские воины разгромили лучшие дивизии Гитлера и приблизились к сердцу «третьего рейха» – Берлину.

23 февраля 1945 г. Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил получило от Г. Стимсона телеграмму следующего содержания: «От имени Военного Министерства Соединенных Штатов я посылаю Вам в день Красной Армии мои наилучшие пожелания и поздравления с великолепной и победоносной борьбой, которую Ваша Армия ведет в сердце Германии. Каждый шаг этого пути был отмечен мастерством Ваших полководцев, храбростью Ваших солдат и жертвами, которые нес Ваш храбрый народ. Никогда еще победа не была столь полностью заслуженной»³⁹.

Последняя кампания войны в Европе завершилась полным разгромом гитлеровского вермахта. Решающая роль в этом принадлежит Советским Вооруженным Силам. Такой вывод целиком разделял и верховный главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе Д. Эйзенхауэр: «Наши усилия в этих последних сражениях далеко не соответствовали имеющимся возможностям. Были причины, которые препятствовали более широким и эффективным действиям. Русским принадлежит пальма первенства в принуждении нацистов к капитуляции»⁴⁰.

Приведенные выше высказывания зарубежных государственных и военных деятелей свидетельствуют о том, что главная заслуга в спасении народов от угрозы фашистского порабощения принадлежит Советскому Союзу – государству, которое внесло решающий вклад в разгром военной машины гитлеровской Германии.

Взято из: Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 41–49.

³⁷ Eisenhower D. In Review. Boston, 1971, p. 84.

³⁸ Переписка... т. 2, с. 196.

³⁹ Внешняя Политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 510.

⁴⁰ The Papers of Dwight D. Eisenhower, p. 2907.

|| О Г Л А В Л Е Н И Е

Г Л А В А 1. ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ	3
Г Л А В А 2. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ РЕВОЛЮЦИЙ	35
Г Л А В А 3. ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИИ И ОТ ЧЕГО ОНИ ПРОИСХОДЯТ?	58
Г Л А В А 4. РЕВОЛЮЦИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	81
Г Л А В А 5. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА	111
Г Л А В А 6. ПРИЧИНЫ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ ТЕМЫ)	144
Г Л А В А 7. ВЕЛИКАЯ ПРАВДА ПОБЕДЫ. К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	157
Г Л А В А 8. ВЕЛИЧИЕ ПОБЕДЫ: ГЛАВНЫЕ ИТОГИ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН 1939–1945 ГГ.	214
П Р И Л О Ж Е Н И Я	225

Научное издание

КОСМАЧ Вениамин Аркадьевич

**О ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ В ИСТОРИИ
И НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ**

Монография

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

Т.В. Образова

Компьютерный дизайн

А.В. Табанюхова

Подписано в печать 09.06.2021. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 16,19. Тираж 25 экз. Заказ 91.

Полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№1/225 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.